

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник материалов

VI Республиканской научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов

Брест, 23 октября 2015 года

В двух частях

Часть 1

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2016

УДК 341+339.9
ББК 67.9+65.5

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент **Т.А. Горупа**
кандидат философских наук, доцент **Г.И. Займист**

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент **В.В. Лосев** (отв. ред.)
кандидат юридических наук, доцент **С.М. Храмов**,
ст. преподаватель **Е.В. Романюк**, преподаватель **В.И. Резюк**

Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сб. материалов VI Респуб. науч.-практич. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 23 октября 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; редкол.: В. В. Лосев (отв. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2015. – Ч. 1. – 248 с.

В сборник вошли материалы VI Республиканской научно-практической конференции «Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика», в которых освещаются актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса, прокурорского надзора, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Материалы конференции предназначены аспирантам, магистрантам и студентам, научно-педагогическим работникам, судьям и практическим работникам правоохранительных органов.

Ответственность за содержание и грамотность несут авторы и их научные руководители.

УДК 341+339.9
ББК 67.9+65.5

БрГУ имени А.С. Пушкина, 2016

Пленарные доклады

УДК 343.3/7

З.М. ВИКТОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Интенсивное развитие современных информационных технологий, все более широкое их использование во всех сферах государственной и общественной деятельности обуславливает возрастание актуальности задачи постоянного совершенствования уголовного законодательства в сфере информационной безопасности.

В связи с этим полезен анализ опыта постсоветских стран в области законодательного регулирования вопросов уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере компьютерной информации.

Основой для создания норм уголовного законодательства об ответственности за преступления против информационной безопасности, в известной мере унифицированного для государств, входящих в Содружество Независимых Государств, явились положения Модельного Уголовного кодекса СНГ от 17 февраля 1996 года, принятого Межпарламентской ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств, которые носят рекомендательный характер.

В Уголовном кодексе (далее УК) Республики Беларусь 1999 года уголовная ответственность за преступления против информационной безопасности предусмотрена в главе 31 «Преступления против информационной безопасности», составляющей одноименный раздел XII УК и объединяющей статьи: несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349), модификация компьютерной информации (ст. 350), компьютерный саботаж (ст. 351), неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352), изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети (ст. 353), разработка, использование либо распространение вредоносных программ (ст. 354), нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355).

Родовым объектом рассматриваемых преступлений является информационная безопасность, которая, будучи объектом

рассматриваемых преступлений, в литературе определяется как совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты информационных ресурсов и охраны прав субъектов информатизации, а также обеспечения безопасности пользователей и пользования компьютерными системами и сетями.

Информационная безопасность – родовой объект преступлений против информационной безопасности в УК Республики Таджикистан.

Законодатели остальных стран назвали в качестве родового объекта преступлений в сфере информационной безопасности другие блага. Так, в УК Российской Федерации, УК Республики Азербайджан, УК Республики Казахстан, УК Туркменистана родовым объектом выступает общественная безопасность и общественный порядок, так как преступления в сфере компьютерной информации помещены в самостоятельные разделы Уголовных кодексов. В УК Республики Армения родовой объект – общественная безопасность, безопасность компьютерной информации, общественный порядок и нравственность, здоровье населения. Таким образом, законодатель указал четыре разнородных объекта, что является смешением правоохраняемых интересов. УК Украины установлена ответственность за ряд преступлений, родовым объектом посягательств которых согласно заглавию раздела XVI обозначена сфера использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей.

Следует заметить, что преступления в сфере компьютерной информации в качестве самостоятельной главы предусмотрены в УК девяти из одиннадцати государств СНГ, а именно в Республике Беларусь, Российской Федерации, Азербайджанской Республике, Республике Армения, Кыргызской Республике, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Туркменистане и Украине. Вместе с тем Республика Узбекистан не имеет в составе уголовного законодательства самостоятельной главы, предусматривающей ответственность за рассматриваемые преступления, что несомненно является упущением уголовно-правового регулирования. УК Республики Узбекистан предусматривает такие составы преступлений, как хищение путем присвоения и растраты с использованием средств компьютерной техники (п. «г» ч. 3 ст. 167); мошенничество с использованием средств компьютерной техники (п. «в» ч. 3 ст. 168); кража, совершенная с несанкционированным проникновением в компьютерную систему (п. «в» ч. 3 ст. 169); нарушение правил информатизации (ст. 174); незаконное соби́рание, разглашение или использование информации (ст. 191); дискредитация конкурента (ст. 192).

Название главы «Преступления против информационной безопасности» в УК Республики Беларусь, как и в УК Республики Таджикистан сформулированы на основании рекомендаций в Модельном кодексе СНГ

УК Российской Федерации имеет главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», содержащую три состава преступления, а именно: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272); «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273); «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации информационно-телекоммуникационных сетей» (ст.274).

Тождественное с УК Российской Федерации наименование главы имеют УК Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Туркменистана. Близкое к данному понятию наименование предложено законодателями Республика Армения «Преступления против безопасности компьютерной информации».

Наименование XI главы УК Республики Молдова «Информационные преступления и преступления в области электросвязи» сведено к тому, что законодатель расширил родовый объект данных преступлений, выделив в самостоятельный вид преступления, связанные с нарушением систем и порядка функционирования объектов электросвязи. В данную главу входят такие составы преступлений как: несанкционированный доступ к компьютерной информации; неправомерное производство, импорт, продажа или предоставление технических средств или программных продуктов; неправомерный перехват передачи информационных данных; нарушение целостности информационных данных, содержащихся в информационной системе; воздействие на функционирование системы; неправомерное производство, импорт, продажа или предоставление паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных; подлог информационных данных; нарушение правил безопасности информационных систем; несанкционированный доступ к сетям услугам электросвязи.

В главе 24 УК Республики Армения «Преступления против безопасности компьютерной информации», размещенной в разделе 9 «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной нравственности и здоровья населения» предусмотрены следующие составы преступлений в сфере компьютерной безопасности: несанкционированный доступ (проникновение) к системе компьютерной информации (ст. 251); изменение компьютерной информации (ст. 252); компьютерный саботаж (ст. 253); неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 254);

изготовление или сбыт специальных средств неправомерного доступа (проникновения) к компьютерной информации (ст. 255); разработка, использование и распространение вредоносных программ (ст. 256); нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 257). Кроме того, в разделе 8 УК Республики Армения «Преступления против собственности, экономики и экономической деятельности» предусмотрена уголовная ответственность за такие составы преступлений, как хищение чужого имущества в значительных размерах, совершенное с использованием компьютерной техники (ст. 181 УК); сбор информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз в отношении лиц, владеющих коммерческой или банковской тайной, их близких, прослушивания средств связи, незаконного проникновения в компьютерную или программную систему или сеть, использования специальных технических средств, а также иными незаконными способами в целях разглашения или использования этих сведений (ст. 199 УК).

Анализ уголовного законодательства о преступлениях в сфере информационной безопасности позволяет сделать вывод о различном подходе к определению родового объекта посягательства в названных странах и к установлению перечня таких преступлений. Вместе с тем все они направлены, прежде всего, на обеспечение информационной безопасности, и кроме того, на защиту других дополнительных объектов.

УДК 343.123.3

О.А. ЗУБКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Уголовная политика Республики Беларусь направлена на охрану прав и интересов граждан не только от преступлений, но и от необоснованного уголовно-правового воздействия. Согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают

назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

На сегодняшний день карательный подход к решению проблемы преступности кажется все менее неэффективным. Места лишения свободы переполнены осужденными, в том числе и за незначительные преступления, не способствуют исправлению преступников, предупреждению преступности, а во многом порождают рецидивную преступность. Осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, утрачивают способность к социальной адаптации, к нормальной жизни в обществе после освобождения в связи с отсутствием программ по реабилитации. В последние десятилетия в мировой юридической практике все больший авторитет завоевывает «восстановительное» правосудие. Главным здесь является не наказание, а примирение правонарушителя с потерпевшим и возмещение ущерба. Основной целью правосудия становится не только восстановление нарушенного правопорядка, но и возмещение потерпевшему причиненного преступлением вреда, искупление вины обидчиком. Основными действующими лицами, решающими проблемы, связанные с конкретным преступлением, его причинами и последствиями, становятся сами участники события – правонарушитель и жертва.

Одной из задач современной Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672) [1] названы обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда), в том числе посредством внесудебного урегулирования конфликтов. Организационно-практическими мероприятиями предусматривается расширение практики освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности, утратой деянием общественной опасности, деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, а законодательными – усовершенствовать процессуальный порядок принятия решений об освобождении от уголовной ответственности по этим основаниям, в т.ч. в связи с примирением с потерпевшим, а также принять меры по введению в уголовном процессе института медиации (посредничества) для внесудебного урегулирования конфликтов.

Восстановительное правосудие призвано не отменить официальное правосудие, а придать ему за счет использования определенного способа разрешения криминального конфликта восстановительный характер.

Программы примирения потерпевших и правонарушителей являются самой распространённой формой восстановительного правосудия. В качестве основного элемента технологий в таких программах используется посредничество (медиация).

Около двух лет прошло с того момента, как в Республике Беларусь заработал закон «О медиации», которым впервые определены правовые основы ее применения. Как сказано в ст. 2 данного закона, он регулирует отношения, связанные с применением медиации в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде [2].

Однако примирительные процедуры в уголовном процессе Республики Беларусь законодательством не урегулированы. Возможность следователя, прокурора, судьи в оказании помощи сторонам в достижении примирения ограничены, поскольку любая их попытка примирить стороны может быть расценена как превышение ими своих полномочий, злоупотребление властью, может вызвать недоверие сторон. В такой ситуации лучшим способом разрешения возникшего конфликта станет медиация – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Представляется необходимым дополнить действующее законодательство введением нового правового института медиации в уголовном процессе. Для эффективной реализации данного института следовало бы определить порядок, круг участников, а также правовые условия и основания допустимости использования медиации, допуска медиатора к участию в уголовном процессе, пределы его компетенции, обстоятельства, исключающие его участие в уголовном деле.

Важным является вопрос, нужно ли вводить обязательное требование иметь высшее юридическое образование для тех медиаторов, которые, возможно, займутся разрешением конфликтов в уголовном процессе. Не вызывает сомнения, что такое образование очень важно. Однако для медиатора не менее важно разбираться в конфликтологии, уметь примирить стороны, которые достигли высокой степени конфронтации. Сейчас в Беларуси большинство медиаторов имеет высшее юридическое образование, но все же встречаются люди с дипломами, например, химиков. Полагаем, что лучше отдавать приоритет тем, у кого

есть диплом юриста. Представляется, что в качестве медиатора вполне мог бы участвовать адвокат. Однако данное обстоятельство будет исключать его участие в качестве защитника по данному уголовному делу.

Профессиональные посредники должны соблюдать нормы этики и не иметь личной заинтересованности в результате разрешения споров. Медиатор должен оказать помощь участникам медиации освободиться от травматологических переживаний в результате криминальных ситуаций, способствовать налаживанию взаимопонимания между участниками криминальной ситуации и создавать для этого дополнительные ресурсы [3, с. 14].

Далее проводится примирительная процедура, когда медиатор встречается поочередно с потерпевшим и лицом, подлежащим уголовному преследованию, пытаясь найти путь к компромиссу. Очная встреча всех троих возможна, но не обязательна. Если она и имеет место, то, как правило, только после того, как обсуждены все предварительные детали соглашения о возмещении вреда. Формы возмещения могут быть самые разнообразные: уплата денежной суммы, письменные извинения, возмещение вреда собственным трудом на благо самого потерпевшего или общества в целом [4, с. 105].

Одной из проблем будет являться правовое обеспечение конфиденциальности информации, которую получают участники медиации в процессе ее осуществления. Ведь участие в акте медиации является добровольным, а значит, является вполне допустимым и досрочное прекращение участия в ней одной из сторон. Не следует забывать, что участники медиации могут располагать и распоряжаться информацией, имеющей существенное значение для разрешения уголовного дела. Они могут по-своему усмотрению разглашать данные предварительного расследования, информацию, имеющую значение для уголовного дела. Кроме того, проблему составит определение возможности (права) приобщения к материалам уголовного дела соглашения, составленного между участниками акта медиации в качестве источника доказательств. Представляется, что приобщение соглашения к материалам уголовного дела является вполне допустимым при условии согласия на это сторон. Медиатор в процессе осуществления акта медиации вправе истребовать материалы уголовного дела с целью ознакомления. Для этого орган уголовного преследования должен вынести мотивированное постановление и в установленном законом порядке передать необходимые материалы медиатору [5, с. 44].

Как участники гражданских и хозяйственных споров, так и участники уголовно-правового конфликта могут найти выгоду от процедуры медиации. Стороны смогут в конфиденциальной форме

обсудить свои обиды, получают уникальную возможность для разработки собственных решений. Посредничество позволяет сторонам направить свой собственный курс по отношению к их спору и созданию беспроигрышного результата. Посредничество может оказаться выгодным не только для сторон, но также для прокуратуры, поддерживающей государственное обвинение. Недостаточность доказательств, непредсказуемые свидетели, отсутствие информации, риск для потерпевших разочарования приговором или любой другой фактор, который может оказать воздействие на доказательство вины обвиняемого в суде, может сделать институт медиации в уголовном процессе более привлекательным вариантом. В некоторых случаях при процедуре медиации потерпевшие имеют больше шансов на возмещение вреда, чем при состязательности судебного процесса. Следует отметить, что органы предварительного расследования, прокуратура и суд – еще одни важные заинтересованные стороны, на которые сможет положительно повлиять уголовное посредничество. Медиация повлечет за собой сокращение времени производства предварительного расследования и бюджетных расходов, связанных с осуществлением уголовного процесса.

Полагаем, что медиация в уголовном процессе Республики Беларусь имеет право на существование. Медиатор должен быть вовлечен в сферу уголовно-процессуальных правоотношений путем вынесения соответствующего мотивированного постановления органом, ведущим уголовный процесс, и наделен соответствующими процессуальными правами и обязанностями. Однако перед тем, как вводить медиацию в уголовный процесс, ее вначале следует апробировать в гражданском и экономическом процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 декабря 2010 г., № 672: с изм. и доп. : // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О медиации: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=Н11300058&p1=1>. – Дата доступа : 10.10.2015.

3. Максудов, Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: метод. рекомендации. Сер. «Методы работы с несовершеннолетними

правонарушителями» / Р. Р. Максудов. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2009 – 72 с.

4. Головки, Л. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве / Л. Головки // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 103–112.

5. Зорин, Р. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь: перспективы возникновения и развития / Р. Зорин // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 1. – С. 41–44.

УДК 343

Т.А. КРАВЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА И НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нередки случаи обмана в предпринимательской деятельности, поэтому возникает проблема разграничения деяний, предусмотренных ст.ст. 209 и 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Общим между незаконным предпринимательством, если понимать под ним не порядок осуществления предпринимательской деятельности, а непосредственно предпринимательскую деятельность, и мошенничеством является то, что их можно отнести к имущественным преступлениям. Предпринимательскую деятельность нельзя рассматривать в отрыве от имущественных отношений. Мошенничество также рассматривается как вид предпринимательства, где «личностные качества предпринимателя направлены на обман и самооправдание обмана» [1, с. 63].

Разграничение незаконного предпринимательства и мошенничества, в первую очередь, следует проводить по объекту преступления.

Объектом мошенничества являются отношения собственности, в то время как незаконное предпринимательство посягает на установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности и в целом порядок экономической деятельности, хотя в обоих случаях могут иметь место договорные отношения.

Мошенничество от незаконного предпринимательства следует отличать по объективной стороне деяния. Объективная сторона незаконного предпринимательства хотя и подразумевает обман государства, граждан, но заключается в совершении законных сделок, договоров, в основе которых лежит занятие либо запрещенными видами

предпринимательской деятельности, либо общественно полезными видами предпринимательской деятельности, но без регистрации либо без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно.

В связи с внесением изменений в ст. 233 УК Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 г. уголовно наказуемой прямо названа предпринимательская деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещённой. Единого акта, содержащего запрещенные виды деятельности, не существует. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо уточнять, относится ли избранный вид деятельности к запрещённой или нет. В качестве ориентира можно использовать Закон Республики Беларусь от 05.05.1998 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства». Кроме того, есть ряд актов, закрепляющих отдельные виды деятельности только за государством, а для некоторых видов деятельности необходимо создание только специальных структур (страховая деятельность, деятельность банков). В связи с этим запрещённая деятельность может быть и непротивоправной, если в её основе лежит занятие общественно полезными видами предпринимательской деятельности [1, с. 67].

Мошенничество по объективной стороне представляет собой завладение чужим имуществом или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. В основе такого способа хищения лежит фиктивная сделка. Фиктивная сделка в предпринимательской деятельности – противоправные действия граждан, совершенные с целью причинения ущерба участнику сделки или третьим лицам посредством введения их в заблуждение относительно действительных обстоятельств и намерений либо путем заведомого неисполнения обязательств по сделке [2, с. 17].

Неправильная оценка правового характера сделок приводит к ошибкам применения как ст. 233, так и ст. 209 УК Республики Беларусь.

Эти ошибки можно разделить на два вида:

1. Отказ в возбуждении уголовного дела с рекомендацией рассматривать возникший спор в гражданско-правовом порядке, в то время как в деянии может содержаться состав мошенничества, предусмотренный ст. 209 УК.

2. Квалификация деяния по ст. 233 УК при наличии в нем признаков преступления, предусмотренного ст. 209 УК, т. е. мошенничества.

По субъективной стороне целью незаконного предпринимательства является получение дохода как результата своей деятельности, целью мошенничества – завладение чужим имуществом.

Трудность разграничения составов, предусмотренных ст.ст. 209 и 233 УК, заключается и в том, что в них по личностным и качественным характеристикам выступают практически одинаковые субъекты. В предпринимательских отношениях – человек, берущий на себя финансовый риск, связанный с введением на рынок новых идей, продукции, работ и услуг, в мошенничестве – активный, энергичный, деятельный человек, часто использующий какие-либо инновационные идеи.

Распространенным проявлением мошенничества с использованием предпринимательских структур является оборот фальсифицированных товаров, особенно ликероводочных. В одних случаях изготовление и сбыт фальсифицированной продукции рассматривается как незаконное предпринимательство, в других – как мошенничество.

На практике возникают случаи, когда изготовленная спиртосодержащая жидкость (смесь спирта с водой) разливается в бутылки, которые надлежащим образом закупориваются и на них наклеиваются этикетки ликероводочных изделий. В дальнейшем такая жидкость реализуется под видом водки. Действия таких лиц нередко квалифицируются как незаконное предпринимательство, что, по нашему мнению, представляется ошибочным, так как в данной ситуации происходит обман покупателя относительно предмета сделки с целью завладения его имуществом.

Особое внимание необходимо уделить случаям мошеннического предпринимательства, когда создаются фиктивные коммерческие предприятия, приобретаются документы и печати на имя вымышленных фирм и от их имени заключаются договоры с намерением их не исполнять.

Отдельный вид незаконного предпринимательства, которое схоже с мошенничеством, это создание финансовых пирамид.

Финансовая пирамида имеет внешнее сходство с рядом организационно-правовых форм осуществления коммерческой деятельности. Однако, в отличие от коммерческой организации, выплата дохода лицам, осуществившим взнос в фонд финансовой пирамиды, производится не из чистой прибыли, получаемой от предпринимательской или иной экономической деятельности, а за счет привлеченных от вкладчиков денежных средств.

С развитием электронной коммерции финансовые пирамиды переместились в интернет-зону. Их главная специфика заключается в том, что организаторы интернет-пирамид, в отличие от их коллег, продают не акции, а саму возможность зарабатывать деньги. Примерная схема этого типа пирамид следующая: вкладчик-новичок покупает первый уровень существования в системе, регистрируется на сайте, заводит свою страницу в системе. Далее он активно привлекает на сайт вкладчиков. Они, в свою

очередь, покупают у него первый уровень доступа. Чтобы вкладчик мог перейти на второй уровень, он также должен заплатить деньги. При этом переход на каждый следующий уровень стоит вдвое больше [3].

Создатели пирамид во всем мире привлекаются к уголовной ответственности за мошенничество, так как вводят потенциальных вкладчиков в заблуждение относительно характера дальнейшего использования полученных от них денежных средств.

Однако для того, чтобы избежать уголовной ответственности за мошенничество, был изобретен второй тип финансовых пирамид, где потенциальным вкладчикам честно сообщается о том, что выплаты им будут производиться за счет средств, полученных от других вкладчиков, а также то, что они в любой момент могут прекратиться. Например, финансовая пирамида «МММ-2011», на сайте которой крупным шрифтом была написана строка «Осторожно, финансовая пирамида», а под ней располагался текст с объяснениями, что люди, переводя деньги, могут их полностью потерять.

В Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Франции, США и ряде других стран деятельность, основанная на принципах финансовой пирамиды, в том числе, когда потенциальным вкладчикам сообщается о ее реальном характере, запрещена.

В Республике Беларусь уголовная ответственность за мошенничество в соответствии со ст. 209 УК предполагает необходимость наличия в действиях виновного при получении им имущества от потерпевшего таких признаков, как обман или злоупотребление доверием. Следовательно, если создатели пирамид доводят до сведения вкладчиков информацию о том, что данное сообщество является финансовой пирамидой и в неё не рекомендуется вкладывать денежные средства, то они не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 209 УК за мошенничество.

В связи с внесением изменений в УК Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 г. стало возможным привлекать создателей пирамид такого типа к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 233 УК – за незаконную предпринимательскую деятельность, сопряжённую с привлечением денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляется полностью или частично за счёт привлечённых денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие / Л. С. Аистова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 124 с.
2. Котин, В. Н. Фиктивные сделки в предпринимательской деятельности / В. Н. Котин // Законность. – 1996. – № 10. – С. 15–20.
3. Русская наука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/18_ENXII_2015/Pravo/2_195185.doc.htm. – Дата доступа: 17.10.2015.

УДК 343

Я.И. ЛОЙКО, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

**ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Общественная опасность деяния является необходимым признаком каждого состава преступления. Там, где отсутствует общественная опасность совершенного деяния, отсутствует и состав преступления. При некоторых обстоятельствах деяния, содержащие в себе по своим внешним чертам признаки того или иного преступления, в действительности не являются общественно опасными. В этих случаях в деяниях лица отсутствует состав преступления. Такие действия законодатель признает правомерными.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) относятся:

- 1) необходимая оборона;
- 2) причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- 3) крайняя необходимость;
- 4) пребывание среди участников преступления по специальному заданию;
- 5) обоснованный риск;
- 6) исполнение приказа или распоряжения.

Особую актуальность для сотрудников правоохранительных органов среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Известно, что нередко граждане, а также уполномоченные государством должностные лица, пытаются пресечь совершение

преступлений и задержать лиц, их совершивших, вынуждены сами совершать поступки, связанные с причинением вреда ценностям, охраняемым уголовным законом. Юридическая оценка подобных действий неочевидна, поскольку по внешним своим признакам они совпадают с соответствующими преступными деяниями [1, с. 3]. Кроме того, в ряде составов, пусть и привилегированных, причинение вреда при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, является квалифицирующим признаком.

Поэтому государство пытается использовать все доступные методы и средства для усиления борьбы с наиболее опасными проявлениями преступности и, одновременно, определить процедуру, согласно которой принимаемые при задержании лиц, совершивших преступления, меры признаются правомерными [1, с. 3].

В силу ст. 35 УК не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для передачи органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, когда оно пытается или может скрыться от следствия и суда, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышение необходимых для этого мер.

Право на задержание лица, совершившего преступное деяние, наряду со специально уполномоченными лицами имеют также потерпевшие и другие граждане.

Задержание отличается от необходимой обороны тем, что преступнику причиняется вред после окончания преступления, а не во время совершения преступления. Цель причинения вреда не отразить посягательство, а задержать лицо, чтобы обеспечить привлечение его к уголовной ответственности и пресечь возможность совершения им новых преступлений.

Причинение вреда лицу, совершившему преступление, с целью его задержания можно считать правомерным только в том случае, когда соблюдены следующие условия, прямо закрепленные в законе или вытекающие из смысла соответствующих правовых норм:

1. вред можно причинять только лицу, совершившему очевидное общественно опасное деяние, имеющего признаки преступления, а не любое иное правонарушение, поскольку причинение вреда должно соответствовать тяжести совершенного деяния;

2. задержание должно быть своевременным (задержание может проводиться как непосредственно после преступления, так и спустя значительное время, если, например, преступнику удалось скрыться или совершить побег из мест лишения свободы);

3. задержание должно быть необходимым (задержание применяется только при условии, если преступник пытается или может скрыться от следствия и суда. При отсутствии этих условий задержание с применением насилия и причинения вреда просто теряет смысл;

4. задержание должно быть действительным (лицо, производящее задержание, должно быть уверено, что перед ним именно преступник; если вред причинен другому человеку, то ответственность наступает по правилам о юридической и фактической ошибке; вина причинившего вред будет отсутствовать при добросовестном заблуждении, т.е. в тех случаях, когда он не мог и не должен был осознавать свою ошибку).

5. задержание должно преследовать цель – передачу преступника органам власти (наличие иных целей и мотивов, таких как расправа, месть, корысть, не создает права на задержание);

6. причинение вреда при задержании должно быть вынужденным (учитывается не только наличие оружия у преступника, но и обстановка задержания: время, место, присутствие посторонних, соотношение сил и другие обстоятельства; если задержание осуществляет работник МВД, то он должен руководствоваться Законом «Об органах внутренних дел», в котором установлены специальные правила применения физической силы, спецсредств, техники, оружия к лицам, совершившим правонарушения) [2].

Органами предварительного следствия У. предъявлено обвинение в том, что он, работая старшим инспектором отдела общественной безопасности и правопорядка Ляховичского РОВД, являясь должностным лицом, при несении службы по охране безопасности движения на посту ГАИ в превышение власти и служебных полномочий применил огнестрельное оружие. Около 8 часов утра, обнаружив автомобиль «Ауди-80», двигавшийся по дороге с превышением скорости, с помощью жезла он попытался остановить его. Когда водитель не выполнил требования и продолжил движение, У. с целью остановки транспортного средства, находившегося на значительном расстоянии от него, превысив власть и служебные полномочия, произвел из автомата два одиночных выстрела в направлении удаляющейся автомашины «Ауди-80», что явно не соответствовало степени допущенного водителем правонарушения. В результате применения огнестрельного оружия пассажиру автомашины потерпевшему Т. были причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни, в виде слепого пулевого ранения головы, проникающего в полость черепа, с повреждением головного мозга. Таким образом, с учетом показаний У., свидетелей Ш., Б., Р. и других доказательств суд пришел к правильному выводу, что автомашина «Ауди-80», по ориентировке схожая с автомашиной, находившейся в розыске, следовала с превышением

установленной для движения скорости. Работник милиции, выполняя возложенные на него обязанности, своевременно подал сигнал остановки транспортного средства, что было правомерно, однако водитель не подчинился законным требованиям У., который для остановки транспортного средства сначала из автомата выстрелил вверх, а затем произвел два выстрела по колесам продолжавшего двигаться автомобиля. Суд правильно установил фактические обстоятельства дела и пришел к обоснованному выводу, что в данном случае работник милиции в соответствии со ст. 21 Закона «О милиции» вправе был использовать огнестрельное оружие для остановки транспортного средства. При этом условия и пределы использования огнестрельного оружия соответствовали положениям, содержащимся в Законе «О милиции». Действия У. не выходили за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, и он не должен нести ответственность за причинение вредных последствий по неосторожности. Суд дал надлежащую оценку всем собранным по делу доказательствам, в том числе и первоначальным показаниям У., показаниям потерпевшего Т., свидетеля Ш., результатам следственных экспериментов, опровергающим доказательства обвинения, и пришел к обоснованному выводу об отсутствии в действиях У. составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 106 УК (1960 г.) [3].

Согласно ч. 2 ст. 35 УК превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие:

- характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и
- обстановке задержания, когда лицу без необходимости причиняют явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Причинение преступнику излишнего вреда в связи с неверной оценкой степени опасности совершенного им преступления либо в связи с неверной оценкой необходимости или вынужденности причинения вреда квалифицируется как неосторожное преступление, если лицо, хотя и не сознавало ошибочность оценки, но по обстоятельствам дела должно было и могло ее сознавать. Если же заблуждение лица было добросовестным, то ответственность за нарушение указанных условий правомерности причинения вреда преступнику не наступает [4].

Предоставление гражданам права задерживать преступников для доставления их в органы власти является одной из мер реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и одновременно

служит привлечению граждан к борьбе с преступностью. Закон не ограничивает круг лиц, имеющих право на задержание преступника, их профессиональными или какими-либо иными признаками [5, с. 110].

Силовое предотвращение побега задерживаемого лица и подавление его сопротивления предполагают допустимость причинения такому лицу телесных повреждений различной тяжести, а в исключительных случаях – причинение смерти. Однако закон, порицая поведение преступника, тем не менее защищает его от необоснованного применения насилия. Запрещая причинение преступнику излишнего вреда, законодатель установил уголовную ответственность за умышленное убийство, умышленные тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, совершенные при превышении мер, необходимых для задержания преступника.

Для оценки правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, предлагаются следующие правила:

1) определение статуса лица, осуществляющего задержание (сотрудник милиции, обычный гражданин и др.);

2) определение средств и методов задержания, которыми в соответствии с законодательством наделяется субъект задержания (например, ст. 28 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» устанавливает условия, пределы и основания применения сотрудником органов внутренних дел специальных средств);

3) определение условий правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление, в соответствии с УК и оценка возможного превышения мер, необходимых для задержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савинов, А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключаящее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Савинов ; Юридический институт МВД России. – М., 2002. – 26 с.

2. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций / Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы – 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/yg_pravo_konspekt/tema-11-obstoyatelstva-isklyuchayushchie-prestupnost-deyaniya.htm. Дата доступа: 15.10.2015.

3. Суд обоснованно постановил оправдательный приговор в отношении У., так как его действия не выходили за пределы прав и полномочий, представленных законом, и он не должен нести ответственность за причинение вредных последствий по неосторожности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 30 марта 2000 г. // Консультант Плюс: Беларусь.

Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Кругликов, Л. Л. Уголовное право России. Часть общая / Л. Л. Кругликов. – 2-е изд. – М. : Волтерс клувер, 2005. – 592 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bellib.org/?p=15610>. Дата доступа: 15.10.2015.

5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

УДК 343

И.В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ, СБОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

Республика Беларусь и Республика Казахстан являются странами-участницами Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В связи с этим представляет интерес сравнительно-правовая характеристика норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, устанавливающих ответственность за налоговые правонарушения.

Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов как преступление предусмотрено в уголовном законодательстве и Беларуси, и Казахстана: это ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (далее – УК Республики Беларусь) [1] и ст. 244 и ст. 245 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. (далее – УК РК) [2].

В Беларуси обязательным (квалификационным) признаком уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, позволяющим разграничить преступление и административное правонарушение, является крупный размер. Как установлено в примечании к ст. 243 УК Республики Беларусь, крупный размер признается, когда сумма неуплаченных налоговых платежей превышает в 1 000 раз размер базовой величины (далее – БВ), установленный на день совершения преступления. С 1 января 2015 г. БВ в

Беларуси составляет 180 000 бел. рублей. Тем самым уголовная ответственность наступает при неуплате таможенных платежей на сумму 180 млн. бел. рублей и более. На 13.10.2015 г. по курсу Национального Банка Республики Беларусь 1 доллар США составляет 17 162 бел. руб., тем самым 180 млн. бел. руб. эквивалентно 10 422 долларам США.

Согласно п. 38 ст. 3 УК РК «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» крупным размером в ст. 244 «Уклонение гражданина от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет» УК РК признается стоимость неуплаченных таможенных платежей, превышающая две тысячи месячных расчетных показателей, а в ст. 245 «Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций» крупным размером признается двадцать тысяч, особо крупным – пятьдесят тысяч. Месячный расчетный показатель (далее – МРП) устанавливается Законом Республики Казахстан «О республиканском бюджете» на соответствующий год. Согласно п. 4 ст. 11 Закона Республики Казахстан от 28.11.2014 г. «О республиканском бюджете на 2015-2017 годы» с 1 января 2015 года месячный расчетный показатель для исчисления пособий и иных социальных выплат, а также применения штрафных санкций, налогов и других платежей в соответствии с законодательством Республики Казахстан составляет 1 982 тенге. Тем самым уголовная ответственность гражданина наступает при неуплате таможенных платежей на сумму 3 964 000 тенге и более, организации – 39 640 000 тенге и более (крупный размер), 99 100 000 тенге и более (особо крупный размер). На 16.10.2015 г. по курсу Национального банка Казахстана 1 доллар США составляет 277,05 тенге; 3 964 000 тенге эквивалентно 14 307 долларам США, 39 640 000 – 143 078 долларам США, 99 100 000 – 357 697 долларам США. Делая вывод можно сказать, что сейчас квалификационный размер ущерба в РК почти в 1,5 раза больше, чем аналогичный обязательный (квалификационный) ущерб в ст. 243 УК Республики Беларусь.

Еще в начале 2015 г. 1 доллар США составлял примерно 182 тенге; две тысячи МРП было эквивалентно примерно 21 780 долларам США. Тем самым за счет снижения курса казахского тенге по отношению к доллару без изменения текста УК РК произошла фактическая криминализация деяний, которые ранее преступными не признавались.

Как видно, в уголовном законодательстве и Казахстана, и Беларуси размер имущественного ущерба определяется не в абсолютных цифрах – тенге и белорусских рублях, а в относительных цифрах – в месячных расчетных показателях и в базовых величинах соответственно. Подобный подход к конструированию норм Особенной части УК конкретного государства в условиях постоянного изменения экономической ситуации,

инфляционных процессов оправдан. Однако, вместе с тем, это будет постоянно приводить к тому, что размер ущерба, позволяющего разграничивать уклонение от уплаты сумм налогов, сборов как преступление и административное правонарушение, в Беларуси и Казахстане никогда не будет одинаковым. Тем самым то, что сегодня является преступлением в Беларуси, не признается таковым в Казахстане, а завтра ситуация может измениться наоборот. То же касается соотношения размеров квалификационного ущерба в уголовном законодательстве России, Беларуси и Казахстана.

Различны подходы законодателей к установлению квалифицирующих признаков. Ст. 243 УК Республики Беларусь включает только две части, при этом в ч. 2 устанавливается ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, совершенное в особо крупном размере. В УК РК законодатель выделил два самостоятельных состава преступления: это «Уклонение гражданина от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет» (ст. 244) и «Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций» (ст. 245). В УК РК иной набор квалифицирующих признаков: это уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, совершенное с использованием «фиктивной» счета-фактуры гражданином (ч. 2 ст. 244 УК РК), уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, совершенное: с использованием «фиктивной» счета-фактуры организации (п. 1 ч. 2 ст. 245 УК РК), группой лиц по предварительному сговору (п. 2 ч. 2 ст. 245 УК РК), в особо крупном размере (ч. 3 ст. 245 УК РК).

В ч. 2 ст. 244 УК РК выделяется такой квалификационный признак как уклонение от уплаты налога с использованием счета-фактуры (далее – с-ф) без фактического выполнения работ, оказания услуг, отгрузки товаров. Понятие и применение с-ф определено в налоговом законодательстве Казахстана, а именно в кодексе Республики Казахстан от 10 декабря 2008 года № 99-IV «О налогах и других обязательных платежах в бюджет», в гл. 35 «Счета-фактуры». С-ф определяется в ст. 263 «Счет-фактура» как документ, который при осуществлении оборотов по реализации товаров, работ, услуг налогоплательщик обязан выписать получателю указанных товаров, работ, услуг счет-фактуру или иной документ, предусмотренный пунктом 2 статьи 256 этого Кодекса. Подобный способ уклонения от уплаты сумм налогов, сборов в качестве обязательного или квалифицирующего признака не предусмотрен. Возможно дополнение ст. 243 УК Республики Беларусь таким признаком, что требует отдельного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Эталон-онлайн [<http://etalonline.by/>]. – 2015. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа: 11.10.2015 г.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Законодательство стран СНГ [<http://base.spinform.ru/>]. – 2015. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429/. – Дата доступа: 11.10.2015 г.

УДК 343

В.В. МИСЮРИН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БРАКОНЬЕРСКУЮ ДОБЫЧУ
РЫБЫ И ЖИВОТНЫХ ПО УГОЛОВНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Браконьерская добыча рыбы и животных представляет серьезную угрозу живой природе любого государства, в связи с чем законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за совершение данного деяния. Основным отличием подхода белорусского законодателя в данном случае следует считать административную преюдицию как условие уголовной ответственности. В России и Казахстане для того, чтобы деяния браконьера считались преступными, необходимо наличие ряда обязательных признаков. В Беларуси для привлечения гражданина к уголовной ответственности достаточно совершения действия по осуществлению незаконной охоты или незаконной добычи рыбы или других водных животных в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Таким образом, законодательство Республики Беларусь отличается более жестким подходом к пресечению браконьерской деятельности, что способствует более эффективной охране живой природы.

Некоторые признаки, определяющие браконьерские действия как уголовно наказуемые в Республике Казахстан и Российской Федерации, в Республике Беларусь дают основание применять к виновному более строгие санкции. В частности, применение браконьером электрического или взрывчатых веществ при рыбной ловле дает основание квалифицировать деяние уже по ч. 2 ст. 281 УК Республики Беларусь «Незаконная добыча

рыбы или других водных животных» и это при отсутствии дополнительных признаков, характеризующих преступление как более опасное.

Незаконная охота с использованием транспортного средства наказывается по ч. 4 ст. 282 УК Республики Беларусь «Незаконная охота». При этом в последнем случае ответственность наступает независимо от наступления общественно опасных последствий и фактической добычи животных. Такой подход может быть подвергнут критике, ведь по сути в обоих случаях предполагается использование средства, применение которых делает преступление более опасным, однако в одном случае для привлечения к более строгой ответственности требуется наступление общественно-опасного последствия, в другом же таковое не требуется. Как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан использование в процессе незаконной охоты транспортных средств является лишь основанием для привлечения к уголовной ответственности, предусмотренной ч. 1 статьи особенной УК, как за незаконную охоту, так и за незаконную добычу водных биологических ресурсов. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что само по себе использование транспортных средств при совершении незаконной охоты не представляет такой общественной опасности, чтобы применять к виновному наиболее строгие санкции ст. 282 УК Республики Беларусь, каковые предусматривает ч. 4 этой статьи.

Интерес представляет сравнительный анализ подходов к привлечению к ответственности за добычу особо редких, исчезающих либо занесенных в Красную книгу видов. В Беларуси ответственность за данную форму браконьерства наступает по ч. 2 ст. 281 УК с максимальной санкцией в виде трех лет лишения свободы и по ч. 2 ст. 282 УК с максимальной санкцией в виде трех лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В Казахстане за подобные деяния наступает более строгая ответственность, равная той, которую несет лицо, совершившее преступление с использованием своего служебного положения с максимальными санкциями – пять лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет по ч. 4 ст. 337 УК за незаконную охоту в отношении редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, а также животных, на которых введен запрет на пользование, и два года лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет за добычу осетровых видов рыб по ч. 3 ст. 335 УК РК. При отсутствии квалифицирующих признаков, позволяющих привлечь браконьера к

ответственности по вышеуказанным статьям, совершенные деяния квалифицируются по ст. 339 УК РК «Незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения, а также запрещенными к пользованию видами растений или животных, их частями или дериватами», с максимальной санкцией три года лишения свободы. В России аналогичные нормы закреплены в ст. 258¹ УК «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации».

Несовершенство конструкций статей 281 и 282 УК Республики Беларусь объясняется, учитывая мнение, высказанное в одном из изданий по уголовному праву под редакцией А.И. Лукашова, в котором поясняется, что добыча диких животных, заведомо для виновного включенных в Красную книгу Республики Беларусь, предусмотренная диспозицией ч. 2 ст. 282 УК, если она совершена должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо с использованием транспортных средств, либо с причинением ущерба в особо крупном размере (т. е. деяние с признаками ч. ч. 3 и 4 ст. 282) не может квалифицироваться по ч. ч. 3 и 4 ст. 282 УК. Такие действия должны влечь ответственность по ч. 2 ст. 282. Аналогичные пояснения даются и при разрешении вопросов квалификации деяний по ст. 281 УК. Таким образом, получается, что за совершение более опасного деяния лицо будет нести менее строгую ответственность. Исходя из сказанного, следует сделать вывод о целесообразности ужесточить наказание за добычу животных, заведомо для виновного включенных в Красную книгу Республики Беларусь, равно как и усилить ответственность виновных, в том числе должностных лиц, использующих свои служебные полномочия для совершения ими более опасных форм браконьерства. В связи с этим наиболее удачным следует считать подход российского законодателя, закрепившего более строгую ответственность по ч. 2 ст. 258¹ УК РФ за совершение преступных деяний в отношении особо охраняемых животных должностным лицом с максимальной санкцией в виде семи лет лишения свободы с применением дополнительного наказания.

В 2015 году в УК Республики Беларусь была введена ст. 282¹ «Незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных», которая в отличие от законодательства Республики Казахстан (ст. 339 УК) и Российской Федерации (ст. 258¹ УК) предусматривает ответственность за оборот не только особо охраняемых, но и относящихся к объектам охоты животных, если их транспортировка или разделка производились с нарушением законодательства. Данная статья была введена в УК Республики Беларусь с целью снизить число уклонившихся

от ответственности браконьеров в сфере незаконной охоты, однако отсутствие нормы, запрещающей аналогичные действия в отношении рыбы или других водных животных, в частности, включенных в Красную книгу Республики Беларусь, оставляет открытой лазейку в законодательстве для рыбных браконьеров.

На основании выводов, сделанных из проведенного анализа, представляется целесообразным внести в УК Республики Беларусь следующие изменения:

1) ответственность за незаконную охоту, совершенную с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства, установить в ч. 2 ст. 282 УК с сохранением санкций, предусмотренных в ч. 2 ст. 282 УК;

2) ответственность за незаконную охоту на территории заповедника, национального парка, заказника, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим, либо незаконную добычу диких животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь, установить в ч. 3 ст. 282 УК с сохранением санкций, предусмотренных в ч. 3 ст. 282 УК;

3) ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь, установить в ч. 3 ст. 281 УК с сохранением санкций, предусмотренных в ч. 3 ст. 281 УК;

4) ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных, совершенную должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, установить в ч. 4 ст. 281 УК с сохранением санкций, предусмотренных в ч. 4 ст. 281 УК; текст ч. 4 ст. 281 УК изложить следующим образом: «Действия, предусмотренные частями первой или второй или третьей настоящей статьи, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий либо повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере»;

5) ответственность за незаконную охоту, совершенную должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, установить в ч. 4 ст. 282 УК, заменив слова «Незаконная охота» на «Действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи»;

6) изменить текст ст. 282¹ УК «Незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных», дополнив ее нормами, запрещающими аналогичные действия в отношении рыбы или других водных животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др.] под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.

УДК 343

М.М. НАЗРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В. И. Резюк, преподаватель

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Пенитенциарная преступность (от *poenitentarius* (лат.) — покаянный, исправительный) — это система уголовно-противоправных деяний, совершаемых в условиях принудительной изоляции от общества. Пенитенциарная преступность — это преступность в пенитенциарных учреждениях, местах лишения свободы, т. е. преступность, выделенная по месту совершения. Сюда относится преступность в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, колониях-поселениях, воспитательных колониях, тюрьмах, следственных изоляторах (в части, касающейся осужденных). Таким образом, пенитенциарную преступность можно рассматривать как подвид рецидивной преступности. Ее особенности определяются спецификой условий в учреждениях пенитенциарной системы и особой социальной средой осужденных [1, с. 596].

К пенитенциарной не относится преступность в монастырях (это добровольное заточение), в закрытых учебных заведениях (военных училищах, семинариях), в войсках.

Преступления, совершаемые осужденными, показывают, что уголовное наказание в отношении них не достигло своих целей, оказалось недостаточно эффективным.

Численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы, как показывают данные в табл. 1, в период 2010-2012 гг. довольно резко снижалось, в 2014 динамика снижения существенно сократилось, а в 2014 году увеличилась по сравнению с минувшим годом [2, с. 23].

Таблица 1 – Данные о содержащихся в местах лишения свободы

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год
Численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы	39 627	36 652	28 841	28 471	29 776

Преступность в местах лишения свободы специфична по своим причинам и характеру и отличается существенными особенностями по сравнению с преступностью в целом.

Во-первых, однотипностью мотивации, целей и средств. Преступления, совершаемые осужденными, связаны главным образом либо с неудачной адаптацией к новой социальной среде (получение низкого статуса), либо со стремлением сохранить или повысить свой статус в групповой иерархии. Главным средством самоутверждения (достижения цели) в этой среде является насилие.

Во-вторых, относительной стабильностью основных показателей, свидетельствующих об устойчивости и консерватизме основных социальных детерминант преступности в исправительных учреждениях. Структура преступности состоит всего из нескольких составов (менее десятка), большинство составляют преступления против личности, хулиганство и побеги [3].

Многие исследователи пенитенциарной преступности отмечали, что для нее характерно наличие обратно пропорциональной зависимости между хулиганством и побегами: при росте числа хулиганств уменьшается число побегов, и наоборот [4]. Существование этой закономерности объяснялось психологическими и социально-психологическими факторами, прямым воздействием наказания на психику осужденного. Во-первых, это подсознательное проявление мотивации несогласия с узкими рамками общения, что отражается или в стремлении к расширению этих рамок (побег), или в несогласии с ним (хулиганство). Во-вторых, хулиганство органично по своей природе связано с сужением пространства и времени.

В местах лишения свободы от скуки, ради интереса, или просто от нечего делать, т.е. в результате заполнения досуга, люди зачастую приобщаются к курению, употреблению «чифира», спиртного и наркотиков [5].

Соотношение корыстных и насильственных преступлений в структуре пенитенциарной преступности противоположно их соотношению в структуре общей преступности: если в общей

преступности доминируют корыстные, то в пенитенциарной — насильственные преступления.

Коэффициент пенитенциарной преступности в 4—6 раз ниже, чем коэффициент преступности в целом [4].

Анализ данных о состоянии преступности в Республике Беларусь, приведенных в табл. 2, показывает, что количество лиц, совершивших преступления, традиционно свойственные местам лишения свободы (хулиганство, преступления, связанные с наркотиками), в период 2010-2012 гг. стремительно снижалось, а с 2013 г. начался рост, продолжившийся в 2014 г. еще более стремительным увеличением [2, с. 28].

Таблица 2 – Показатели преступности

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год
Выявлено лиц, совершивших хулиганство	3 645	2 792	1 494	1 648	2 312
Выявлено лиц, совершивших прест., связанные с наркотиками	3 027	2 934	2 738	2 836	4 135

В тоже время в местах лишения свободы совершено, например, в 2011 году 6 преступлений против жизни и здоровья населения, общественного порядка и общественной нравственности, а в 2012 году 5 преступлений [6] – это существенно ниже общего уровня аналогичных преступлений.

В свою очередь, из 80 преступлений, совершённых в местах лишения свободы за 2011 год, 69 – по 411 статье УК, а из 73 преступлений, совершённых в местах лишения свободы за 2012 год, 60 – по ст. 411 УК [6]. Таким образом, наибольшее количество преступлений в местах лишения свободы совершается именно ст. 411 УК.

Доктор юридических наук Старков О.В. различает общие причины и условия преступного поведения в местах лишения свободы, а также причины и условия, действующие на уровне социальной среды личности [7, с. 653].

Состояние преступности в местах лишения свободы обуславливается тремя основными факторами: 1) уголовной политикой, находящей свое выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве и судебной практике, которая определяет условия отбывания наказания и качественно-количественные характеристики контингента осужденных; 2) распространенностью проявлений субкультуры в среде осужденных

конкретной колонии; 3) организационной, воспитательной и правоприменительной деятельностью администрации исправительного учреждения.

Специфические для исправительных учреждений факторы, влияющие на пенитенциарную преступность, делятся на: 1) социально-экономические; 2) организационно-управленческие; 3) организационно-технические; 4) социально-психологические.

А.М. Яковлев, обращая внимание на противоречие лишения свободы воспитательным задачам, стоящим перед этой мерой наказания, писал: «Это противоречие заключается в том, что: желая приспособить виновного к нормальной жизни в обществе, ставят его, по сути, в условия, максимально от жизни отличные; изымая его из здорового общества, насильственно ввергают в общество правонарушителей; желая воспитать у виновного умение правильно руководить своими поступками, отнимают у него самостоятельность».

Человек, который постоянно ощущает угрозу своему существованию и держит круговую оборону, обычно неразборчив в средствах и даже безжалостен к другим. Уже начиная с 20-х годов прошлого века некоторые ученые стали замечать, что заведомо не все преступники поддаются исправлению с помощью уголовного наказания. Мотивация преступного поведения во многом зависит от психической полноценности индивидов, наличия или отсутствия у них психических патологий. Попадая в места лишения свободы, в крайне напряженные, нередко стрессовые условия, осужденный лишается привычного уклада жизни, отрывается от родных, близких людей, обречен на годы тяжелого существования. Он вынужденно находится в условиях частых межличностных конфликтов, недоброжелательности окружения, грубости обращения, скудости бытовых условий, криминальной субкультуры, постоянного давления со стороны персонала исправительного учреждения и криминальных лидеров. У него ломаются все стереотипы, возникает чувство безнадежности и обреченности. Осужденные вынуждены приспособляться к жестоким «тюремным законам» с примитивными и однообразными санкциями: увечьем, насилием, побоями, а иногда и лишением жизни. Поэтому они стремятся примкнуть к различным слоям лагерной общности — остаться в одиночестве под силу не каждому осужденному.

Исследователями установлено, что пребывание в суровых тюремных условиях свыше 5 лет вызывает необратимые изменения в психике человека. У лиц, отбывших длительное наказание, механизмы социальной адаптации оказываются настолько нарушенными, что каждый третий из них нуждается в помощи психиатра [8, с. 58].

Одной из причин пенитенциарной преступности можно считать и недобросовестное исполнение своих обязанностей некоторыми должностными лицами. Так судом Центрального района г. Минска были осуждены милиционер-водитель Л. и конвоир конвойной службы К. за получение взятки группой лиц по предварительному сговору, т. е. совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 430 УК [9].

Пенитенциарная преступность представляет собой сложное, многоплановое, негативное социальное явление, характеризующееся особой спецификой, и в вопросах ее предупреждения также необходим комплексный подход. Выявленная определенная стабильность количественных признаков пенитенциарной преступности свидетельствует, что исполнительные учреждения со своей задачей справляются, консервативность качественных показателей определяет направления работы по профилактике и предупреждению пенитенциарной преступности, а именно: повышение уровня дисциплины среди заключенных с целью недопущения насильственных преступлений, среди сотрудников исправительных учреждений – с целью устранения отдельных причин и условий пенитенциарной преступности, а также оказание психологической помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова А. И. Российская криминологическая энциклопедия / А. И. Долгова. – М., 2000. – 758 с.
2. Правонарушения в республике Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: 2015. – 175 с.
3. Пенитенциарная преступность // Студенту ВУЗа [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://studentu-vuza.ru/kriminologiya/kriminologiya/penitentsiarnaya-prestupnost.html> – Дата доступа: 02.10.2015 г.
4. Курганов, С. И. Криминология 3-е изд., перераб. и доп. / С. И. Курганов – М.: 2012. — 183 с.
5. Проблемы наркотической преступности в местах лишения свободы // SuperInf [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1264.html – Дата доступа: 06.10.2015.
6. Федорович, В. Беларусь тюремная. Сколько в стране зэков и кто их охраняет / Белорусские новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/auto/2014/01/15/ic_articles_116_184254/print/. Дата доступа: 07.10.2015.

7. Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов / А. И. Долгова. – М., 1997. – 834 с.

8. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы: учебник / Г. Ф. Хохряков. – М., 1991. – 184 с.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : Обзор судебной практики Верховного суда Республики Беларусь // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343

И.И. ОШМЯН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЬЯНСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Пьянство представляет собой более или менее систематическое употребление алкоголя и его суррогатов в значительных количествах, приводящее, независимо от дозы потребления, к отклонениям в поведении лица, нарушению правил общественного порядка. Данный процесс не является алкоголизмом (последний является болезнью), но предшествует ему. Большое количество преступлений, как взрослые, так и несовершеннолетние совершают в состоянии алкогольного опьянения, о чем свидетельствуют статистические данные. В 2014 году предварительное расследование окончено по 63,2 тыс. преступлениям, что на 0,6% больше, чем в 2013 году. Из них в состоянии алкогольного опьянения совершено 18 345 преступлений, а это 29,03% от общего количества [1].

В целях предупреждения такого противоправного и асоциального поведения в Республике Беларусь принимаются различные меры как общей, так и специальной профилактики, направленные на создание в государстве, прежде всего, благоприятных политических, экономических и социально-культурных факторов для нормального развития личности несовершеннолетнего, а также индивидуальная профилактика на различных уровнях.

Несмотря на вышеуказанные меры со стороны государства по уголовным делам, расследование по которым окончено, в I полугодии 2015 г. выявлено 26,8 тыс. лиц, совершивших преступления. Из них лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, совершено 7 227 преступлений [2].

В Глобальном докладе о положении в области алкоголя и здоровья Всемирной организацией здравоохранения были проанализированы фактические данные о потреблении алкоголя в более чем 100 странах.

В среднем один житель республики старше 15 лет потребляет 17,5 литра чистого спирта в год. Мужчины пьют 27,5 литра чистого спирта, женщины — 9,1 литра. Данные Национального статистического комитета по употреблению алкоголя белорусами отличаются от мировых — 12,6 литра на человека. Дело в том, что Белстат рассчитывает количество выпитого на все население, включая младенцев, а ВОЗ — с 15-летнего возраста, что разумнее.

В настоящее время в Беларуси на наркологическом диспансерном учете состоит около 180 тысяч человек, из них 55 тысяч — несовершеннолетние, страдающие алкогольной зависимостью. При этом наркологи заявляют, что реальное количество страдающих алкогольной зависимостью можно получить, умножив эту цифру на 8-10 [3].

Таким образом, предпринимаемых мер явно не достаточно. Ведь проблема алкоголизма и пьянства и в настоящее время является актуальной для нашего общества. За последнее время увеличились масштабы распространения пьянства среди населения, особенно среди молодежи, в том числе и несовершеннолетних, увеличились объемы продаж алкоголя, также распространению пьянства способствует его легкодоступность.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 13 февраля 2015 г. № 55 в текущем году было запланировано подготовить более 30 законопроектов. В рамках рассматриваемой темы особый интерес среди них имеет проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предупреждения пьянства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Данный законопроект разрабатывается второй год совместно с Верховным Судом Республики Беларусь, Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, министерствами образования и здравоохранения, а также другими ведомствами.

Законопроект предлагает ввести полный запрет на употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива лицам, которые не достигли восемнадцатилетнего возраста.

Министерство внутренних дел Республики Беларусь предлагает ввести административную ответственность для родителей за употребление их детьми алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива.

В целях реализации мер, формулируемом в названном законопроекте, предлагаем дополнить часть 1 статьи 9.4 «Невыполнение обязанностей по воспитанию детей» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) следующими словами «либо повлекшее употребление их несовершеннолетними детьми алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива» и изложить в следующей редакции «Невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, повлекшее совершение несовершеннолетним деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления, но не достигшим ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность за совершенное деяние, либо повлекшее употребление их несовершеннолетними детьми алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива». Ответственность предлагаем оставить прежней в виде «предупреждения или наложения штрафа в размере до десяти базовых величин».

Кроме того, неоднократно поднимался вопрос об ужесточении ответственности за продажу алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. В связи с этим предлагаем внести изменения в статью 12.17. КоАП «Нарушение правил торговли и оказания услуг населению». Санкцию части 6 этой статьи «Нарушение правил торговли, выразившееся в продаже алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива несовершеннолетним», дополнить наказанием: «а также лишение права заниматься определенной деятельностью на срок от шести месяцев до одного года» и изложить в следующей редакции: «влечет наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин, а также лишение права заниматься определенной деятельностью на срок от шести месяцев до одного года».

Санкцию части 7 «Необеспечение должностным лицом юридического лица или индивидуальным предпринимателем, осуществляющим реализацию алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, контроля за их продажей, повлекшее повторное совершение деяния, предусмотренного частью 6 настоящей статьи», дополнить наказанием: «а также лишение права заниматься определенной деятельностью на срок от шести месяцев до одного года» и изложить в следующей редакции: «влечет наложение штрафа в размере от тридцати до пятидесяти базовых величин, а также лишение права заниматься

определенной деятельностью на срок от шести месяцев до одного года» [4].

Предполагается установить и минимальный возраст для постановки на учет в инспекции по делам несовершеннолетних с 10 лет, поскольку в спецучреждения закрытого типа можно направлять детей с 11 лет.

Срок внесения данного законопроекта «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предупреждения пьянства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь определен на ноябрь текущего года.

Изменениям и дополнениям подверглись и другие нормативные правовые акты Республики Беларусь. Так, п. 4 Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта» от 27.08.2008 г. № 429-3 определил: фразу «На территории Республики Беларусь запрещается продажа алкогольных напитков лицам моложе 18 лет. В случае необходимости физические лица, приобретающие алкогольные напитки, обязаны предъявить документ, удостоверяющий их возраст» заменить следующей редакцией: «На территории Республики Беларусь запрещается продажа алкогольных напитков лицам моложе 18 лет. В случае возникновения у лица, непосредственно осуществляющего отпуск алкогольных напитков, сомнения в достижении покупателем 18 лет такое лицо вправе потребовать у этого покупателя документ, удостоверяющий личность (в том числе документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина или лица без гражданства, временно пребывающего или временно проживающего на территории Республики Беларусь) и позволяющий установить возраст этого покупателя».

На наш взгляд, в целях предупреждения пьянства несовершеннолетних доработки требует и статья 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение» Уголовного кодекса Республики Беларусь. Предлагается дополнить эту статью частью 3, которая устанавливала бы повышенную ответственность за вовлечение в антиобщественное поведение заведомо малолетнего, и изложить ее в следующей редакции: «Действия, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, совершенные в отношении заведомо малолетнего». Санкцию предлагаем в виде: «лишения свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения» [5].

Таким образом, можно говорить о том, что в Республике Беларусь ведется активная работа по приведению актов законодательства в соответствии с требованиями, продиктованными объективной действительностью. Ведь только учитывая международный опыт в данной сфере, историческое развитие нашего государства, а также благодаря взаимосвязанной работе субъектов профилактики можно добиться снижения уровня потребления алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива, как во взрослой, так и в несовершеннолетней среде. И, как следствие, добиться снижения уровня преступности в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь / общая статистика за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=253183/>. – Дата доступа: 13.10.2015.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь / общая статистика за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=256493/>. – Дата доступа: 13.10.2015.
3. Деалкоголизация в Беларуси идет по принципу "Step by Step" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sputnik.by/economy/20150316/1014327958.html#ixzz3p0tsGGJI/>. – Дата доступа: 13.10.2015.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343

А.В. САВИЧ

Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина

Научный руководитель: Резюк В.И., преподаватель

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Сущность экспертно-криминалистических исследований состоит в изучении обстоятельств дела на основе специальных познаний. Наличие

таких познаний является необходимым условием привлечения лица к производству экспертизы.

Специальные познания – теоретическая база, обеспечивающая решение задач определенного рода экспертизы, включающая в себя основополагающие знания данной специальности и методы, привлекаемые из различных научных областей для проведения необходимых исследований.

Специальные познания являются основой, на которой формируется компетенция и компетентность судебного эксперта. Такие познания судебного эксперта формируются за счет трансформации сведений из различных областей одной или нескольких наук. Эти познания не являются категорией неизменной: они постоянно совершенствуются как за счет их трансформации, так и за счет приращения [1].

Тем не менее, даже в условиях технического прогресса влияние человеческого фактора на объективность результатов таких исследований остается весьма значительным, поскольку основную работу по проведению таких исследований осуществляет именно судебный эксперт.

В частности, в теоретических рекомендациях непосредственно характеристикам личности судебного эксперта отведена значительная роль, порой сочетающая в себе наличие весьма противоречивых характеристик, что само по себе является слишком идеализированным представлением о самом эксперте, хотя превалирующая роль должна быть отведена именно специальным познаниям. В значительной степени эта проблема решается не увеличением штата, а путем повышения эффективности структуры. В значительной степени решение этой проблемы стало возможным благодаря созданию Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, так как «в одном ведомстве удалось объединить весь кадровый, научный, материально-технический потенциал [2]». Следующим шагом, представляется, должно стать введение на законодательном уровне квалификационных требований – специального профильного образования для сотрудников экспертных учреждений, осуществляющего соответствующее исследование.

На сегодняшний день развитие науки позволяет упростить множество операций, ранее требовавших непосредственного участия человека, а также освоит новые технологии работы.

За прошедшее с момента основания Государственного комитета время внедрялись и новые виды экспертиз: например, психофизиологическая, которая назначается в ходе расследования преступлений на сексуальной почве и при проведении которой используется полиграф. Этот опыт белорусские эксперты переняли у своих

российских коллег. Научно-практический центр Государственного комитета в данный момент занимается внедрением дендрохронологического анализа (для определения происхождения древесины в случае незаконных рубок леса) и установлением происхождения биологического материала диких животных по ДНК (по делам о браконьерстве) [2].

Так, применяя результаты прогресса в деятельности эксперта, максимально внедряя различную специализированную технику, можно минимизировать долю субъективного фактора как в производстве судебных экспертиз, так и в ошибочности результатов исследований.

В дальнейшем планируется, что эксперт будет вправе применять ту или иную методику после ее одобрения Межведомственным научно-методическим советом в сфере судебно-экспертной деятельности [2].

Основная проблема в этой области заключена в недостаточности технического оснащения, а именно: таковое, если и имеется в наличии, то зачастую является устаревшим.

Логичным было бы нормативно-правовое закрепление обязательного рассмотрения вопроса о внедрении той или иной технологии Межведомственным научно-методическим советом с сфере судебно-экспертной деятельности по ходатайству определенного круга субъектов (правоохранительных органов, прокуратуры, адвокатуры и др.).

Еще одним проблемным аспектом проведения экспертных исследований является непосредственное их использование в процессе как средства установления истины по определенному уголовному делу.

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь подозреваемый (обвиняемый) в ходе производства по уголовному делу вправе заявить ходатайство о проведении экспертизы, в том числе повторной либо дополнительной в случае, если он не согласен с выводами органа уголовного преследования по результатам следственных действий, либо имеющихся результатов экспертных исследований. Такие ходатайства, как правило, содержат заявления о проведении экспертизы в ином вышестоящем экспертном учреждении, что требует значительных дополнительных материальных затрат государства. Вместе с тем, зачастую такие ходатайства не обоснованы, мотивированно отклоняются органом уголовного преследования, однако, подозреваемый настаивает на удовлетворении его ходатайства, в том числе мотивируя это нарушением его законных прав на защиту.

В целях минимизации государственных затрат на решение данной проблемы предлагаем следующее: в случае обоснованного отклонения ходатайства лицом, производящим дознание либо следователем, если подозреваемый (обвиняемый) продолжает настаивать на своем требовании,

в том числе о повторном либо дополнительном проведении экспертных исследований, либо проведении их в другом экспертном учреждении, экспертиза может проводиться за счет средств подозреваемого (обвиняемого) с условием полной предварительной оплаты средств, требуемых для ее производства. При этом, в этом случае проведение экспертизы станет обязательным. В соответствии с предлагаемым решением считаем целесообразным внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Практически все из изложенных проблемных аспектов могли быть разрешены нормами Закона «О судебно-экспертной деятельности», актуальность разработки которого очевидна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М). – 990 с.

2. Шилец, А. Новый закон, регулирующий судебно-экспертную деятельность, принят в Беларуси / А. Шилец / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=178033>. – Дата доступа: 20.10.2015.

УДК 343

А.Л. СТАНКЕВИЧ

Брест, БрГУ им. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ СОВЕРШЕНИИ ЭТИХ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА

В уголовном законодательстве как Республики Беларусь, так и Российской Федерации присутствует норма, устанавливающая ответственность за присвоение и растрату, а именно статья 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и статья 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Особенность данной нормы заключается в том, что она устанавливает ответственность сразу за два, пусть и схожих внешне, но всё же различных преступления, за две разные формы хищения имущества. Этот факт стал причиной того, что в постановлениях Пленумов Верховных Судов Республики Беларусь и

Российской Федерации уделено внимание вопросу разграничения присвоения и растраты, а также вопросам применения данной нормы на практике.

Рассмотрим проблему возможности признания одновременного совершения присвоения и растраты совокупностью преступлений посредством анализа понятия «совокупность преступлений» и толкований, приведенных в постановлениях Пленумов Верховных Судов Республики Беларусь и Российской Федерации.

В пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по уголовным делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ) присутствует формулировка следующего характера: в том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений. В то же время в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь) в пунктах 16–19, разъясняющих норму о присвоении и растрате, подобное правило отсутствует.

Таким образом, позиция Верховных Судов Российской Федерации и Республики Беларусь по данному вопросу отличается. Чтобы разобраться, почему, следует в первую очередь обратиться к нормам общей части УК Республики Беларусь и УК РФ, дающих определение понятия «совокупность преступлений». В УК РФ оно содержится в ст. 17, где сказано: «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено...». В ст. 42 УК Республики Беларусь сказано, что «совокупностью преступлений признаётся совершение двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК Республики Беларусь».

Как видно, разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости признания совершения присвоения и растраты одновременно совокупностью преступлений является необходимым ввиду содержания ст. 17 УК РФ.

Однако не всё так однозначно. Обычно при употреблении термина «совокупность преступлений» представляются два различных преступления, ни за одно из которых лицо не понесло ответственности. В УК Республики Беларусь ст. 211 устанавливает ответственность сразу за два различных преступления, а посему на практике при совершении лицом

одновременно присвоения и растраты могут возникнуть проблемы при квалификации данных преступлений. Стоит заметить, что в некоторых случаях от того, насколько верно выполнена квалификация, зависит, будет ли привлечён преступник к ответственности. Например, при одновременном хищении вверенного имущества юридического лица общей стоимостью, соответствующей 18 базовым величинам, когда часть имущества на сумму 9 базовых величин виновным была присвоена, а оставшаяся часть – растрочена, если признать содеянное совокупностью правонарушений, уголовная ответственность по законодательству Республики Беларусь не наступит ввиду того, что хищение каждым способом совершено на сумму менее 10 базовых величин, что расценивается как административное правонарушение – мелкое хищение (повторное мелкое хищение (ст. 213 УК) в Беларуси декриминализировано). Однако это нелогично. Очевидно, что в таком случае лицо должно понести уголовную ответственность за хищение имущества стоимостью 18 базовых величин. То же касается и ситуаций, когда с единым умыслом похищено вверенное имущество на сумму более 250 (в крупном размере) или более 1 000 базовых величин (в особо крупном размере), часть из которого присваивается, а часть – сразу растрочивается, при этом стоимость отдельных частей имущества не образует соответственно крупного или особо крупного размера.

С целью минимизировать возможность неверной квалификации в данном случае, на наш взгляд, следует дополнить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» указанием на то, что когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрочивается, содеянное не образует совокупности преступлений и квалифицируется с учетом общей стоимости похищенного имущества.

УДК 343

А.В. ФАРАФОНОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УБИЙСТВО»

Статьей 2 Конституции Республики Беларусь провозглашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью общества и

государства. Защита прав и свобод человека и гражданина составляет обязанность государства, которую оно осуществляет различными способами, в том числе и с помощью уголовно-правовых мер.

Также в статье 24 Конституции Республики Беларусь закреплено, что каждый человек имеет право на жизнь, которая является самым ценным человеческим благом.

Из этого следует, что в Республике Беларусь высшей ценностью признается жизнь человека: государство на протяжении множества веков противодействует преступлениям, связанным с посягательствами на нее.

Указанные обстоятельства обуславливают первоочередность размещения подобного преступления в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и придание убийству статуса самого опасного преступления.

Законодательное закрепление понятия убийства дано в ч. 1 ст. 139 УК: под убийством понимается умышленное противоправное лишение жизни другого человека.

С объективной стороны убийство состоит в противоправном лишении жизни другого человека. В этой связи причинение смерти в результате совершения правомерных действий не может рассматриваться в качестве убийства. Например, не является убийством и представляет собой правомерное поведение лишение жизни преступника в состоянии необходимой обороны (ст. 34 УК) или при задержании лица, совершившего преступление (ст. 35 УК) [1, с. 461].

С внешней стороны убийство выражается в причинении смерти человеку. Убийство может быть совершено путем не только действия (физическим, химическим, биологическим или психическим воздействием на организм человека), но и бездействия. Ответственность за убийство, осуществленное путем бездействия, могут нести только лица, обязанные совершать действия, которые могли бы предотвратить наступление таких последствий, и имевшие возможность такие действия совершить [1, с. 461].

Умышленность убийства заключается в том, что лицо, совершившее преступное деяние, сознает, что посягает на жизнь другого лица, предвидит неизбежность или возможность причинения смерти потерпевшему и желает смерть или сознательно допускает ее либо относится к ней безразлично.

Еще один признак убийства – лишение жизни другого человека. По данному признаку убийство можно отличить от самоубийства.

Преступное лишение жизни отсутствует в том случае, если деяние было направлено против умершего или еще не начавшего жить человеческого существа. Начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом возникновения родовых схваток при беременности

сроком свыше 22 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни. Умерщвление ребенка в процессе родов является убийством. Умерщвление плода в утробе матери независимо от срока беременности до начала родовых схваток может рассматриваться как незаконное производство аборта (ст. 156 УК).

Прекращение уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом смерти человека. Под смертью понимается состояние гибели организма как целого с полным необратимым прекращением функций головного мозга. Для констатации смерти необходимо сочетание факта прекращения функций головного мозга с доказательствами необратимости этого прекращения [1, с. 462].

В ранее действовавшем законодательстве понятие убийства не раскрывалось ввиду очевидности его содержания. Убийством считалось причинение смерти. При этом убийством именовалось как умышленное лишение жизни (умышленное убийство), так и неосторожное причинение смерти (убийство по неосторожности).

Модельным уголовным кодексом для стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) убийство трактуется как умышленное лишение жизни другого человека [2].

Однако в уголовных законах не всех стран СНГ содержится понятие убийства, а если таковое и закреплено, то формулировки, по нашему мнению, являются спорными. Например, УК Молдавии, Туркменистана и Узбекистана не содержат данной дефиниции, а название статей сформулировано как «умышленное убийство» (ст. ст. 89, 101, 97 соответственно). Данное положение дает основания считать, что законодатель презюмирует наличие состава неосторожного убийства. Более того, УК Молдавии и Украины реализуют указанное предположение, закрепляя соответственно в статьях 93 и 119 ответственность за убийство по неосторожности. Это свидетельствует о недостаточном развитии уголовного законодательства названных стран и об отставании в данном аспекте от мирового уровня.

Кроме того, изучение уголовного законодательства некоторых стран СНГ выявило его несовершенство в некоторых аспектах. Так, в рамках изучения уголовного законодательства Российской Федерации, Туркменистана, Кыргызстана, устанавливающего ответственность за убийство, выявлена неточность понятия убийства, заключающаяся в отсутствии в его содержании признака противоправности причинения смерти.

В заключение хотелось бы отметить, что уголовное законодательство Республики Беларусь в части формулировки понятия «убийство» наиболее полно отражает его определение в отличие от других стран СНГ.

Таким образом, считаем необходимым дополнение ст. 111 Модельного уголовного кодекса стран СНГ словом «противоправное», изложив ее в следующей редакции «Убийство, то есть умышленное противоправное лишение жизни другого человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
2. Модельный уголовный кодекс стран СНГ, 09 июля 1999 г., № 7-5 : в ред. Постановления от 17.11.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Секция 1. Уголовное право

УДК 343.01

А.П. АБРАМОВИЧ

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель: О.Ю. Прокуда, преподаватель

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Провозглашение прав и свобод личности, их закрепление в законодательстве является важнейшей предпосылкой создания подлинно открытого, свободного общества, поскольку господство права, плюрализм и права человека являются необходимыми слагаемыми демократии. Современные стандарты в области прав и свобод человека, закрепленные в международно-правовых документах и во внутригосударственном законодательстве, являются результатом длительного противостояния личности и власти.

Право на жизнь – неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом.

Право на жизнь не является элементарным отражением всех других прав человека, а имеет собственное социальное содержание, синтезируя все другие права и свободы в самом главном и ценном.

Юридическое содержание права на жизнь как фундаментального права человека, закрепленного во множестве внутригосударственных, а также региональных и универсальных международных актов, не имеет однозначной трактовки как в доктрине права, так и в правоприменительной практике. Так, по-прежнему нет единой точки зрения на проблему отмены смертной казни; актуальный характер имеют проблемы эвтаназии и абортов; очевидны противоречия по вопросам обеспечения отдельных аспектов права на жизнь, оснований его ограничения, обязанностей государств по его защите.

Статья 24 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому человеку право на жизнь [1]. Однако ч. 3 данной статьи предусматривается возможность применения смертной казни до ее отмены в соответствии с законом как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [1].

Проблема отмены смертной казни широко дискутируется во многих странах и имеет как своих сторонников, так и противников.

Серьезным аргументом за сохранение смертной казни является то обстоятельство, что общество может защитить себя и своих членов от ряда

тяжких преступлений и категорий преступников, не подлежащих перевоспитанию, только сохранив реальную угрозу лишения жизни. Некоторых преступников только это и может остановить перед совершением тяжких преступлений.

Обоснованным возражением против смертной казни является возможность вынесения приговоров в отношении невиновных. Такую судебную ошибку уже невозможно будет исправить.

Еще одним аргументом против смертной казни может служить то обстоятельство, что ее применение ожесточает лиц, выносящих такие приговоры, и особенно тех, которые приводят их в исполнение.

Представляется, что существование института смертной казни в Республике Беларусь, установленного уголовным законодательством, все же противоречит праву на жизнь, гарантируемому ст. 24 Конституции Республики Беларусь, поскольку само право на жизнь и наличие института смертной казни, предусмотренного ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК) [2], противоречат друг другу.

Полагаем, что ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь и ст. 59 УК, предусматривающие возможность применения смертной казни в Республике Беларусь, должны быть исключены из соответствующих нормативных актов, а самым строгим видом уголовного наказания должно стать пожизненное заключение, поскольку ни существование смертной казни, ни ее отмена не влияют на динамику преступности в целом.

Уголовное наказание призвано быть не столько жестоким, сколько неотвратимым, так как жестокость наказания является показателем низкого уровня правосознания общества.

Защита права на жизнь тесно связана и с рядом медицинских проблем, в частности с проблемой эвтаназии (греч. – «добрая смерть») – безболезненной, щадящей и избавляющей от страданий смерти.

Потребность в эвтаназии чаще всего ощущают люди, испытывающие невыносимые страдания в результате тяжелой болезни в терминальной и предтерминальной (предсмертной) стадии. Сострадание к таким людям подсказывает решение разрешить медикам при соблюдении соответствующей процедуры удовлетворить просьбу больного и лишить его жизни безболезненным способом.

В соответствии со ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» [3], эвтаназия – удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием.

На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских, фармацевтических работников, запрещено.

Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь [3].

В мире уже существуют государства (Бельгия, Голландия, США), которые в законодательном порядке при наличии определенных обстоятельств допускают возможность применения как активной (например, путем введения определенной дозы снотворного и миорелаксанта), так и пассивной (путем отключения от аппарата «сердце – легкие») эвтаназии.

Вместе с тем, можно привести и целый ряд доводов против законодательного разрешения эвтаназии.

Профессор М.И. Ковалев отмечает, что «огромное количество медицинских диагнозов ошибочно. Это достоверно устанавливается последующим судебно-медицинским вскрытием тела умершего. По некоторым данным, такая «ревизия» устанавливает ошибки в диагнозе в 30 % случаев.

Терминальная и предтерминальная стадии – понятия весьма относительные. Они часто связаны с особым состоянием человеческого организма, которое до сих пор остается загадкой для медицины. Организм может мобилизоваться в борьбе за сохранение жизни до такой степени, что может выйти победителем в казавшейся безнадежной схватке со смертью.

Прогресс медицины и фармакологии развивается столь стремительно, что болезни, еще вчера абсолютно и относительно смертельные, сегодня поддаются окончательному излечению.

Врач – помощник человека в сохранении жизни. Он призван служить здоровью, а не потворствовать болезни и смерти. Было бы нелогичным и даже опасным объединить в одном лице того, кто призван бороться со смертью во имя жизни, с потенциальным палачом, хотя и добрым» [4, с. 70].

На наш взгляд, решение об эвтаназии должно приниматься пациентом самостоятельно. Стоит ли жизнь продолжения – это вопрос, который ни одно человеческое существо не может решить за другое. Поэтому на момент принятия решения гражданин должен быть дееспособным, а также не иметь каких-либо заболеваний, сопровождающихся навязчивой идеей смерти. Если пациент находится без сознания и ранее не оформил надлежащим образом свое согласие на эвтаназию, то соответствующие меры не могут быть приняты.

Активная эвтаназия не может быть легализована ни при каких обстоятельствах. Что же касается пассивной эвтаназии, то здесь следует четко и определенно сформулировать законодательную норму, согласно которой больной имеет полное право знать диагноз своей болезни, ее возможные последствия, а также степень риска неблагоприятного исхода при отказе от лечения и степень надежды при согласии на лечение перед тем, как принять это решение.

По мере дальнейшего развития общества и изменения менталитета людей в данном вопросе нами видится реальная возможность разрешения права на пассивную эвтаназию путем внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», изложив ст. 31 в следующей редакции:

«Эвтаназия – добровольная, согласованная с врачом, смерть неизлечимо больного человека с помощью специальных обезболивающих средств либо путем отключения от аппарата искусственной вентиляции легких (далее – ИВЛ).

Эвтаназия неизлечимо больного путем отключения от аппарата ИВЛ допускается с предварительного письменного согласия больного, удостоверенного в установленном порядке, и заключения консилиума специалистов о характере болезни, не совместимой с возможностью дальнейшего выживания. О проведении эвтаназии путем отключения от аппарата ИВЛ руководитель медицинского учреждения в течение суток обязан сообщить прокурору, приложив письменное согласие больного, удостоверенное в установленном порядке, и заключение консилиума специалистов, подписанное ими и скрепленное печатью медицинского учреждения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 28 апр. 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : с изм. и доп. : текст по состоянию на 16 июня 2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /

ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Ковалев, М. И. Право на жизнь и право на смерть / М. И. Ковалев // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 68–75.

УДК 343

А.Г. БАТЮШКО; В.А. КУДИН

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРОСТИТУЦИИ

Несмотря на то, что вопрос о возможности легализации проституции в мировой сообществе обсуждается вторую половину XX века, именно в последние годы он особую актуальность.

Во многих государствах мира проституция легализована: в Голландии проституцию узаконили в 1988 году – проститутки платят налог и работают в специально отведенных местах, – во Франции уличная проституция узаконена с 1946 года, при этом сутенерство и публичные дома запрещены.

В Италии проституция легализована в 2002 г., но за работу на улице могут оштрафовать и даже арестовать. В Швейцарии интим за деньги официально разрешен, но сутенерство запрещено [1].

И, все-таки, большинство стран узаконивать проституцию не спешат, задавая вопрос о перспективах легализации.

Так, в Испании вопрос о легализации обсуждается – работает сенатская комиссия по вопросам проституции [1].

В соседних с нами государствах, таких как Украина, Россия, также ведется спор по поводу того, должно ли государство узаконить рынок сексуальных услуг.

С одной стороны, вывод данной деятельности из тени закона приводит к сокращению таких преступлений, как организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией.

За 9 месяцев 2015 года в Республике Беларусь в сфере противодействия торговле людьми, иным связанным с ней деяниям выявлено 723 преступления, из них 170 (23,5%) тяжких и особо тяжких, в том числе 90, связанных с трафикингом, среди которых более 30 преступлений, предусмотренных ст.171 «Использование занятия проституцией» [2].

В случае легализации проституции будут созданы, вероятно, условия для безопасных половых сношений, что отразится на состоянии некоторых видов заболеваемости, и регламентирован порядок детальности лиц, оказывающих интимные услуги, более того для них появятся социальные гарантии, такие как социальная страховка, пенсия и т.д.. Также легализация проституции приведёт к дополнительным налоговым поступлениям в бюджет государства.

В то же время существуют и негативные стороны легализации данного вида деятельности. Декриминализация проституции способствует росту секс-торговли, увеличит приток клиентов как внутри страны, так и из-за ее пределов, стран, где проституция вне закона, существенно оживит трафикинг. Легализация, возможно, спровоцирует нелегальную и уличную проституцию, т.к. многие женщины не хотят регистрироваться и проходить медосмотры, а противоправность деяния в этом случае будет значительно ниже по сравнению с ныне действующим законодательством. Узаконивание проституции рушит моральные устои. Абсолютное большинство культур признают проституцию как вид деятельности аморальной.

Более того, даже те проблемы, которые, казалось бы, решает легализация проституции, остаются неразрешенными.

Так, в Англии проституция законом не запрещена, но большинство лиц оказывающих интим услуги не зарегистрированы, так они обязаны платить налоги [1].

В дореволюционном Минске существовали дома терпимости, проститутки состояли на учете в Минском санитарном комитете и два раза в неделю проходили медицинский осмотр. Были, однако, и тайные «жрицы любви», за которыми охотилась полиция. Но их не наказывали штрафами и арестами, а заставляли пройти медицинское обследование: в городе прогрессировали венерические заболевания [3].

В настоящее время проституция выступает в качестве одного из ведущих факторов, способствующих ежегодному увеличению количества ВИЧ-инфицированных, и обострению проблемы гепатита [1]. Представляется, что посредством легализации вряд ли возможно решить эту проблему.

В 2007 году мэр Амстердама Йоб Кохен, признал, что легализация проституции была ошибкой. В столице закрыли треть публичных домов, так как, несмотря на легализованную проституцию, там предоставляется «слишком много сексуальных услуг», что «притягивает криминал, в частности, торговлю людьми и сексуальную эксплуатацию» [4].

Однако вред, причиняемый проституцией, не исчерпывается лишь отрицательным воздействием на физическое здоровье членов общества.

Проституция наносит непоправимый урон нравственному здоровью социума, способствуя моральному разложению общества, подрывая устои брака и семьи [1].

Исходя из статистики, приведенной Министерством внутренних дел Республики Беларусь, вопросы охраны половой неприкосновенности и половой свободы являются актуальными для белорусского общества. Однако только декриминализация ряда деяний природу проблемы не решает.

Сторонники и противники легализации проституции приводят аргументы и у каждой из сторон они достаточно весомы. В любом случае вопрос требует детальной проработки. Следует учесть особенности нашей страны, плюсы и минусы легализации в зарубежных странах, особенно тех, с которыми мы имеет тесные исторические связи, в регулировании общественных отношений по оказанию интим-услуг, и выработать оптимальный для нашего общества вариант. Недопустима поспешность при принятии решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проститутки ЕС: Легализация услуг вылезла боком / РИА Новости Украина [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://rian.com.ua/analytics/20150923/374134659.html> – Дата доступа : 06.10.2015.
2. Статистические сведения в сфере противодействия торговли людьми, иным связанным с ней преступлениям / Министерство Внутренних Дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: mvd.gov.by/imgmvd/ptl2015/all.doc. - Дата доступа: 06.10.2015.
3. Проституция в Республике Беларусь / Ваша социология [Электронный ресурс] .– 2015. Режим доступа: <http://www.yoursociolog.ru/ysocs-1069-1.html> – Дата доступа: 11.10.2015.
4. Публикации / Депутат-Маркин. РФ [Электронный ресурс]. – 2015 Режим доступа: http://deputat-markin.ru/sobytiya_publicacii/10011742/ – Дата доступа: 17.10.2015.

УДК 343

И.В. БАУРИНА, А.Д. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДАРКА И ВЗЯТКИ

Довольно часто лица, уличенные в даче-получении взятки, не отрицая очевидный факт передачи-получения товарно-материальных ценностей, с целью уйти от ответственности заявляют о том, что это имущество является подарком.

Определение дарения приведено в ч. 1 ст. 543 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность, либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить его от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Согласно ст. 546 ГК, не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает установленного законодательством пятикратного размера базовой величины:

- 1) от имени малолетних и граждан, признанных недееспособными, - их законными представителями;
- 2) работникам лечебных, воспитательных учреждений, учреждений социальной защиты и других аналогичных учреждений – гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан;
- 3) государственным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей;
- 4) в отношениях между коммерческими организациями.

Таким образом, из содержания приведенной нормы следует общее правило о недопущении дарения государственным служащим каких-либо подарков в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

В целом, допущение дарения государственным служащим обычных подарков явлением неоднозначным и достаточно спорным. Как считает А. Эрделевский, «это разрешение декриминализует предусмотренные ст. 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) деяния - получение и дачу взятки, если ее предметом является обычный подарок, поскольку ст. 575 ГК Российской Федерации конституирует дарение обычного подарка государственному служащему, причем не из

личных симпатий, а в связи с исполнением последним служебных обязанностей (при отсутствии вымогательства такого подарка), в качестве правомерного действия, что исключает квалификацию этого действия как преступного... Не хотелось бы предполагать, наличие у законодателя именно такого намерения - покровительства взяточникам и взятополучателям - при разработке закона, однако разумно обосновать наличие какого-либо иного намерения не представляется возможным [1]».

Нормы ст. 22 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» устанавливают запрет на подарки, независимо от их размера, если эти подарки имели место в связи с исполнением служебных обязанностей. В свою очередь, допустимы сувениры, подарки при проведении протокольных мероприятий.

Вывод первый: действие запрета на получение государственным служащим вознаграждений, включая подарки, не распространяется на сувениры. Вывод второй: запрет введен на любые вознаграждения, включая подарки, не предусмотренные законодательством (еще раз подчеркнем, что о сувенирах в данном случае речь не идет, о них говорится в другой части нормы). Следовательно, используя такую формулировку редакции нормы, законодатель одновременно имел в виду, что законодательством в принципе может быть предусмотрена возможность получения государственным служащим вознаграждений, включая подарки [2].

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» разъясняется, что «не является получением взятки принятие должностным лицом сувениров и подарков при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, а равно подарков по случаю дня рождения и праздников, если они были вручены должностному лицу без какой-либо обусловленности вознаграждения соответствующими действиями по службе. Если же будет установлено, что под видом подарка передавалась взятка за использование должностным лицом своих служебных полномочий в интересах лица, вручившего подарок, то содеянное квалифицируется как взяточничество независимо от стоимости предмета взятки [3]».

Таким образом, исходя из данного Верховным Судом разъяснения, можно сделать вывод, что подарок от взятки отличает, прежде всего, отсутствие обусловленности вознаграждения соответствующими действиями должностного лица по службе. В определенных случаях значение может иметь и повод для вознаграждения.

Объективная сторона получения взятки предполагает обязательное наличие таких признаков как принятие должностным лицом материальных

ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых ему исключительно в связи с занимаемым должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий (ч. 1 ст. 430 УК).

Для получения взятки в ее «классическом» варианте характерна обусловленность совершаемых должностным лицом действий (бездействия) получением вознаграждения (наличие соответствующей договоренности). В таком случае время получения вознаграждения - до или после совершения требуемого действия - значения не имеет.

Определенная проблема лежит уже в плоскости совершенствования уголовного законодательства. Речь идет о законодательном установлении такого понятия, как малозначительность взятки.

Одна из попыток разграничить подарок от взятки была предпринята Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ при принятии Модельного уголовного кодекса. Так, п. 2 примечания к ст. 305 данного Кодекса предусмотрено, что не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном порядке получение публичным служащим имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за уже совершенное действие (бездействие), не нарушающее служебных обязанностей лица, если стоимость подарка не превышает однократного минимального размера заработной платы, установленного законодательством.

Межпарламентская ассамблея указала на критерии, которые позволяют декриминализовать указанное деяние:

1) стоимость полученного подарка (в виде имущества, права на имущество либо иной имущественной выгоды) является незначительной;

2) получение подарка имело место после уже совершенного действия (бездействия);

3) указанное действие (бездействие) публичного служащего не нарушало его служебных обязанностей;

4) подарок за совершенное действие (бездействие) получен публичным служащим при отсутствии предварительной договоренности.

Представляется правильным внести дополнения в примечание к главе 35 «Преступления против интересов службы» УК, в которых были бы установлены четкие критерии отграничения взятки. В качестве основы возможны критерии Межпарламентской ассамблеи, а также последующие

соответствующие предложения научного сообщества, выдвинутые в рамках начатой дискуссии, актуальность которой сомнений не вызывает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрделевский, А. Прощение долга и договор дарения / А. Эрделевский // Российская юстиция. – 2000. – № 5.
2. Подгруша, В. Когда подарок еще не взятка / В. Подгруша [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2003-77/2003-77\(042-050\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-77/2003-77(042-050).pdf). – Дата доступа 07.10.2015.

УДК 343

К.В. БАШКОВА

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: В.И. Мурзич, старший преподаватель

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

На практике имеют место случаи, когда граждане или уполномоченные должностные лица в целях пресечения совершения преступлений, а так же невозможности преступника уйти от ответственности, сами вынуждены прибегать к совершению действий, связанных с причинением вреда охраняемым законом ценностям. При этом действия лица, причинившего вред, на наш взгляд, имеют две содержательные стороны: 1) юридическая оценка подобных действий, которая является неоднозначной, поскольку по внешним своим признакам они совпадают с соответствующими правонарушениями; 2) социальная сущность данного института – деятельность общественно полезная, одобряемая правом и моралью, которая признается и поощряется государством, поскольку позволяет эффективнее бороться с преступностью, формирует у граждан активную жизненную позицию, способствует общей и частной превенции.

Некоторые ученые, в частности профессор И.С. Тишкевич, считают, что общественная полезность правомерных действий по задержанию правонарушителя состоит в том, что они предупреждают возможность осуществления задержанным уже начатого опасного деяния, предотвращают в ряде случаев совершение новых посягательств,

обеспечивают привлечение виновного к ответственности и возмещение причиненного ущерба [3, с. 5].

Анализ ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) показывает, что правом на задержание преступника наряду со специально уполномоченными лицами обладают как потерпевший, так и другие граждане без исключения.

В теоретическом плане проблема правомерности причинения вреда задерживаемому лицу, совершившему противоправное посягательство, относится к числу новых и наиболее сложных проблем не только в уголовном праве, но и в административном [1, с. 241]. Полагаем, что правомерность причинения вреда определяется целями задержания преступника и его передачи органам власти, а не в целях непосредственно причинения вреда. Анализ ст. 35 УК позволяет сделать следующие выводы о правомерности причинения вреда:

1. Вынужденный характер задержания, т.е. когда иными средствами задержать лицо не было невозможно. Вынужденность должна также соизмеряться с возможностями задерживающего лица. Если задержание проводится сотрудниками правоохранительных органов, которые имеют соответствующую подготовку, к ним могут предъявляться более строгие требования, чем к обычным гражданам. Однако эти требования не могут быть принципиально иными, так как положение закона в равной степени распространяется на всех лиц [1, с.245].

2. Обоснованность, т.е. не признаются законными действия лица, без достаточных на то оснований. Задерживаемому лицу должно быть достоверно известно о факте совершения преступления.

3. Соразмерность, то есть причиненный вред должен соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного правонарушения.

На основании ч. 1 ст. 5 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» следует полагать, что задержание лица признается законным, если оно предстало перед компетентным органом «по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения» [2, ч. 1 ст. 5].

Таким образом, при должном соблюдении всех вышеуказанных условий, причинение вреда будет считаться законным и окажется без последствий для задерживаемого лица.

Следует иметь в виду, что при наличии возможности задержать преступника без причинения ему вреда, она должна быть использована.

Особенно важно соблюдение законных правил в случаях применения оружия при задержании. Применение огнестрельного оружия, способного причинить тяжкий вред здоровью или смерть, применяется только в качестве крайней меры, когда иными способами невозможно защитить правоохраняемые интересы от общественно опасного посягательства.

Стоит обратить внимание, что причинение вреда лицу, готовому сдаться, не вызывает никакой необходимости. В этом случае допускается его связывание, лишение возможности свободного передвижения и т.п.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Далеко не все граждане в полной мере реализуют свое право на задержание виновных в совершении преступления лиц. Для того, чтобы побуждать граждан проявлять эти усилия, требуется стимуляция поощрением. То есть граждане, правомерно осуществляющие задержание преступного лица в силу своих субъективных прав, представляются к награде либо получает иное материальное вознаграждение.

Полагаем, что данная мера послужит стимулятором для формирования активной жизненной позиции граждан, установлением доверительных отношений между органами государственной власти и гражданами, их сотрудничеству по предотвращению совершения преступлений и неотвратимости наказаний за содеянное, а также в целом для поддержания стабильности и безопасности в обществе.

Кроме того, возникает вопрос о временной разнице между содеянным преступлением и моментом задержания лица с причинением ему вреда, а также должно ли это деяние быть оконченным? Эти моменты требуют уяснения. Таким образом, необходимо внести некоторые уточнения в ст. 35 УК Республики Беларусь, а именно четко обозначить цель причинения вреда, при задержании лица, совершившего преступление, – обеспечение неотвратимости наказания и предотвращение возможности совершения им новых преступлений. Также необходимо признание государством общественно полезным и поощряемым задержание лица гражданами для передачи органам власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции, 19-20 сентября 2013 г. / под общ. ред.: В. А. Сосова. – Краснодар: Издат. дом – Юг, 2013. – 664 с.
2. Защита прав человека и основных свобод: Конвенции Совета Европы, 4 ноя. 1950 г., № 5: в ред. Протокола от 19.03.1985 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /

ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2015.

3. Тишкевич, И. С. Право граждан на задержание преступника / И.С. Тишкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 112 с.

УДК 349.6(476)(075.8)

Д.В. БОГДАНОВИЧ, Г.И. ЗАЙЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Становление в Республике Беларусь рыночных отношений повлекло расширение сферы страховых услуг. Наряду с традиционными видами страхования появилось и экологическое страхование. Для уяснения феномена страхования и его разновидности экологического страхования оправданно обратиться к их легальным определениям. Однако, в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (далее – ГК) такие дефиниции отсутствуют, там закреплено только определение договора страхования. Рассматриваемые понятия и их определения сформулированы в иных нормативных правовых актах: так, ст. 2 «Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь» (в дальнейшем – Положение о страховой деятельности»), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» закреплено определение страхования, как отношения по защите имущественных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, в том числе иностранных и международных, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, иностранных государств при наступлении определенных событий (страховых случаев) за счет страховых резервов, формируемых страховщиками в установленном порядке; в ст. 85 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») сформулирована дефиниция экологического страхования, согласно которой последнее представляет собой страхование гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по защите имущественных интересов граждан и организаций, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц при причинении экологического вреда и, что экологическое страхование осуществляется в соответствии с

законодательством о страховании. Согласно ст.1 рассматриваемого закона под экологическим вредом понимается – вред, причиняемый окружающей среде, а также вред причиненный, жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду. Причем такое вредное воздействие на окружающую среду может быть оказано не только при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, но и в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Страхование в Республике Беларусь может быть обязательным и добровольным.

Виды обязательного страхования от негативных проявлений стихийных сил природы определены Положением о страховой деятельности. К ним п.п.4.1 п.4 отнесены страхование строений принадлежащих гражданам и страхование с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы. Страховые случаи по указанным видам страхования установлены п.106 и п.382 рассматриваемого Положения. В частности, по страхованию строений, принадлежащих гражданам – это утрата (гибель) или повреждение строений в результате сильного ветра (в том числе шквала, смерча, урагана), града, сильного дождя, сильного снегопада, сильного мороза, сильной жары и других опасных явлений природы, которые по своей интенсивности (силе), масштабу распространения и (или) продолжительности могут причинить вред строениям, в том числе, в результате высокого уровня воды (при половодьях, паводках, заторах, зажорах), выхода подпочвенных вод, просадки грунта, землетрясения, удара молнии, пожар, а также случаи, когда для прекращения распространения пожара либо в связи с внезапной угрозой стихийного бедствия, было необходимо разобрать строения или перенести их в другое место. А по страхованию сельскохозяйственной продукции: по страхованию урожая сельскохозяйственных культур – гибель сельхозкультур в результате пожара, вымокания, выпревания, вымерзания, засухи, заморозка, иных опасных гидрометеорологических явлений; по страхованию скота и птицы – гибель (падеж), вынужденный убой (уничтожение) в результате инфекционных заболеваний, пожара, взрыва, опасных гидрометеорологических явлений, разрушения (повреждения) мест содержания скота и птицы, а также вынужденный убой (уничтожение) скота и птицы по распоряжению специалиста ветеринарной службы в связи с проведением мероприятий по борьбе с эпизоотией.

Поэтому понятие экологического страхования можно определить шире, как формирование за счет страховых взносов (страховых премий),

уплачиваемых страхователями, специальных денежных фондов страховщика, предназначенных для возмещения ущерба жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц, и имуществу, находящемуся в собственности государства в результате причиненного им экологического вреда, вызванного негативным воздействием на окружающую среду хозяйственной и иной деятельностью, природными и техногенными чрезвычайными ситуациями.

В основании страховых отношений находится договор страхования и его разновидность договор экологического страхования, которые относятся к рисковому (алеаторным) соглашениям. Их суть заключается в том, что при их заключении предоставление совершает только одна сторона (страхователь), а другая сторона (страховщик) обязуется его исполнить лишь при наступлении определенного события (страхового случая), которое может и не наступить.

Развитие и функционирование страхового рынка требуют своевременного и полного законодательного обеспечения. Однако оно должного нормативного закрепления в том числе и в виде уголовной ответственности не получило. Это в свою очередь создало почву для различных правонарушений в данной сфере деятельности. Одним из самых распространенных из них является страховое мошенничество со стороны страхователей, направленное на незаконное получение страховой выплаты. Наиболее типичные схемы обмана связаны со страхованием ответственности владельцев автотранспорта, с инсценировкой или фальсификацией дорожно-транспортных происшествий, угонов транспортных средств. Большое количество преступлений совершается в сфере личного страхования: в страховании выезжающих за рубеж путем фальсификации медицинских счетов и завышения цен на медицинские услуги; в медицинском страховании путем инсценировки несчастных случаев и травм [1].

Согласно данным российских средств массовой информации по оценкам «Росгосстраха» в сельхозстраховании объем предотвращенного мошенничества в 2010 г. составил порядка 30% от заявленной суммы убытков. При этом, к наиболее частым способам мошенничества отнесены – предоставление справок Росгидромета с «рисованными» данными и форм статистической отчетности с недостоверной информацией о площади посева или валовом сборе, в страховании животных нередки случаи, когда одно павшее животное пытаются несколько раз выдать за разных животных [2].

Однако на практике далеко не всегда удается определить правомерно или путем обмана наступил такой юридический факт, как страховой случай. Что приводит к финансовым убыткам страховых организаций,

росту латентной преступности и чувству безнаказанности со стороны мошенников.

В свою очередь, мошенничество в сфере страхования, в том числе и экологического страхования, не выделяется в специальный состав преступления; ответственность за него наступает по ст. 209 (мошенничество) Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З, содержащая лишь общие признаки деяния, без учета специфики страховой деятельности, что часто не позволяет и точно квалифицировать содеянное. Поэтому в уголовно-правовой науке неоднократно предлагалось, опираясь на зарубежный законодательный опыт, выделить страховое мошенничество в самостоятельный вид преступления. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования предусмотрена законодательством европейских стран, как с развитой экономикой, так и недавно ставших на путь рыночных реформ. В частности, она установлена УК ФРГ (§ 263, 265), УК Австрии (§ 151), УК Голландии ст. 327, 328 [3]. Согласно ст. 213 Уголовного кодекса Республики Болгарии от 1 мая 1968 г. [4], лицо, которое разрушит, повредит или уничтожит с целью обмана свое застрахованное имущество, наказывается лишением свободы и штрафом. Статьей 178 Уголовного кодекса Латвийской Республики от 8 июля 1998 г. [5] предусмотрено два вида страхового мошенничества: умышленное уничтожение, повреждение или сокрытие своего имущества с целью получения страховой суммы; и принуждение или уговоры другого лица уничтожить, повредить или сокрыть застрахованное имущество, или иное воздействие с той же целью, совершенное собственником имущества, с целью получения страховой суммы.

Таким образом, с учетом роста криминальных деяний в сфере страхования вообще и экологического страхования в частности, специфики их совершения, объекта и предмета преступного посягательства и способа совершения, а также опыта зарубежных государств оправданно установить специальную уголовную ответственность за нарушение законодательства о страховании, в связи с чем, дополнить УК ст. 209-1 Страховое мошенничество (мошеннические действия в сфере страхования), где предусмотреть случаи и виды простого, квалифицированного и особо квалифицированного обмана страховщиком страхователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страховое мошенничество «заграничное» и «отечественное» // Фориншурер [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://forinsurer.com/public/05/08/01/1956>. – Дата доступа: 06.10.2015.

2. Мошенники заработали на страховщиках 27 миллиардов рублей // [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://insurua.com/moshennichestvo-v-strahovanii>. – Дата доступа: 10.10.2015.

3. Мошенничество в сфере страхования // [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://xreferat.com/7/1515-1-moshennichestvo-v-sfere-strahovaniya.html>. – Дата доступа: 10.10.2015.

4. Уголовный кодекс Болгарии // Уголовные кодексы мира [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii/>. – Дата доступа: 07.10.2015.

5. Уголовный кодекс Латвии // Законы Латвии по-русски [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html. – Дата доступа: 08.10.2015.

УДК 343

Ю.Н. БОШЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: Резюк В.И., преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предусмотренные в нормах Особенной части УК Республики Беларусь (далее – УК) составы преступлений формулируются как оконченные криминальные деяния. Однако в реальной жизни преступления не всегда могут доводиться до конца, по независящим от виновного обстоятельствам. Поэтому законодательство знает ответственность за неоконченное преступление. Стадии совершения преступления - это определенные этапы совершения умышленного преступления, существенно различающиеся между собой по характеру общественно опасных действий и последствиям, по степени реализации виновным преступного умысла. Преступления в уголовном праве это акт внешнего общественно опасного поведения человека. Следовательно и все стадии преступления представляют собой такие же акты. Совершаемые в объективном мире поступки людей проходят в процессе их осуществления отдельные этапы. В уголовном праве, имеющем дело с общественно опасными действиями, юридическим выражением этих этапов человеческих поступков являются стадии совершения преступления. Выделяют следующие стадии развития преступления:

- 1) приготовление к преступлению;
- 2) покушение на преступление;
- 3) оконченное преступление.

Некоторые деятели выделяют в уголовном праве ещё одну стадию - «Обнаружение умысла». Она представляет собой внешнее проявление (словесно, письменно или иным путем) намерения совершить конкретное преступление.

Первые две стадии (приготовление и покушение) составляют так называемое неоконченное преступление. Их в уголовном праве называют еще предварительной преступной деятельностью. Приготовление и покушение совершаются до окончания преступления и для его осуществления. Выделять данные стадии необходимо для правильной правовой оценки совершенного преступления, его квалификации, а также для индивидуализации уголовной ответственности.

Согласно статье 13 УК, приготовление к преступлению – это приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления [1]. При отсутствии большой общественной опасности данная стадия совершения преступления ответственности не влечет.

В соответствии со статьей 14 УК, покушением на преступление признается умышленное действие или бездействие лица, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам [1]. Ответственность наступает по той же статье УК, что и за окончательное преступление, но с ссылкой на данную статью.

Существуют два вида неоконченных преступлений — прерванное по независящим от лица обстоятельствам и добровольно не оконченное (оставленное) преступление. В последнем общественно опасные последствия не наступили по зависящим от лица обстоятельствам, а именно в силу его добровольного отказа от завершения преступления. При этом мотивы незавершенного преступления могут быть самыми различными, лишь бы отказ был действительно добровольным.

Необязательно, чтобы любое умышленное преступление проходило все указанные этапы. Нередко умысел лица реализуется конкретно совершением окончательного преступления, минуя предварительную преступную деятельность.

О приготовлении и покушении можно вести речь лишь применительно к умышленной преступной деятельности. Эти стадии возможны только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом. Что же касается криминальных деяний, совершаемых с косвенным умыслом, то в них стадии приготовления и покушения невозможны. Не желая наступления общественно опасных последствий, виновный, естественно, не может ни готовиться к преступлению, ни покушаться на него. В данном

случае общественно опасные последствия преступления не являются целью его криминальной деятельности [2].

Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного конкретной нормой Особенной части УК. В отличие от неоконченного, оконченное преступление характеризуется полным соответствием содеянного указанным в законе объективным и субъективным признакам.

Говоря об оконченности преступления, нужно заметить, что момент юридической законченности преступного деяния может не совпадать с представлением самого субъекта о завершении конкретного преступления.

При реализации субъектом объективной и субъективной сторон преступления, оно признается оконченным. Т.е. оконченное преступление означает соответствие объективной стороны совершенного лицом преступления его субъективным целям. Это и является существенным отличием неоконченного преступления от оконченного. Наука уголовного права исходит из того, что объект и субъект деяния одинаковы как для оконченного, так и для неоконченного преступления

Момент же окончания преступления зависит от того, как в конкретной норме Особенной части УК сконструирован данный состав преступления.

В преступлениях с материальными составами, в объективную сторону которых в качестве обязательного признака включается наступление конкретного преступного, общественно-опасного последствия, оно должно наступить фактически, чтобы преступление было признано оконченным. (такowymi преступлениями, например, являются убийство (ст. 139), кража (ст. 205), мошенничество (ст. 209). При определении оконченного преступления с материальным составом, необходимо учитывать следующее:

- преступление завершено лишь тогда, когда причинен вред, являющийся необходимым признаком данного состава;
- умысел был направлен именно на причинение этого последствия;
- причинение иного ущерба квалифицируется как покушение на преступление.

В преступлениях с формальным составом моментом их окончания будет считаться совершение в полном объеме деяния, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК, независимо от того, повлекло ли это деяние общественно опасные последствия или нет. Такowymi, например, являются оставление в опасности, оскорбление, разбой, получение взятки и др. Разбой как преступление с формальным составом будет рассматриваться как оконченное преступление уже с момента

нападения. Реализация цели (хищение чужого имущества) не будет являться определяющим моментом.

Признание преступления окончанным или неоконченным довольно сложно. Разграничение иногда зависит не только от содержания умысла и степени его реализации вовне, но и от особенностей законодательного построения соответствующего состава преступления. Например, преступник пробрался в дом, с намерением украсть сумму, в полторы тысячи раз превышающую базовую величину, но на самом деле там оказалась сумма, лишь в тысячу базовых величин. В данном случае умысел преступника реализовался не полностью. Независимо от этого, содеянное будет квалифицироваться по ч. 4 ст. 205 (кража в особо крупных размерах – стоимость похищенного в 1 000 раз превышает базовую величину). Если же преступнику удалось похитить сумму, но не превышающую 1 000 БВ, или денег в предполагаемом месте не оказалось, то содеянное будет квалифицироваться как покушение на кражу в особо крупных размерах.

Некоторые составы УК образованы таким образом, что преступление считается окончанным уже тогда, когда объект уголовно-правовой охраны поставлен под реальную угрозу причинения вреда (так называемые составы опасности).

В некоторых составах момент окончания преступления наступает раньше, чем наступают преступные последствия (т.н. усеченные составы). Они предусматривают уголовную ответственность с момента посягательства на жизнь потерпевшего. Данные нормы вводились в связи с тем, что объекты таких преступных посягательств относятся к группе особо охраняемых законом лиц (государственные и общественные деятели, судьи, присяжные заседатели, лица, осуществляющие предварительное расследование, сотрудники правоохранительных органов).

При некоторых составах преступления считаются окончанными с момента осуществления организационной деятельности, направленной на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Таковы составы предусмотренные статьями 285 (создание преступной организации или участие в ней), 286 (бандитизм), 287 (создание незаконного вооруженного формирования), 332 (организация либо содержание притонов для потребления наркотических или иных одурманивающих средств). Это обусловлено особой опасностью преступных деяний, совершаемых указанными организациями.

Различная конструкция составов преступлений в УК предопределяет и различия в моменте окончания того или иного преступного деяния.

На основании вышеизложенного можно сделать общий вывод, что основными отличиями покушения на преступление от оконченного преступления является:

1) нет преступных последствий, являющихся обязательным признаком состава преступления;

2) преступление совершено не полностью или осуществлены не все действия, входящие в объективную сторону преступления.

Органы предварительного расследования должны хорошо изучать все стороны состава преступления, дабы отличить покушение от оконченного преступления. Ведь тот же добровольный отказ от совершения преступления значит, что человек осознал последствия своих действий, преступность своего деяния, и одумался. Поэтому так называемое уменьшение меры наказания за добровольный отказ будет служить неким поощрением для раскаявшегося преступника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28 апреля 2015 г // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015

2. Уголовное право России / Учебник для вузов. В 2-х томах. Том 1. Общая часть; редкол. : А. Э. Жалинский – М.: Норма – 1997. Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-4/69.htm>. Дата доступа : 15.10.2015 г.

УДК 343

И.В. БУЯНОВА, А.А. КУШНАРЕНКО

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: И.В. Буянова, старший преподаватель

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ КАК ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Современное уголовное право, как и любая отрасль права, характеризуется динамичностью, и если ранее главной целью применения мер уголовной ответственности была кара, сегодня большая роль уделяется возмещению вреда, не только материального, но и психологического. Тенденция гуманизации, которая наблюдается на примере отказа многими государствами от смертной казни, проявляется

так же в увеличении числа оснований для освобождения от уголовной ответственности и их реформировании. Так, в 2010 году была принята Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённая Указом Президента Республики Беларусь № 672, в которой говорится о необходимости расширения практики освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, в связи с утратой деянием или лицом общественной опасности, в связи с деятельным раскаянием, и часто используемым основанием – примирением с потерпевшим. Евгения Парамонова, начальник отдела методической и аналитической работы Генеральной прокуратуры отмечает: «За 3,5 года от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования освобождено более 11 тысяч лиц! Они не отправились в места заключения! Около 75 процентов из них составляют обвиняемые, к которым применена статья 89 УК «В связи с примирением сторон» [1].

В соответствии со статьёй 89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее УК): «Лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред» [2]. То есть для применения данной уголовно-правовой нормы необходимо установить:

- что собой представляет примирение с потерпевшим;
- характер и степень общественной опасности преступления;
- загладило ли лицо причинённый преступлением вред.

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 1 от 29 марта 2012 года «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» даёт следующие разъяснения: «под примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим применительно к положениям ст. 89 УК судам следует понимать свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершением преступления конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к суду с заявлением о примирении и просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности» [3]. При этом подчеркивается добровольность достижения перемирия. Данная норма, в соответствии с УК Республики Беларусь, применяется к лицам, как совершившим преступление, не представляющее большой общественной опасности, а так же к лицам,

совершившим менее тяжкое преступление, но с оговоркой – «впервые». Руководствуясь вышеупомянутым Постановлением, впервые совершившим преступление считается лицо, которое совершило одно преступное деяние в первый раз или когда за предыдущее деяние лицо было освобождено от уголовной ответственности, либо по нему истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо судимость была погашена или снята в установленном законом порядке [3].

Еще недавно статья 89 УК выглядела следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим» [4]. Можно сделать вывод, что круг лиц, к которым можно применить данное основание освобождения от уголовной ответственности значительно расширился. Более того, освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, по основанию, предусмотренному ст. 89 УК, не исключается и в тех случаях, когда оно ранее совершало преступления, но в этих случаях суды учитывают причины совершения преступлений, форму вины и иные обстоятельства дела. Анализ судебной практики свидетельствует, что по общему правилу суды не допускают прекращения производства по уголовному делу на основании статьи 89 УК, если лицо ранее совершило преступление и производство по делу уже прекращалось на основании данной статьи.

Следующим необходимым условием применения освобождения от уголовной ответственности является возмещение вреда. Заглаживание нанесенного преступлением вреда может выражаться в материальном возмещении морального вреда, принесении потерпевшему извинения, оплате его лечения, в том числе санаторно-курортного, в компенсации упущенной выгоды, оказании иной помощи потерпевшему или совершении других действий, направленных на предотвращение, устранение или уменьшение наступивших от преступления вредных последствий. При этом не имеет значения, возмещение ущерба или заглаживание вреда произведено по собственной инициативе лица, его причинившего, либо по предложению органа, ведущего уголовный процесс. Следует отметить, что в старой редакции УК данное условие не оговаривалось. Исходя из действующей практики условие «загладить причиненный преступлением вред» предполагает полное признание вины.

В соответствии со статьёй 30 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее УПК) прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи

с примирением может суд, прокурор или следователь с согласия прокурора [5], то есть примирение сторон возможно:

– на досудебной стадии по заявлению потерпевшего, или его законного представителя и подозреваемого, обвиняемого. В таком случае заявление о примирении должно быть письменным и приобщено к материалам уголовного дела;

– в суде, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В данном случае заявление даётся в устной форме и заносится в протокол судебного заседания.

Следует отметить, что примирение с потерпевшим возможно по уголовным делам как публичного, так и частно-публичного обвинения. К делам публичного обвинения относят, например, незаконные собрание либо распространение сведений о частной жизни, нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан. Делами частно-публичного обвинения является умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, истязание. Однако ранее ч.4 ст. 26 УПК содержала запрет на прекращение производства по делу частно-публичного обвинения за примирением потерпевшего с обвиняемым.

Существуют случаи, когда потерпевшими являются несколько лиц, в такой ситуации освобождение от уголовной ответственности тоже возможно, но необходимо примирение в каждом из потерпевших.

Тенденция международной гуманизации уголовного права охватила и наше законодательство, это становится очевидным на примере расширения оснований освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. За 10 месяцев 2014 года 704 лица освобождены от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, из которых Следственным комитетом прекращено 450 уголовных дел. Это значит, что институт примирения действует вполне эффективно [1]. Однако по-прежнему требуют уточнения ряд положений, касающихся применения статьи 89 УК, например:

- добровольно ли было достигнуто перемирие?
- в полном объёме ли был возмещён вред?
- сколько раз человек может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим после уже имеющегося подобного освобождения?
- не будет ли примирение с потерпевшим основанием для дальнейшей посткриминальной деятельности?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примирение возможно // СБ Беларусь Сегодня [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://www.sb.by/konferents-zal/article/primirenje-vozmozhno.html>. - Дата доступа : 05.10.2015.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 28.04.2015 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 29.03.2012 г., № 1: в ред. постановления от 29.03.2012 г // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2015.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 10.01.2015 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343

К.В. БЫКОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: С.М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЕ

Всеобщая декларация прав человека гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Право на свободу личности является одним из самых важных конституционных прав человека. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Конституция Республики Беларусь провозглашает, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства.

Статья 25 Конституции Республики Беларусь гласит: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом».

Свобода человека имеет две составляющие: физическую свободу и свободу поступать сообразно со своей волей, руководствуясь при этом разумом и совестью. Достоинство человека означает допустимость только благородного отношения к нему, а такое же его отношение к другим людям делает ему честь.

Свобода, честь и достоинство являются теми социальными благами, которыми люди наделены от рождения и посягательства, на которые влекут ответственность согласно статьям гл. 22 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Особая опасность посягательства на личную свободу состоит в том, что человек, как правило, лишается возможности пользоваться другими конституционными политическими и гражданскими правами. Такие посягательства в соответствии с их посредственными объектами могут быть разделены на следующие группы:

1. Преступления против личной свободы: похищение человека (ст. 182), незаконное лишение свободы (ст. 183), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184).

2. Преступления против свободы волеизъявления личности: торговля людьми (ст. 181), использование рабского труда (ст. 181¹), принуждение (ст. 185), незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187).

3. Посягательство на спокойствие и безопасность личности: угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186).

4. Посягательства на честь и достоинство личности: клевета (ст. 188) и оскорбление (ст. 189).

Под преступлениями против свободы человека следует понимать общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом и посягающие на общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность свободы человека.

Родовым объектом этих преступлений являются общественные отношения, которые обеспечивают свободу человека. Рассматриваемые преступления посягают на непосредственный объект: на общественные отношения, охраняющие личную свободу граждан. Видовой объект - общественные отношения, обеспечивающие реализацию права человека на личную свободу. Непосредственный объект данного преступления - личная, физическая свобода человека. В качестве дополнительного объекта

нередко выступают жизнь и здоровье человека, его собственность. Потерпевшим может быть любое физическое лицо.

Для объективной стороны названных преступлений характерно активное поведение – действие. По конструкции состава преступления являются формальными. Исключение составляют незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187). Это преступление имеет место с наступлением специфического последствия – сексуальная или иная эксплуатация лица, трудоустроенного за границей. В этом случае непременно устанавливается причинная связь незаконного трудоустройства гражданина за границей с названным последствием.

Субъективная сторона большинства преступлений против личной свободы характеризуется прямым умыслом. Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187), предполагают косвенный умысел.

Мотивы и цели анализируемых преступлений могут быть различными, что учитывается при индивидуализации ответственности. В ряде случаев они выступают в качестве квалифицирующих обстоятельств: похищение человека из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 182); торговля людьми или похищение человека, совершенные в целях сексуальной эксплуатации, в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации (ч. 2 ст. 181, ч. 2 ст. 182). Субъект преступлений общий: физическое лицо, достигшее 16 лет. Ответственность за похищение человека наступает с 14 лет.

Свобода дается человеку с самого рождения, она является одним из главных прав человека и охраняется государством. Свобода может быть физической и свободой волеизъявления.

Личная свобода человека, его честь и достоинство охраняется главой 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Преступления против личной свободы – это умышленные общественно опасные действия, предусмотренные статьями 181 – 187 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которые посягают на личную свободу человека как одно из важнейших благ человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. от 03.02.2015. //

КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Лукашов, А. И. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / А. И. Лукашов [и др]; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гревцова, 2009. – 960с.

УДК 343

М.Н. ВАЛЮХНЕВИЧ, В.И. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Понятие «субъект преступления» является одним из главных в уголовном праве.

Каждый преступник является личностью, а личность характеризуется индивидуальностью. В уголовном праве отмечают наиболее важные характеристики, свойства личности преступника. Это раскрывается в признаках субъекта преступления.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние – это отражено в обязательных признаках субъекта.

Существуют и специальные признаки субъекта преступления, которые предусмотрены отдельными статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, объединенные в понятие «специальный субъект» и одноименный факультативный признак субъекта. Специальный субъект преступления – это лицо, обладающее наряду с общими признаками (вменяемость, возраст уголовной ответственности) субъекта преступления дополнительным признаком, указанным в статье Особенной части Уголовного кодекса. Таким образом, ограничивается круг лиц, которые могут нести ответственность по этой статье.

Актуальность классификации признаков специального субъекта обуславливает то, что на практике каждое преступление имеет как общие признаки, характеризующие преступление в целом, так и отдельные специфические признаки, присущие конкретному совершенному преступлению, в том числе касающиеся субъекта – структурирование позволяет создать условия для содержательного анализа и повысить качество юридической оценки.

Круг лиц, соответствующих признакам специального субъекта, в рамках действующего законодательства достаточно широк. Обоснованными представляются многократные попытки структурировать, классифицировать признаки специального субъекта преступления.

Разработка понятия специального субъекта преступления наиболее активно началась только с конца 50-х годов [1, с. 7]. В 70-80 гг. 20 в. учеными-юристами были представлены различные варианты классификации признаков специальных субъектов, во многих из которых выделялась классификационная группа «рецидивист» – сегодня этот термин утратил актуальность в связи с принятием в 1999 году ныне действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Так, Л.Д. Ермакова основные признаки специального субъекта группирует согласно следующих критериев: «по государственному правовому положению; демографическому признаку; семейно-родственным отношениям; должностному положению; характеру выполняемой работы; отношению к военной службе; характеру обязанностей граждан в отношении государства; особому положению лица, связанного с совершением какого-либо преступления, и другим признакам [2, с. 202]».

По мнению Г.Н. Борзенкова необходимо выделить групповые признаки специального субъекта, а именно: «социальную роль, а также правовое положение субъекта; физические свойства лица, совершившего преступление, а также взаимоотношения субъекта с потерпевшим [2, с. 202]».

Попытки классифицировать признаки специального субъекта предпринимались и за рубежом.

Так, была предпринята попытка структурирования признаков специального субъекта по уголовному законодательству Франции 1992 года: несмотря на разнообразное содержание признаков, они были распределены в трех классификационных группах.

К первой группе относятся признаки, характеризующие правовое положение лица, а также выполняемые им функции (гражданство, служебное или должностное положение, профессия или род занятий, лицо, участвующее в судебном процессе, лицо, которое осуждено или заключено под стражу и т. п.). Ко второй группе относятся признаки субъекта, отражающие его демографические особенности (пол, возраст и другие). К третьей группе признаков относятся особенности субъекта, характеризующие его отношения с потерпевшим (брачно-семейные, родственные и другие отношения) [3, с. 47].

Различные варианты классификации вызывают, возможно, и справедливую критику. Однако, это является также показателем

сложности классификации и признаком незавершенности дискуссии по этому вопросу. Так, типологии, включающие большое количество классификационных групп, достаточно сложны в применении и, соответственно, юридической оценке субъекта и преступления в целом, включающие 3-4 классификационные группы – могут допустить и некоторые пробелы и пересечение признаков.

В качестве классификационного признака типологии предлагается рассмотреть причину, основание возникновения статуса «специальный субъект» – это позволит обозначить не только момент возникновения, но и определить возможное прекращение статуса «специальный субъект». В связи с этим, можно выделить четыре классификационные группы признаков специального субъекта.

К первой группе следует отнести признаки специального субъекта, которые возникают в связи с приобретением статуса «должностное лицо». В эту группу включаются должностные лица, список которых закреплен в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (судьи, следователи, уполномоченные руководители организаций и др.).

Ко второй группе можно отнести специальные признаки, которые возникают в связи с определенной профессиональной или аналогичной ей деятельностью. В эту группу можно включить, в частности, педагогов, воспитателей.

К третьей группе – признаки, возникающие в связи с отдельными юридически-значимыми фактами, действиями, событиями (например, мать новорожденного ребенка).

К четвертой – признаки, являющиеся как изменяющимися во времени, так и нет неотъемлемыми индивидуальными характеристиками физических лиц (например, возраст, пол).

Очевидно, что классификация специальных субъектов преступления не влияет на уголовно-правовое регулирование в принципе, так как выходит за пределы уголовного законодательства, однако потребность в этом обуславливает сложность и многосторонность характеристики уголовно-правовой категории «специальный субъект» и направлено, главным образом, на повышения качества научной уголовно-правовой оценки преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устименко, В. В. Специальный субъект преступления / В. В. Устименко. – Харьков : Прогресс, 1989. – 317 с.
2. Павлов, В. Г. Субъект преступления. / В. Г. Павлов. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 318 с.

3. Крылова, Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции / Н. Е. Крылова. – М. : Спарк, 1996. – 124 с.

УДК 343

О.Н. ВАСИЛЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

ПРОБЛЕМА ПЕДОФИЛИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Согласно статистике за 9 месяцев 2015 году из общего количества преступлений 177 связаны с педофилией, в том числе 97 (54,8%) тяжких и особо тяжких, а именно:

- изнасилование – 18 (статья 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Изнасилование»);
- насильственные действия сексуального характера – 72 (статья 167 УК «Насильственные действия сексуального характера»);
- половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет – 75 (статья 168 УК «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»), из них 3 – совершенных при отягчающих обстоятельствах (часть 2 статьи 168 УК);
- развратные действия – 12 (статья 169 УК «Развратные действия»).

Установлено 133 лица, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с педофилией, из них в отношении 68 избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Выявлена 1 организованная группа, ликвидирована 1 порностудия, прекращена деятельность 6 порносайтов [1]

Само понятие педофилия не раскрыто в уголовном законодательстве, но преступность деяний раскрывается в перечисленных статьях УК.

С точки зрения науки, педофилия – это одна из наиболее распространенных сексуальных девиаций (от латинского слова, дословно означающего «отклонение»). Она характеризуется склонностью к сексуальным контактам с детьми [2].

Так как педофилия носит общественно-опасный характер как для отдельного взятого человека, так и для общества в целом, необходимо своевременно дать соответствующую правовую оценку, устанавливающую барьер на пути её распространения и ложающуюся в основу предупреждения её деструктивных проявлений.

Представляется, что особое место в системе преступлений, охватывающих педофилию, занимает ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим

шестнадцатилетнего возраста» УК. Объект преступления – нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего, его половая неприкосновенность. Потерпевшим могут быть несовершеннолетние лица мужского и женского пола. Данная статья предусматривает добровольное вступление несовершеннолетнего в половую связь – отсутствие добровольности, в свою очередь, квалифицируется как изнасилование или как совершение насильственных действий сексуального характера. Преступление считается оконченным с момента начала полового акта, лесбиянства или мужеложства. Состав преступления формальный. Субъективной стороной данного преступления является прямой умысел. Это означает, что виновный достоверно знал о том, что потерпевший не достиг 16-летнего возраста. Исключает наличие преступления добросовестное заблуждение обвиняемого, возникшее на основании того, что пострадавшее лицо выглядит взрослее своего возраста в силу акселерации. Субъектом преступления является лицо, достигшее совершеннолетия.

Половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, предполагает определенные активные, целенаправленные действия совершеннолетнего лица в отношении несовершеннолетнего в условиях очевидности неравенства интеллектуального и физического потенциалов преступника и потерпевшего, а то, что половое сношение происходит со стороны жертвы добровольно, подчеркивает природу этого преступления – исключительно в связи с недостаточной оценкой, недопониманием происходящего потерпевшим, чем и злоупотребляет преступник, достигается эта, так называемая «добрая воля».

Таким образом, проанализировав уголовное законодательство Республики Беларусь и статистику, приведенную Министерством внутренних дел, можно прийти к выводу, что в виду высокой общественной опасности, особой роли охраняемых прав и интересов несовершеннолетних, необходимо ужесточить наказание за преступления предусмотренные ч. 1 ст.168 УК РБ и изложить санкцию в редакции «наказываются лишением свободы до четырех лет со штрафом».

По международной классификации болезней, составляемой Всемирной организацией здравоохранения, педофилия в 1965 году была отнесена к разряду половых извращений, в 1973-м названа "отклонением" и, наконец, в 1993-м - "нарушением сексуальной ориентации" [2].

Таким образом, логичной и необходимой представляется и научная дискуссия о возможности применения принудительных мер безопасности и лечения к педофилам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистика по противодействию торговле людьми, иным связанным с ней преступлениям / Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=5421> – Дата доступа: 03.10.2015
2. Педофилия. Юридический, медицинский и социальные аспекты / NEWSru.com [Электронный ресурс] / – 2005. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/background/01feb2005/pf.html> – Дата доступа: 03.10.2015.

УДК 343

А.А. ГАСАНОВ

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Научный руководитель: А.М. Клим, кандидат юридических наук, доцент

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ**

Проблема юридической ответственности должностных лиц во многом связана с отсутствием единой трактовкой этого термина. На данное обстоятельство обращается внимание в научной литературе [1, с. 75].

Анализируя понятие должностного лица в уголовном праве, В.Н. Григорьев резюмирует: «практически открытыми остались вопросы о возможности выработки единого понятия "должностное лицо" для всех отраслей права, о соотношении понятия "должностное лицо" с иными субъектами служебных преступлений» [2].

Вместе с тем, субъектом большинства преступлений против интересов службы выступает должностное лицо. В 2014 году показатель возбужденных органами прокуратуры уголовных дел в отношении должностных лиц по результатам проверок соблюдения законодательства Республики Беларусь о борьбе с коррупцией вырос более чем в 4 раза по сравнению с 2011 годом [3, с. 177].

В науке административного права так же, как и в уголовно-правовой теории нет однозначного подхода к определению понятия должностного лица. Чаще всего в опубликованных работах авторы, исследовавшие эту проблему, ограничиваются лишь классификацией должностных лиц и перечислением осуществляемых ими функций. Единственным критерием, позволяющим отличить должностных лиц от других категорий

государственных служащих, большинство административистов считают наличие у первых государственно-властных (а по мнению некоторых - распорядительных) полномочий.

При этом одни ученые признают целесообразным перенесение в административное право легального определения должностного лица, содержащегося в УК, другие авторы, концентрируя внимание на недостатках понятия должностного лица, выработанного в уголовном праве. Поэтому представители разных отраслевых юридических наук стремились и до настоящего времени не исключают возможности сформулировать такое определение понятия должностного лица, которое могло бы претендовать на межотраслевую значимость [4; 5].

Однако следует учитывать что в отличие от уголовного, административное право, прежде всего, имеет своим назначением установление и обеспечение надлежащего правового режима управленческой деятельности субъектов исполнительной власти, а также правомерного поведения всех иных участников правоотношений, возникающих в процессе управленческой деятельности. Основной для данной отрасли права является регулятивная функция, хотя присущи ей и две другие функции: правотворческая и правоохранительная.

Наличие правоохранительной функции сближает административное право с уголовным, и все-таки, социальное назначение двух этих отраслей единой системы права существенно различается. понятие должностного лица в административном праве толкуется распространительно и имеет как минимум два значения:

а) должностное лицо как субъект административной юрисдикции и
б) должностное лицо как субъект административной ответственности. В силу особенностей административных правоотношений в первом значении определить рассматриваемое понятие в строго фиксированной форме чрезвычайно сложно.

А вот понятие должностного лица как субъекта административной ответственности, (и только о этом качестве), на наш взгляд, целесообразно определить в таком же объеме, как и субъекта уголовной ответственности.

Таким образом, в настоящее время существует проблема унификации термина «должностное лицо» в уголовном и административном праве.

В целях повышения уровня межотраслевой согласованности в регламентации уголовной и административной ответственности должностных лиц целесообразно и в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотреть соответствующие сходные с составами должностных преступлений общие составы административных должностных правонарушений (например, зло-

употребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, бездействие власти и т.п., не представляющие общественной опасности, присущей преступлению).

Основными направлениями совершенствования антикоррупционного законодательства и повышения эффективности системы мер криминологического предупреждения взяточничества являются:

– разработка и принятие законов Республики Беларусь «Об основах антикоррупционной политики» и «О применении полиграфа»; дифференциация государственной службы на три вида (общегражданская, правоохранительная и военная);

– разработка и принятие Кодекса поведения государственных служащих с целью определения основных правил антикоррупционного поведения должностных лиц.

В действующей уголовно-правовой дефиниции «должностное лицо» (ч. 4 ст. 4 УК) предлагается выделить три категории – «государственные должностные лица», «лица, приравненные к государственным должностным лицам», «иные должностные лица» с учетом подходов, закрепленных в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», тем самым придав такой классификации универсальный характер.

Предлагается к государственному должностному лицу отнести следующие категорий лиц: представитель власти; лицо, выполняющее в государственных организациях, органах местного управления и самоуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, контрольно-надзорные функции; должностное лицо иностранного государства, член иностранных публичных собраний, должностное лицо международной организации, член международного парламентского собрания, судья и должностное лицо международного суда.

Полагаем также, что общее правовое понятие должностного лица целесообразно сформулировать в базовом специальном законе Республики Беларусь "О статусе должностных лиц», разработка проекта которого является следующим направлением перспективного исследования в рассматриваемой сфере. В этом законе могла бы быть закреплена следующая межотраслевая дефиниция должностного лица:

Предлагается внести дополнения в п. 1 ст. 4 УК за счет уточнения понятия «государственные служащие»:

«1) представители власти, то есть депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, непосредственно

исполняющие полномочия государственных органов и имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе».

Предлагается дополнить главу 5 УПК «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование» статьей 36¹ «Следователь-криминалист», изложив ее в следующей редакции:

«Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

Предлагается дополнить КоАП статьей 4.7¹ «Административная ответственность должностных лиц» следующего содержания:

«Административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей».

Реализация на практике указанных предложений и рекомендаций послужат основой для дальнейшего совершенствования уголовного и административного законодательства в рассматриваемой сфере, выработки единых подходов в их правоприменении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касаткин, Ю. П. Должностные преступления / Ю. П. Касаткин. – М. : Юрид. лит-ра, 1979. – 363с.
2. Григорьев, В. Н. Понятие должностного лица в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Григорьев. – Екатеринбург, 2001. – 161 с.
3. Правонарушения в Республике Беларусь : статистич. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2015. – 188 с.
4. Манохин, В. М. Советская государственная служба / В. М. Манохин. – М., 1966. – 195 с.
5. Костюков, А. Н. Правовой статус должностного лица (административно-правовой аспект) : автореф. канд. ... юрид. дисс. 12.00.14 / А. Н. Костюков, – Л., 1983. – 17 с.

УДК 343

А.С. ГЕРАСИМУК

Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина

Научный руководитель: М.В. Андрияшко, кандидат юридических наук, доцент

МАЛОЛЕТНИЕ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК СТАТЬИ 169 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. Также во многих статьях Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) совершение преступления в отношении малолетних лиц является квалифицирующим признаком, тем самым усиливая ответственность преступника. Исходя из этого, следует, что законодатель рассматривает личность малолетнего лица как особую жертву, нуждающуюся в особой защите закона.

Малолетних зачастую относят к особой категории жертв, так как в силу своего возраста они более податливы чужому воздействию, не могут в полной мере осознавать значения своих действий, а также действий других людей, старше их по возрасту.

Малолетство потерпевшего лица существенным образом влияет на уголовную ответственность виновного: во-первых, может быть основным признаком состава преступления (ст. 165 УК Республики Беларусь), во-вторых, может учитываться как квалифицирующее обстоятельство (п. 2 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь), в-третьих, оценивается как обстоятельство, отягчающее ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь). Наличие на иждивении у виновного малолетнего ребёнка подлежит учёту как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность (п. 5 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь) [2].

Согласно сведениям информационно-аналитического центра МВД Республики Беларусь о регистрации и предварительном расследовании преступлений в г. Бресте за январь-август 2015 года, 123 ребёнка в возрасте до 14 лет стали потерпевшими по уголовным делам, из них 1 ребёнок по категории особо тяжких преступлений. В том числе, по ч. 3 ст. 167 УК Республики Беларусь 1 ребёнок, по ч. 1 ст. 168 УК Республики Беларусь 1 ребёнок и по ч. 1 ст. 169 УК Республики Беларусь 1 ребёнок.

Глава 20 УК Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы [2]. При рассмотрении ст. 166 и ст. 167 УК Республики

Беларусь, с учётом тяжести данных преступлений, законодатель справедливо отметил квалифицирующим признаком совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении малолетнего лица. Однако, при рассмотрении ст. 169 УК Республики Беларусь «Развратные действия» малолетние в качестве квалифицирующего признака не выделяются. Согласно комментарию к УК Республики Беларусь объектом преступления, предусмотренного ст. 169, является нормальное нравственное и физическое развитие подростков, не достигших 16-летнего возраста [3, с. 362].

Психическое насилие представляет собой запугивание потерпевшей (потерпевшего) угрозой немедленного применения физического насилия к ней (к нему) или ее (его) близким. Угроза насилием может быть словесной либо выраженной путем телодвижений или демонстрации оружия, однако в любом случае виновный рассчитывает на то, что такая угроза будет воспринята потерпевшей (потерпевшим) как реальная, т.е. как реализуемая в случае ее отказа от совершения полового акта [3, с. 363].

С учётом положений УК Республики Беларусь, общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Однако за некоторые виды преступлений законодатель предусматривает снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет, в частности, по ст. 166 и ст. 167 УК Республики Беларусь, в силу того, что виновное лицо сможет осознавать противоправный характер своих действий уже в возрасте 14 лет [2].

В различных сферах общественной жизни, регулируемых правовыми предписаниями, давно утвердился взгляд на необходимость учета возрастных особенностей при решении разного рода практических задач.

Анализ личностных проблем несовершеннолетних – традиционное направление исследования в уголовном праве. Исследований по этой проблематике проведено достаточно, однако, контингент несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, рассматривается как некая однородная, не расчлененная более дифференцированно и отчетливо на внутривозрастные подгруппы масса.

Вместе с тем, в силу важности каждого даже годового периода для становления личности несовершеннолетнего необходима более подробная стратификация внутри этого периода, необходимо внутреннее структурирование всех лет жизни несовершеннолетнего по важным для криминологической науки критериям, для более прицельного, а значит более эффективного использования всего арсенала правовых мер воздействия на подростков, в отношении которых были совершены преступления.

В силу своего умственного развития, малолетнее лицо, при совершении в отношении него развратных действий до конца не сможет

осознавать то, что в отношении него совершается преступление, то есть не сможет прийти и сказать учителю либо кому-то из родителей о том, что с ним сделали что-то плохое. Поэтому преступление, предусмотренное ст. 169 УК Республики Беларусь, пожалуй, следует отнести к категории латентных преступлений из-за тяжести их раскрываемости и выявляемости. Этим-то и пользуются преступники, пользуются малолетством потерпевшего лица, который в силу возрастных особенностей просто не сможет выдать самого преступника.

Как было видно из статистических данных, на территории г. Бреста в течение января-августа 2015 года было выявлено только 1 преступление, предусмотренное ст. 169 УК Республики Беларусь в отношении малолетнего лица, а ведь их, возможно было совершено больше.

Например, согласно ст. 135 УК Российской Федерации предусматривается ответственность за развратные действия. Однако, ч. 2 данной статьи усиливает ответственность и предусматривает более жесткое наказание, чем в ч. 1 за совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста [4].

На основании изложенного, предлагается заимствовать опыт Российской Федерации и дополнить ст. 169 УК Республики Беларусь новой частью следующего содержания: «те же действия, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении малолетнего лица».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 1007 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. Федерального закона от 23.05.2015 г. //

Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2015.

УДК 343

А.П. ГОЛОСУЙ

Новополоцк, ПГУ

Научный руководитель: Ю.Л. Приколотина, кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

В статье раскрываются вопросы, связанные с рассмотрением юридического лица как субъекта преступления против экологической безопасности и природной среды. Предложен перечень основных положений уголовной ответственности юридических лиц.

На сегодняшний день охрана окружающей среды является одной из важнейших международных и национальных проблем, поскольку по всем прогнозам и оценкам состояние окружающей среды на планете неуклонно ухудшается: меняется климат, сокращаются площади лесов, разрушается озоновый слой, загрязняется атмосфера. Следовательно, для предотвращения указанных проблем требуется серьезное внимание со стороны государства, в том числе усилия, направленные на оптимизацию, повышение качества, эффективности правового обеспечения экологической безопасности и охраны природной среды в целом.

Мировое сообщество проводит активную нормотворческую политику в области охраны природы, что обусловлено в первую очередь сокращением биологического разнообразия животного и растительного мира, незаконным трансграничным перемещением особо опасных веществ и отходов, разрушением озонового слоя Земли, безмерным поглощением полезных ископаемых.

Происходящие изменения в природной среде, по оценкам специалистов, вызваны осуществлением некоторых видов хозяйственной деятельности, стремительным ростом промышленности и транспорта, нерациональным использованием природных ресурсов субъектами природопользования. Все вышеперечисленное свидетельствует о повышении роста преступлений в экологической сфере и приводит к сокращению продолжительности жизни населения, увеличению уровня заболеваемости.

В целях обеспечения экологической безопасности, сохранения окружающей среды, ее природных компонентов, жизни и здоровья

граждан, а также права будущих поколений на благоприятную природную среду государствами устанавливаются меры уголовно-правового воздействия в отношении субъектов природопользования. Тем не менее, с каждым годом количество экологических преступлений существенно увеличивается, но они, в большинстве своем носят латентный характер [1, с.181-182]. Что позволяет сделать вывод о том, существующий ныне правовой механизм регулирования экологической безопасности, в том числе уголовно-правовые меры, не функционирует полноценно.

Полагаем, что указанная выше проблема связана со спецификой совершения преступлений данного вида. Потому как преступления против экологической безопасности и природной среды совершаются, как правило, в рамках деятельности субъектов хозяйствования, то есть юридических лиц. Согласно современной доктрине уголовного права Республики Беларусь юридическое лицо не подлежит уголовной ответственности, следовательно, остается безнаказанным даже в случае совершения общественно опасного деяния, повлекшего причинение существенного вреда экологической безопасности либо природной среде.

Однако в научном сообществе существует альтернативная позиция относительно уголовной ответственности юридических лиц за совершение «экологических» преступлений, реализованная в законодательстве ряда стран мира. В связи с этим рассматриваемый вопрос остается актуальным.

Отказ законодателя предусмотреть возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности рядом ученых рассматривается в качестве возможного препятствия для обеспечения экологической безопасности и сохранения природной среды.

Так, Е.Ю. Антонова считает целесообразным привлечение юридических лиц к уголовной ответственности в связи с тем, что наказание лишь исполнителей «экологического» преступления, то есть физических лиц, не может дать гарантии того, что в будущем то же юридическое лицо не будет совершать подобных действий, так как произойдет лишь смена исполнителей [2, с. 30].

Э.Н. Жевлаков предлагает наряду с мерами по «экологической» реорганизации экономики, а также другими (не уголовно-правовыми) видами юридической ответственности, введение уголовной ответственности юридических лиц за негативное воздействие на природную среду. Поскольку это будет способствовать улучшению экологической безопасности производства, воспрепятствует попыткам расхищать природные богатства [3, с.11].

Международный опыт противодействия «экологической преступности» также свидетельствует о целесообразности применения уголовно-правовых санкций к юридическим лицам. Так, во Франции

юридическое лицо может столкнуться одновременно с преследованием как со стороны администрации, так и уголовного суда. Юридические лица Англии, Бельгии, Финляндии, Нидерландов также подлежат уголовной ответственности за совершение преступлений против экологической безопасности [4, с. 70].

Как правило, основными наказаниями, применяемыми к юридическим лицам, являются: штраф, ограничение либо прекращение деятельности, ликвидация, специальная конфискация.

Полагаем, что возможность уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений против экологической безопасности и природной среды может и должна быть рассмотрена в связи с реалиями экологической преступности в Республике Беларусь. Представляется необходимым также провести экспертизу возможности введения следующих санкций, применимых к юридическому лицу:

- штраф и (или) прекращение деятельности юридического лица;
- запрещение заниматься определенной деятельностью, и (или) возложение обязанности устранить причиненный вред;
- запрещение выпуска определенного вида продукции.

Запрещение заниматься определенной деятельностью или прекращение деятельности юридического лица представляется достаточно суровой и эффективной предупредительной мерой, особенно для предприятий и организаций негосударственного сектора.

В случае, когда преступление совершено работником организации, учреждения, предприятия умышленно, ответственности подлежит только это лицо, а если оно совершило преступление при исполнении своих обязанностей в интересах юридического лица, на наш взгляд, ответственности должны подлежать как конкретное физическое лицо, так и юридическое лицо [3, с. 13].

Рассмотренные предложения, на наш взгляд, могут быть применены и в законодательстве Республики Беларусь, об этом свидетельствует опыт уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, который может быть полезным для белорусской действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Станкевич, О. Г. Криминологические особенности экологической преступности / О. Г. Станкевич, И. В. Вегера, Т. И. Ремнева. – Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки. Уголовное право и криминалистика. Серия D. – № 6. – 2013. – С. 179–183

2. Антонова, Е. Ю. Юридические лица как субъект преступления / Е. Ю. Антонова. – Российская государственная библиотека (электронный ресурс) – 2003. – 156 с.

3. Жевлаков, Э. Н. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений / Э. Н. Жевлаков // – Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 10–13.

4. Дубовик, О. Л. Экологическая преступность в Европе / О. Л. Дубовик. – М. : Издат. Дом «Городец», 2010. – 352 с.

УДК 343

Е.В. ГРИГОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

ПОНЯТИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Известный русский ученый Н.С. Таганцев писал: «Жизнь всех народов свидетельствует нам, что всегда и везде совершались и совершаются деяния, по разным основаниям не только признаваемые недозволенными, но и вызывающие известные меры общества или государства, направленные против лиц, их учинивших, деяния, признаваемые преступными; что всегда и везде существовали лица, более или менее упорно не подчиняющиеся требованиям правового порядка, велениям власти, ее охраняющей... [1]».

Крайне важно понимать соотношение понятий «преступление» и «состав преступления».

А.Н. Трайнин определял состав преступления как «совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые согласно советскому закону определяют конкретное общественно опасное для социалистического государства действие (бездействие) в качестве преступления [2, с. 59–60]».

Состав преступления – это совокупность юридически значимых объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3].

Состав любого преступления включает 4 элемента: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Содержание признаков состава преступления, характеризующих названные элементы, могут отличаться. Например, для состава преступления, совершенного без отягчающих или без смягчающих обстоятельств, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь (далее – УК), не будут признаками состава

преступления место и время совершения убийства. А для состава незаконной охоты такой признак как место совершения преступления будет обязательным, и от него будет зависеть решение вопроса о признании соответствующего деяния уголовно-наказуемой охотой – в ч. 1 ст. 258 УК таким признаком будет, например, территория заповедника или заказника.

«В реальной жизни состав преступления как нечто существующее в действительности связан именно с признаками, описанными в законе. Это, конечно, идея, абстракция, но не порождение фантазии правоведов, а некая условность, собирательное понятие, которым оперирует наука, в том числе и юридическая. Поэтому, когда мы говорим о составе преступления, то имеем в виду конкретное преступное деяние, как оно описано в законе [4, с. 169]».

Состав преступления охватывает только юридически значимые признаки, именуемые в теории уголовного права обязательными и факультативными.

Само истолкование всех юридически значимых признаков, образующих состав преступления, является крайне сложным. И, если, ряд признаков являются очевидными и однозначными в понимании, то ряд других таковыми не являются. В этом особое значение приобретают постановления Пленума, обзоры судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь.

Преступление является значительно более широким понятием, чем состав преступления, который, в свою очередь включает в себя лишь признаки, влияющие на квалификацию. Законодатель из всех признаков, которыми характеризуются конкретное преступление выделяет самые значительные, определяющие общественную опасность деяния, и закрепляет их в описании преступления. При этом, развитие общественных отношений подталкивает законодателя это делать (например, в УК 1960 г. отсутствовала статья «Посредничество во взяточничестве»). Возможно и «перемещение» юридически значимых признаков из категории «состав преступления» - например, отмена статьи «Спекуляция».

Значение состава преступления – одного из наиболее важных институтов уголовного права – определяется его социально-политическим и правовым содержанием и той ролью, которая отводится ему в укреплении законности и борьбе с преступностью. Его значение заключается в том, что наличие в содеянном признаков конкретного состава преступления – единственное основание уголовной ответственности [5].

Особое значение при реализации положений, характеризующих понятие «состав преступления» имеет квалификация преступления.

Под квалификацией преступления понимается юридическая оценка преступления с точки зрения уголовного закона, т.е. установление тождества между юридическими признаками реального общественного опасного деяния и признаками, с помощью которых законодатель в Особенной части УК конструировал в статьях состав данного преступления, создал его законодательную модель [6].

Квалификация преступления должна быть полной, точной и обоснованной. Правильная квалификация преступления имеет значение не только для выбора судом вида и размера наказания, но и для применения условно-досрочного освобождения, исчисления сроков давности, сроков погашения судимости и т.д.

Недопустимо, когда следователь или другое лицо, осуществляющие квалификацию преступления домысливало определенные признаки, характеризующие преступление в целом, но не относящиеся к составу. Особую сложность при квалификации имеют составы с оценочными понятиями (например, хулиганство).

Квалифицировать преступление – это значит решить, под какую из числа действующих уголовно-правовых норм подпадает деяние, по поводу которого возбуждено уголовное дело и ведется уголовное судопроизводство, дать ему юридическую оценку с позиций УК и максимально точно указать в соответствующем процессуальном документе, где именно, в какой статье, части статьи, пункте и подпункте, если таковые в данной статье имеются, данная норма закреплена.

Квалификация преступлений имеет огромное значение, но, к сожалению, во многих случаях приговоры судов первой инстанции отменяются либо изменяются не по причине недоказанности обвинения, а из-за неправильной квалификации действий виновных. Два абсолютно одинаковых преступления не существует – противоправные деяния различаются между собой хотя бы по одному признаку, который позволяет отделить определенное преступление от иных правонарушений и, в том числе, преступлений. В некоторых случаях юридически значимые признаки имеют разные формы (как, например, исключительный цинизм при хулиганстве), но одинаковую сущность. Квалификация должны осуществляться по пути от понятия «преступление» к понятию «состав преступления».

Понимание сущности состава преступления является основой для квалификации преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общ.: в 2 т. / Сост. и отв. ред. Н. И. Загородников; РАН. Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.
2. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин / М., 1957.
3. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов и др.; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
4. Ковалев, М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве / М. И. Ковалев / Свердловск, 1987.
5. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
6. Уголовное право. Общая часть : ответы на экзаменационные вопросы / В. А. Круглов. – 2-е изд. – Минск : Тетралит, 2015. – 176 с.

УДК 343**Ю.В. ГРИНЕВСКАЯ**

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: О.В. Глухова, старший преподаватель

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ

Историческое отношение общества и государства к жестокости в семье менялось. Раньше многие виды насилия в быту были фактически узаконены. Государство, исповедуя формальный принцип невмешательства в семейные дела, наделяло при этом мужчину широкими властными полномочиями по отношению к другим членам семьи. В Лондоне в начале XIX века существовало такое правило: «Муж сварливой жены имеет право побить ее дома, при условии, что палка, которую он использует, не будет толще большого пальца его руки». В США в 1824 году закон официально освободил мужей от ответственности при умеренном физическом наказании жены в случаях «крайней необходимости».

Лишь в 70-е годы XX века в Америке и Европе насилие в семье стало рассматриваться как социальная проблема и получило негативную оценку со стороны общества, когда идеи равноправия мужчин и женщин в браке и на работе получили широкое признание. Все это произошло благодаря неправительственным женским организациям, специалистам в области гендерных исследований и социальным работникам.

В СССР насилие в семье было «закрытым» вопросом. Им занимались только криминологи и другие специалисты при изучении семейно-бытовых преступлений. Насилие в семье не могло стать социальной проблемой в стране, где в уголовно-правовой доктрине приоритетными объектами защиты были государственные интересы и государственная собственность.

В настоящее время увеличивается криминализация семьи, складывается особый образ жизни, при котором насилие, алкоголизм, наркомания становятся нормой поведения, передающейся от одного поколения к другому.

Насилие – нарушение прав человека на неприкосновенность тела и личности. О домашнем насилии говорят тогда, когда имеет место факт постоянных унижений, оскорблений, применения физической силы по отношению к партнеру либо к другому члену семьи. Домашнее насилие выступает скрытой проблемой для многих людей.

Данные преступления являются латентными, так как потерпевшие попросту из-за страха мести со стороны обидчика не подают заявления в правоохранительные органы, в то время, как семейные тираны в Европе, США и даже Китае выплачивают пострадавшим многомиллионные штрафы и попадают в места лишения свободы, в Республике Беларусь домашнее насилие по большей части остается безнаказанным, хотя меры ответственности за насильственные преступления в законодательстве предусмотрены.

Решение проблемы бытового насилия, безусловно, должно быть поэтапным и займет длительный период времени. За правонарушения, совершаемые в сфере быта, предусмотрена административная ответственность за: умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия (ст. 9.1 1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)), оскорбление (ст. 9.3 КоАП), мелкое хулиганство (ст. 17.1 КоАП), за которые предусмотрены либо штраф, либо арест.

Когда насильственные действия совершаются над потерпевшим систематически, равно как и, если они были совершены однажды, но рассчитаны на причинение особенно мучительной боли, физических или психических страданий своей жертве, виновное лицо будет привлечено к уголовной ответственности по ст. 154 Уголовного кодекса Республики Беларусь (истязание) либо по стст. 147, 149, 153 Уголовного кодекса Республики Беларусь (за умышленное причинение соответственно тяжкого, менее тяжкого или легкого телесного повреждения).

В целях борьбы с семейным насилием на начальном этапе представляется необходимым ужесточить уголовное наказание за

умышленное причинение телесных повреждений, побои и истязание в отношении членов семьи. Поэтому целесообразно внести поправки в Уголовный кодекс Республики Беларусь, предусматривающие выделение домашнего насилия в отдельный состав преступления, либо увеличение наказания за подобные деяния, выделив в качестве объекта посягательства в перечисленных статьях Уголовного кодекса (147, 149, 153, 154) здоровье членов семьи.

УДК 343

Д.И. ДАВЫДЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Хулиганство в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) определяется как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом (ч. 1 ст.339 УК).

Так, следует отметить, что сохранение общественного порядка и недопущение унижения нравственного достоинства личности является одной из целей государства. По этой причине особую актуальность приобретает вопрос о обеспечении правильного, единообразного применения законодательства и о разрешении проблем недопущения, правильного выявления и своевременное пресечение таких действий.

На практике часто бывает сложно отграничить хулиганство от смежных составов по причине того, что хулиганские проявления разнообразны и законодатель при формулировании данного состава использует оценочные понятия.

Рассмотрим разграничение хулиганства и преступлений против личности. Если при применении насилия (например, при причинении менее тяжких телесных повреждений) не был грубо нарушен общественный порядок, то отсутствует один из признаков хулиганства, а, следовательно, и состав данного преступления. Сложности возникают тогда, когда применение насилия или угроза его применения сопровождается нарушением общественного порядка.

Разграничение хулиганства и преступлений против личности возможно по субъективной стороне. Так, хулиганство совершается с прямым умыслом и из хулиганских побуждений. В этом случае виновный своими действиями, которые внешне могут полностью совпадать с преступлением против личности, преследует цель грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу. Данную цель преследуют как сами действия, грубо нарушающие общественный порядок, так и применение насилия, угрозы его применения, уничтожение, повреждение имущества. Преступления против личности также могут совершаться из хулиганских побуждений, однако здесь виновный не преследует выше названной цели [3].

Так, причинение легких и менее тяжелых телесных повреждений, умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершение иных действий, внешне сходных с хулиганством, если они имели место в семье, в жилище, в отношении родственников, знакомых и были вызваны личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т.п., не могут быть квалифицированы как хулиганство, при условии, что они не были сопряжены с заведомым для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражением явного неуважения к обществу. Не могут служить в качестве критерия признаки объективной стороны (обстановка, время место), т.к. они не являются обязательными элементами в составе.

Также можно назвать следующие критерии разграничения. Наиболее ярко выраженное отличие заключается в том, что при преступлениях против личности лицо, как правило, заранее готовится к преступлению, продумывает свои действия и намечает механизм их осуществления, поэтому его действия последовательны и логичны.

При преступлениях же против общественного порядка действия хулигана, как правило, хаотичны, непоследовательны и нелогичны. Такое поведение часто не связано с личным неприязненными отношениями к кому либо и возникает спонтанно.

При преступлениях против личности действия субъекта, как правило, характеризуются расчетливостью, обдуманностью, коротки по времени, он всегда стремится достичь конкретного результата, сам контролирует свои действия и прекращает их по достижении желаемого результата. Кроме того, лицо всегда действует в «режиме» прямого умысла, направленного на причинение вреда здоровью и возможного косвенного умысла по отношению к последствиям.

При хулиганстве объективная сторона характеризуется расплывчатыми хаотичными действиями, слагаемыми из отдельных, изолированных друг от друга эпизодов, не связанных между собой.

Насилие может быть направлено на один или несколько объектов. В числе потерпевших могут оказаться и случайные лица, не причастные к зарождению хулиганских действий [3].

Убийство, а также умышленное причинение тяжкого телесного повреждения из хулиганских побуждений дополнительной квалификации по ст. 339 УК не требуют. Если же, помимо названных деяний, виновным совершены иные действия, обладающие признаками уголовно наказуемого хулиганства, ответственность за содеянное должна наступать по совокупности преступлений.

Далее целесообразно разграничить хулиганство, сопряженное с уничтожением или повреждением имущества, и умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст.218 УК). Его необходимо также проводить по наличию хулиганских побуждений и соответственно способу (обстановке) уничтожения имущества, в котором должно демонстративно проявляться явное неуважение к обществу, а не просто желание уничтожить имущество конкретного лица. Для хулиганства требуется, чтобы умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества было по форме, содержанию и направленности актом хулиганского проявления, т.е. своего рода демонстративным вызовом обществу посредством неуважения к собственности (имуществу) окружающих.

Следует иметь в виду, что ст. 339 УК охватывает умышленное уничтожение или повреждение имущества независимо от размера причиненного ущерба. Однако, если уничтожение или повреждение имущества содержало признаки более тяжкого преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 218, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Что касается хулиганства и принуждения (ст. 185 УК), то принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия, квалифицируется как хулиганство, если указанные действия совершены из хулиганских побуждений и преследуют цель выразить явное неуважение к обществу, а по ст. 185 УК или по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 185 и ст. 339 УК, – если совершены по иным мотивам и с иной целью [4].

Из вышесказанного следует, что в ходе судебного разбирательства уголовных дел о хулиганстве необходимо обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств по обвинению и в отношении каждого обвиняемого, выяснение мотивов преступления, наличия умысла, данных о личности и других обстоятельств, от которых

зависят установление вины, квалификация преступления, назначение наказания.

Актуальность акцента на безошибочной квалификации хулиганства подтверждается и статистическими данными: только в 2014 году было зарегистрировано 2880 преступлений [5], а уже за 1 полугодие 2015 году – 1825 [6].

Правильное определение объективной стороны хулиганства является в большей степени условием отграничения хулиганства от иных преступлений, поскольку существуют и иные преступления, выражающиеся в грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении к обществу (например: преступления против личной свободы, чести и достоинства, против нравственности). От правильной квалификации преступления зависит реализация оснований уголовной ответственности, что играет важную роль и в охране прав и законных интересов граждан и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24 марта 2005 г., № 1 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – 2015.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В.М. Хомича. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. — 1007 с.
3. Понятие и состав хулиганства. Его отграничение от других преступлений (Электронный ресурс). – 2011. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/law/00270761_0.html. - .Дата доступа: 10.10.2015.
4. Сащенко П.И. Отграничение хулиганства от некоторых смежных составов преступлений.// Веснік БДУ. - Сер.3. - 2001. - № 2. - С.113-116.
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь// [Электронный ресурс] /Преступность в Республике Беларусь – 2015. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/ – Дата доступа: 13.10.2015.
6. Общая статистика за полугодие 2015 [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. – Дата доступа: 04.10.2015.

УДК 343

Е.Э. ДЕМИДЧИК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: О.В. Глухова, старший преподаватель

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрен перечень наказаний, которые могут назначаться за совершение преступлений. Этот перечень в науке уголовного права принято называть системой наказаний, в связи с тем, что все наказания в ней выстроены по системному принципу, который обеспечивает их строгую последовательность в зависимости от степени тяжести. Более того, система наказаний представляет собой исчерпывающий их перечень, с целью исключить применение какого-либо иного наказания, не предусмотренного в системе.

Будучи зависимой от изменений социальной действительности, система наказаний, как и любой другой институт уголовного права, подвержена развитию. Если провести сравнение ныне действующей системы наказаний с системами, которые закреплены в ранее действовавших уголовных законах, то можно прийти к выводу: государство, решая задачи борьбы с преступностью на различных этапах своего развития, выстраивает системы уголовных наказаний таким образом, чтобы оставить в ней только те виды наказаний, которые прошли испытание временем и являются наиболее эффективными в достижении целей исправления преступника. Если, например, в 60-е – 70-е годы в системе наказаний по УК 1960 г. значились такие наказания, как ссылка и высылка, то время показало их неэффективность, что проявилось в фактическом неприменении этих наказаний. Поэтому в 1994 г. они были исключены из системы [1].

Несколько позднее (в 1997 г.) в систему наказаний был включен арест как краткосрочное содержание лица в условиях изоляции [2]. Для борьбы с бродяжничеством и попрошайничеством в 80-е годы прошлого века было введено такое наказание, как направление в воспитательно-трудовой профилакторий, потребность в котором впоследствии отпала, в том числе и в связи с отменой уголовной ответственности за тунеядство.

С принятием УК 1999 г. в систему наказаний также был внесён ряд изменений. Были упразднены такие виды, как увольнение от должности и общественное порицание. В то же время включены новые виды наказаний: общественные работы, ограничение свободы, ограничение по военной

службе. Система наказаний пополнилась и за счёт включения в нее исключительных наказаний – пожизненного заключения и смертной казни, ранее представленных в УК вне системы наказаний.

Можно подытожить, что стабильными видами наказаний, которые с течением времени не подверглись изменениям, оказались только лишение свободы, исправительные работы, штраф.

Проблема совершенствования системы наказаний остаётся актуальной и по сей день. Это подтверждается и разработанной Генеральной прокуратурой Республики Беларусь Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, которая ориентирует суды, на сокращение объема применения наказания в виде лишения свободы и на расширение использования наказаний материального характера.

Одной из основных задач вышеуказанной концепции является совершенствование системы наказаний и иных мер уголовной ответственности в целях обеспечения их соответствия уровню социально-экономического развития государства, криминологической структуре и динамике преступности.

Несмотря на принятые меры по совершенствованию уголовного закона, в том числе введение альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, лишение свободы составляет около 24 % в структуре видов наказаний. В определенной степени это связано и с неэффективным исполнением альтернативных лишению свободы наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ.

Наказание в виде ограничения свободы является оптимальной альтернативой лишению свободы только в отношении осужденных, обладающих устойчивой мотивацией на социальную адаптацию и реабилитацию. Отсутствие надлежащих условий для обеспечения исполнения данного вида наказания и надлежащей системы контроля за осужденными, большинство из которых являются лицами с устойчивыми асоциальными установками, злоупотребляющими спиртными напитками, наркотическими средствами, иными одурманивающими веществами, привело к тому, что ежегодно к уголовной ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы привлекается каждый четвертый осужденный к этому виду наказания.

Неэффективно и назначение исправительных работ лицам, не желающим трудиться.

Недостаточно востребованным на практике оказалось наказание в виде общественных работ. К нему осуждаются преимущественно лица,

совершившие преступления, не представляющие большой общественной опасности, которые, как правило, до осуждения вели асоциальный образ жизни. С учетом наметившейся тенденции расширения применения наказания в виде общественных работ и того, что этот вид наказания влечет относительно незначительные затраты на его исполнение, способствует привитию осужденным навыков общественно полезного поведения, имеются закономерные предпосылки для дальнейшего развития общественных работ в качестве основного и дополнительного наказаний [3].

Немаловажное влияние на систему наказаний оказал Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 318-З «О внесении изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу применения наказаний за воинские преступления». Основная цель закона - исключение такого вида наказания для военнослужащих срочной военной службы, как направление в дисциплинарную воинскую часть, с заменой его арестом, другими альтернативными наказаниями, иными мерами уголовной ответственности [4].

Как видим, вопрос о том, какое из наказаний эффективно и реально осуществляет поставленные перед ним цели, остается актуальным и в современном уголовном праве и практике его применения. Действующая система наказаний является динамичной, активно апробируется на практике, подвергается изменениям с учетом эффективности отдельных видов наказаний в достижении целей уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь и некоторые другие законодательные акты Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. № 2827-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1994. – № 12. – Ст. 176.2.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Исправительно-трудовой кодексы Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 31 декабря 1997 г. № 119-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1998. – № 2. – Ст. 9.

3. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 // Электронная база нормативных правовых актов «Консультант Плюс: Беларусь». Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2015.

4. Нужен ли армии дисциплинарный батальон? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newsby.org/news/2007/11/02/text685.htm>.

УДК 343

А.О. ЖУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: С.М. Храмов, кандидат юридических наук,
доцент*

ОТГРАНИЧЕНИЕ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО, ОТ УБИЙСТВА

Как всем известно, самое строгое наказание закрепленное в действующем Уголовном кодексе, предусмотрено за противоправное лишение жизни другого человека то есть убийство. Как менее опасное признается причинение смерти по неосторожности (по легкомыслию либо небрежности). Аналогичным является разграничение ответственности за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения повлекшего смерть потерпевшего от убийства. Причинение смерти имеет различные правовые последствия для субъекта данного преступления в зависимости от того, умышленно либо по неосторожности причинён такой вред [3].

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь, закрепил ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего в ч. 3 ст. 147. В свою очередь ответственность за убийство предусмотрено в ст. 139. Несмотря на чёткое закрепление и разграничение данных составов, судебная практика показывает, что порой суды и следственные работники, исходя из наступившей смерти потерпевшего, квалифицируют содеянное без достаточных к тому оснований как убийство (ст. 139), хотя налицо признаки преступления предусмотренного ч. 3 ст. 147. Данная квалификация чаще определена тяжкими последствиями – смертью потерпевшего, а также отсутствием тщательного анализа всех обстоятельств дела и установления умысла, направленного на причинение смерти. В судебной практике можно встретить ошибки и обратного характера, когда убийство квалифицируют как причинение тяжких телесных повреждений повлекших смерть потерпевшего.

Для более чёткого разграничения данных преступлений были даны квалифицированные разъяснения Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в постановлениях от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.139 УК)» (п. 3) и от 29 марта 2006г «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» (пп. 20, 21). Содеянное должно квалифицироваться по

ч. 3 ст. 147 Уголовного Кодекса лишь в том случае, если у виновного имелся умысел на причинение тяжкого телесного повреждения и неосторожная вина к последствиям в виде наступления смерти. Это означает, что причинение смерти не охватывалось умыслом виновного, однако он предвидел возможность ее наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на ее предотвращение либо не предвидел, но по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть наступление смерти. При этом для такой квалификации необходимо установить наличие причинной связи между причинённым тяжким телесным повреждением и наступившей смертью. Как разъясняет Пленум, при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранение жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [2]. Важно учитывать, что продолжительный промежуток времени, прошедший с момента наступления смерти, не исключает умысла субъекта на лишение жизни другого человека. Точно так же мгновенно наступившая после нанесения тяжкого вреда здоровью смерть не всегда свидетельствует о наличии умысла на убийство. При решении этого вопроса на практике так же иногда возникают сложности в вопросах квалификации.

В целом проблема отграничения умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства требует глубокой научной проработки. В каждом конкретном случае как следователю, прокурору, так и суду необходимо в полной мере оценивать все обстоятельства дела, которые могут служить критерием разграничения составов данных преступлений, ориентироваться на заключение судебно-медицинской экспертизы, принимать во внимание сложившуюся практику разграничения данных преступлений, а так же постоянно следить за изменениями в национальном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 03.02.2015. // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О судебной практике по делам об убийстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь

17 дек. 2002 г. № 9 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/pdf/2003-8/203-8%28097-106%29.pdf>. – Дата доступа: 09.10.2015.

3. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Саркисова, Э. А. Причинение смерти и вреда здоровью человека: грань между умыслом и неосторожностью / Э. А. Саркисова. – Режим доступа: <http://library.by/shpargalka/belarus/007/653.htm>. – Дата доступа: 06.10.2015

УДК 343

С.А. ЗАЛЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Современное информационное общество заинтересовано в выстраивании единой системы эффективной защиты информации как ресурса, обладающего исключительной экономической ценностью. Преступления в сфере информационных технологий нередко являются международными, то есть преступники действуют в одном государстве, а их жертвы находятся в другом государстве, именно поэтому для борьбы с такими преступлениями особое значение имеет формирование единых стандартов по защите информационных ресурсов, осуществляемое посредством принятия многочисленных международных соглашений. В современных условиях решение проблемы эффективной защиты информации для любого государства, в том числе Беларуси, является одной из важнейших задач.

Широкое распространение в 21 веке получила киберпреступность. Киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с использованием компьютерных систем и компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных.

Как уже ранее отмечалось, преступления в сфере информационных технологий нередко являются международными, поэтому для борьбы с такими преступлениями особое значение имеет международное сотрудничество. Международное сотрудничество устанавливается путем создания международных актов, к которым, в частности, относится Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, подписанная 23 ноября 2001 г. в Будапеште. Данная конвенция подписана и ратифицирована Австрией, Арменией, Бельгией, Венгрией, Германией, Грецией, Данией, Ирландией, Италией, Латвией, Люксембургом и др. государствами Европы. Данная конвенция ратифицирована и в государствах не являющихся членами Совета Европы: Канаде, Соединенных Штатах Америки, Черногории, Южной Африке, Японии.

Конвенция Совета Европы о киберпреступности подразделяет преступления в киберпространстве на четыре группы. В первую группу преступлений, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (ст.ст. 2–9). Во вторую группу входят преступления, связанные с использованием компьютерных средств (ст.ст. 7–8). Третью группу составляет производство с целью распространения через компьютерную систему, предоставление в пользование, распространение и приобретение детской порнографии, а также владение детской порнографией, находящейся в памяти компьютера (ст. 9). И, наконец, в четвертую группу включены преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Подраздел 5 Конвенции (Дополнительные виды ответственности и санкции) содержит нормы о необходимости квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву покушение, умышленное соучастие и подстрекательство к совершению преступления данного вида (ст. 11). Данная конвенция содержит еще большое количество прогрессивных норм о которых упоминается в данной статье не будет в виду ограниченности объема работы.

Республика Беларусь не является участницей данной конвенции, однако основные ее положения закреплены в уголовном законодательстве нашей страны. Уголовный кодекс Республики Беларусь, в частности, закрепляет ответственность за нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав (ст. 201); изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343); несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349) и др. Однако наше государство не выделяет в данных составах в качестве квалифицированного признака совершение данных деяний с использованием глобальной компьютерной

сети Интернет, за исключением статей 343 и 343¹. В связи с этим считаем актуальным внесение изменений в статьи 201, 349,350,351,352 и 354 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Следует дополнить ч. 3 ст. 201 словами: с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, без изменения санкции статьи. Таким образом диспозиция ч. 3 данной статьи будет выглядеть таким образом: «Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, либо повторно, либо группой лиц...».

Что касается ст. 349, то содержание ч. 3 можно перенести в ч. 4, а в ч. 3 предусмотреть ответственность в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или ареста, или ограничения свободы на срок до 3 лет, или лишения свободы на тот же срок за совершение действий, предусмотренных ч. 1 и 2 настоящей статьи, совершенных с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Также в ст. 349 Уголовного кодекса Республика Беларусь необходимо добавить ч. 5 в следующей редакции: «Действия, предусмотренные ч. 4 настоящей статьи, совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет» с санкцией в виде ограничения свободы на срок до 5 лет или лишения свободы на срок до 7 лет.

Часть 2 статьи 350 дополнить таким же квалифицированным составом без изменения санкции статьи. С внесенными изменениями диспозиция статьи должна быть изложена в следующей редакции: «Модификация компьютерной информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, либо сопряженная с несанкционированным доступом к компьютерной системе или сети...».

Часть 2 статьи 351 дополнить без изменения санкции статьи. Учитывая внесенное предложение, часть 2 данной статьи должна быть изложена в следующей редакции: «Компьютерный саботаж, совершенный с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, либо сопряженный с несанкционированным доступом к компьютерной системе или сети...».

Выделить в ч. 2 ст. 352 в качестве квалифицированного состава совершение деяний, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет с санкцией в виде штрафа, или ареста, или ограничения свободы на срок до 3 лет, или лишения свободы на тот же срок.

Также следует дополнить ч. 2 ст. 354 без изменения санкции статьи словами: «совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет». Таким образом диспозиция статьи должна выглядеть таким

образом: «Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, либо совершенные с использованием глобальной компьютерной сети Интернет».

УДК 343

К.С. ЗАХИЛЬКО

Минск, БГУ

Научный руководитель: Д.Г. Мороз, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИНУЖДЕНИЕМ

1. В уголовном праве встречается ряд посягательств (около 20) [1], основанных на понятии принуждения. Принуждение человека к определенным действиям (либо бездействию) непосредственно нарушает отношения личной свободы, и, при наличии некоторых дополнительных признаков связанных, например, с формой, способом, предметом такового, признается законодателем общественно опасным, противоправным и уголовно-наказуемым деянием. Вместе с тем, при рассмотрении системы принуждений, как деяний влекущих уголовную ответственность, следует указать на некоторую её проблематику.

В доктрине уголовного права обсуждается вопрос о неполноте законодательного закрепления содержания угрозы относительно состава вымогательства (ст. 208 Уголовного Кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК)) [2]. Действительно, существует ряд деяний, схожих с вымогательством по существу, но не подпадающих под некоторые его формальные признаки. Так, рассматриваемый состав имеет глубокие исторические корни [3] и существует в практически неизменном виде с начала 20 века [4]. При этом развитие ряда сфер общественных отношений, научно-технический прогресс требуют совершенствования уголовного законодательства, в том числе, в рассматриваемой области.

2. Проиллюстрировать вышеуказанное возможно на примере завладения табличек с номерными регистрационными знаками автотранспортного средства с последующим требованием от его законного владельца денежных средств. Так, себестоимость самой металлической таблички с нанесенной на ней регистрационной информацией невелика и не представляет материального интереса для злоумышленников. Вместе с тем автовладелец, у которого «похищаются регистрационные номера», испытывает значительные неудобства, экономическое и психологическое

значение которых велико (затраты времени, затраты на изготовление нового знака или государственные пошлины, ограничения в правомерном использовании имущества (автомобиля) по назначению, нежелательное общение с представителями власти). Указанные обстоятельства позволяют злоумышленникам использовать рассмотренное экономическое и психологическое содержание факта отсутствия номерных знаков на автомобиле для выставления требований о передаче некоторого имущества в обмен на возврат таблички с регистрационными номерами.

Юридическое содержание рассмотренных общественных отношений (вызванных злонамеренными действиями неудобств) также следует охарактеризовать как ущемление права владельца транспортного средства на правомерное пользование имуществом. Такое ущемление права происходит в момент завладения табличкой с регистрационными знаками и умышленного устранения законного владельца от возможности её использования по назначению. Далее возникает юридическое состояние, при котором права и законные интересы автовладельца существенно нарушаются, что влечет причинение потерпевшему вреда. При этом с течением времени потерпевшему наносится все больший вред. Учитывая, что период, на который будет нарушено право автовладельца, остается для него неопределенным, а также иные затраты (экономические, психологические, организационные) ожидаются значительными, ему обоснованно следует считать, что вред, который будет ему нанесен в случае невыполнения требований, будет являться существенным.

При рассмотрении указанной ситуации с уголовно-правового аспекта, можно выявить следующее:

1. Умысел злоумышленников, «похищающих номера» непосредственно направлен на корыстное получение имущества от автовладельца, в обмен на прекращение ущемления прав последнего.

2. Указанные действия посягают на отношения собственности, как объект уголовно-правовой охраны, которые следует признавать основным объектом подобных преступных деяний.

3. Предметом указанных действий является имущество (денежные средства).

4. Деяния выражаются в форме требования передачи чужого имущества. Завладение табличкой регистрационного знака автомобиля следует признавать лишь способом совершения общественно опасного деяния.

5. Требование основывается на угрозе ущемления права, которое влечёт нанесение существенного вреда потерпевшему.

Указанное позволяет заключить, что рассматриваемые деяния по своему качественному наполнению являются ни чем иным, как частным

случаем вымогательства имущества, которое, в свою очередь, является частным случаем уголовно-наказуемого принуждения. Вместе с тем, уголовно-правовая конструкция вымогательства не позволяет квалифицировать рассматриваемые деяния по соответствующей статье УК и отсутствие такой возможности связано исключительно с формальным способом закрепления угрозы в ст. 208 УК.

3. Необходимо подчеркнуть, что к рассматриваемой проблематике относятся и ряд других ситуаций, связанных с преступным принуждением. Так, приводится ситуации, когда лица требуют денежный выкуп за захваченное имущество у собственника, например – захваченный и спрятанный автомобиль («имущественный шантаж» [5]). Согласно действующему законодательству несмотря на то, что требуемая сумма может являться весьма крупной, при квалификации таких деяний будут возникать проблемы. Вместе с тем, думается, что подобные деяния, по своему существу, также следует отнести к вымогательству либо к иному вновь сконструированному составу преступления против собственности, основанному на принуждении. Думается, что в современный этап развития общества существуют и иные способы угрозы, нежели закрепленные в ст. 208 УК, реализация которых злоумышленниками будет наносить потерпевшему существенный вред. Кроме того, условия ускоренного развития общественных отношений и технологий могут видоизменять и усложнять способы совершения вымогательств (иных принуждений), в том числе выражаемых при таких деяниях угроз. Так, на сегодняшний день уже существуют дискуссии и проблемы квалификации (в том числе связанные с вопросом отнесения к вымогательству) некоторых способов «кибершантажа» [6] (например, угроза DDoS атаками), «вымогательств» с использованием вредоносного программного обеспечения [7] (например, угроза затруднения доступа к важной информации). Далее следует заметить, что в социально-криминологическом аспекте рассмотренные действия воспринимаются человеком скорее как вымогательство, нежели иное преступление. В этом аспекте (знание об указанной формальной пробельности нормы ст. 208 УК) закон явно не способствует общей превенции совершения общественно опасных деяний.

Помимо указанного выше, необходимо признать возрастающую вероятность появления и некоторые иных преступных принуждений, в том числе связанных с имуществом, которые могут не вписываться в конструкцию вымогательства (как преступления против собственности). Как уже отмечалось выше, подобному обстоятельству остро способствует усложнение отношений гражданского оборота и научно-технический прогресс. Представляется, что вышеуказанные ситуации могут подпадать под действие ст. 185 УК как преступления против личной свободы. Вместе

с тем при сравнении юридической и фактической сущности подобных деяний и юридической составляющей ст. 185 УК следует отметить выявленные выше несоответствия. Далее, при оценке санкции ст. 185 УК в проекции на вышеуказанные деяния следует подчеркнуть иррациональность её мягкости в отношении подобных деяний, общественная опасность которых оценивается в ней не в полной мере.

4. На основании вышеуказанного предлагается: уточнить определение угрозы в ст. 208 УК посредством включения в перечень таковых угрозы «ущемления прав, свобод и законных интересов» и в связи с этим пересмотреть практику квалификации некоторых деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клоченко, Л. Психическое принуждение как преступление // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 61–63.
2. Хилюта, В. В. Имущественный шантаж как способ вымогательства: проблемы доктринальной оценки и практики правоприменения // Известия вузов. Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 123–134.
3. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по Уголовному Уложению 1903 г. // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 4. – С. 24.
4. Хилюта, В. В. Право на имущество как предмет хищения в уголовном праве (часть 1) / В. В. Хилюта // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Беларусь» [Электронный ресурс]. – ООО «Юр-Спектр». – Послед. обновление 21.08.2015.
5. Хилюта, В. В. Имущественный шантаж как способ вымогательства: проблемы доктринальной оценки и практики правоприменения // Известия вузов. Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 123–134.
6. Лопатина, Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. – 2015. – № 1. – С. 118–126.
7. Чекунов, И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. – 2014. – № 18. – С. 53–56.

УДК 343

А.В. ЗИНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: О.В. Глухова, старший преподаватель

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ 1960 И 1999 ГОДОВ

Правонарушения несовершеннолетних всегда вызывали повышенное внимание педагогов, юристов и социологов, что вполне обосновано, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушение законодательных запретов лицами подросткового возраста, их распространенность свидетельствуют не только о существующих недостатках воспитания, но и в значительной мере являются прогностической характеристикой преступности в целом.

Историческое развитие уголовно-правовых норм об ответственности несовершеннолетних свидетельствует, что лишь в 1960 году был принят Уголовный кодекс БССР, который был гуманным по отношению к ним, хотя и не содержал специального раздела об уголовной ответственности несовершеннолетних. УК БССР 1960 г. установил полную уголовную ответственность с 16-летнего возраста, а за отдельные преступления – с 14-летнего (ст. 10). Данное возрастное ограничение легло в основу Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. Недостижение возраста уголовной ответственности закреплялось как обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу. Указывалось на необходимость обязательного участия защитника по данной категории дел с момента предъявления обвинения. Обозначалась и некоторая специфика производства не только на досудебных, но и на судебных стадиях.

Одна из особенностей данного кодекса заключалась в том, что, если совершенное несовершеннолетним преступление не представляло большой общественной опасности, то к нему применялись меры воспитательного характера, а не уголовного наказания.

В УК 1960 г. было предусмотрено 12 видов наказаний, однако только 5 применялось в отношении несовершеннолетних (лишение свободы; исправительные работы без лишения свободы; штраф; возложение обязанности загладить причиненный вред; общественное порицание). Особенности наказаний в УК БССР 1960 г. для несовершеннолетних являлось не только сокращение видов, но и ограничение сроков и размеров наказаний по сравнению с теми же видами наказаний для взрослых. К

примеру, лишение свободы несовершеннолетнего было ограничено 10 годами.

В ст. 37 УК БССР 1960 г. перечислялись обстоятельства, смягчающие ответственность, среди которых называлось совершение преступления несовершеннолетним. Это говорит о восприятии несовершеннолетнего как особого субъекта уголовного права.

Верховный Совет СССР 2 июля 1991 г. принял новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, однако в связи с распадом СССР они не были введены в действие.

После распада СССР новый кодекс был принят только в 1999 году и введен в действие 1 января 2001 г. В нем выделяется целый раздел V «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет», в котором сконцентрированы нормы, регламентирующие особенности ответственности несовершеннолетних, включая виды наказания, его назначение, а также освобождение от уголовной ответственности и наказания. Впервые предусмотрена самостоятельная система наказаний, применяемых к несовершеннолетним. В качестве нового наказания, предусмотрены общественные работы. Также предусматривается наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью.

Как и в УК 1960 г., предусмотрен специальный вид учреждения, в котором отбывается наказание в виде лишения свободы, назначенное лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, - воспитательная колония (по УК 19960 г. – воспитательно-трудовая колония) [2, с. 137].

Из числа принудительных мер воспитательного характера, предусматривавшихся в ст. 60 УК 1960 г., не получили законодательного закрепления в качестве иных мер уголовной ответственности передача несовершеннолетнего под строгий надзор родителей или лиц, их заменяющих, и передача несовершеннолетнего на поруки или под наблюдение трудового коллектива или общественной организации (пп. 3 и 4 ч. 2 ст. 60 УК 1960 г.).

Однако введены новые меры воспитательного характера, такие как: 1) предостережение, т.е. разъяснение несовершеннолетнему последствий повторного совершения преступлений (п. 1 ч. 2 ст. 117); 2) ограничение свободы досуга, состоящее в возложении на несовершеннолетнего в течение установленного судом срока (в пределах от одного до шести месяцев) обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учёбы времени, связанной с соблюдением установленных судом определенных запретов (п. 4 ч. 2 ст. 117).

Наиболее строгой принудительной мерой воспитательного характера является помещение несовершеннолетнего в специальное не только учебно-воспитательное (как в УК 1960 г.), но и в лечебно-воспитательное учреждение. Закон сейчас предусматривает возможность прекращения судом пребывания лица в таком учреждении в случае исправления, исключающего необходимость дальнейшего его содержания, или в случаях возникновения обстоятельств, препятствующих нахождению осужденного в таком учреждении (п. 5 ч. 2 ст. 117) [2, с. 139].

Обращает на себя внимание положение, согласно которому суд вправе в случае злостного уклонения от исполнения какой-либо принудительной меры воспитательного характера заменить её на более строгую меру.

28 июня 2003 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [3]. В данном постановлении закреплены особенности судопроизводства по делам с участием несовершеннолетних, а именно: рассмотрение дела коллегиально в составе судьи и двух народных заседателей, в закрытом судебном заседании, допрос несовершеннолетнего обвиняемого должен осуществляться в присутствии педагога или психолога и т.д.

Таким образом, за последние 50 лет произошли существенные изменения в правовом регулировании уголовной ответственности несовершеннолетних, причем в сторону ее дифференциации от ответственности взрослых и гуманизации. Вместе с тем, необходимо дальнейшее развитие уголовного права в этой сфере, так как ежедневно преступность несовершеннолетних остается угрожающим явлением нашего общества, несовершеннолетние осуждаются, в том числе и к наказаниям, связанным с лишением свободы, после отбывания, которых далеко не все становятся законопослушными гражданами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Несовершеннолетние в Республике Беларусь. Основы правового положения, правовой защиты и ответственности: науч.-практ. комментарий к законодательству и иным нормативным актам / под общ. ред. И. О. Грунтова. – Минск : Тесей, 1999. – 608 с.

2. Лукашов, А. И. Уголовный кодекс Республики Беларусь: сравнительный анализ и комментарий / А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2000. – 672с.

3. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 // Консультант Плюс: Беларусь.

Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2015.

4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

УДК 343.621

Ю.И. ЗАНЬКО, Д.Ю. МАЗУР

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель: И.В. Шуленкова, старший преподаватель

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА АБОРТА

К искусственному аборту прибегали еще в древности. Отношение общества и государства к аборту в различные времена зависело от особенностей общественного и государственного строя, от экономических и социальных условий жизни, от численности и плотности населения, от развития религиозных верований. Нет в обществе единства по этой проблеме и в наши дни.

Отношение к нарождённому ребенку изменилось в 70-е гг., когда изучением плода занялась наука и результаты этого изучения сделались достоянием медицины. Открытия в данной области стали возможными благодаря внедрению новейших технологий, таких, как УЗИ, электронный контроль за сердцем эмбриона, радиационная иммунохимия и другие. Ультразвуковая интроскопия в реальном времени, т.е. получение изображения ребенка в движении, существует как метод клинического исследования с 1976 г. Ультразвуковой прибор работает настолько точно, что позволяет различить даже крошечные, открывающиеся и закрывающиеся во время сердечных сокращений сердечные клапаны. Эта совершенная аппаратура дает возможность родителям увидеть своего ребенка еще до рождения. Благодаря технологиям, приборам и оборудованию, применяемым современной медициной, мы убедились в том, что нарождённый ребенок – человеческое существо, еще один член человеческого сообщества, не отличающийся от других людей.

С начала XX в. общая тенденция развития законодательства состояла в постепенной либерализации отношения к практике искусственного прерывания беременности, смягчении соответствующих уголовных норм и даже полной декриминализации некоторых деяний. Однако в некоторых странах (прежде всего мусульманских) аборт как таковой остается по-

прежнему тяжким преступлением, наказуемость за которое исключается лишь в немногих особых случаях.

В настоящее время наиболее распространенным видом криминального аборта, известным уголовному законодательству почти всех стран мира является незаконный аборт с согласия женщины. Во Вьетнаме, КНР, Монголии незаконное прерывание беременности является единственным видом криминального аборта. Это деяние включает только производство аборта с согласия беременной. Производство аборта без согласия женщины рассматривается как причинение вреда здоровью и как квалифицирующий признак в таких странах как Болгария, Венгрия, Германия, Исландия, Латвия, Нидерланды, Швейцария. Как самостоятельный вид криминального аборта в следующих государствах: Австрия, Албания, Индия, Испания, Колумбия, Куба, Эстония, Япония.

В некоторых странах устанавливается уголовная ответственность за самоаборт или согласие женщины на незаконное прерывание ей беременности другим лицом (Аргентина, Афганистан, Венесуэла, Индия, Ирак, Исландия, Испания, Колумбия, Мексика, Панама, Таиланд, Эстония, Япония и др.). При этом, например, в УК Эстонии предусмотрена ответственность только за дачу согласия на искусственное прерывание беременности, но не за самоаборт, а в УК Японии, наоборот, только за самоаборт.

Проведя сравнительный анализ можно выделить три главные точки зрения – либеральную, консервативную, умеренную. Сторонники либеральной считают, что аборт не является недопустимым с моральной точки зрения, полагая, что плод может считаться человеком и иметь право на жизнь только тогда, когда он способен жить вне организма матери. Вторая, прямо противоположная, консервативная точка зрения утверждает, что аборт всегда, во всех без исключения случаях морально недопустим, так как аборт даже на самой ранней стадии развития зародыша является убийством, и потому во всех случаях должен быть запрещен законом и недопустим с моральной точки зрения. Третий взгляд, который можно охарактеризовать как умеренный, пытается соединить в себе элементы обеих крайних точек зрения в смягченном варианте и избежать нежелательных выводов, которые вытекают из них. Все три точки зрения подвергаются критике. Дебаты вокруг темы аборта продолжаются.

Ослабление главных социальных институтов и, в первую очередь, семьи, а также социального контроля, возросшая напряженность в обществе, рост таких антиобщественных явлений, как алкоголизм, наркомания, проституция, ухудшение материального положения населения, безработица, падение норм нравственности, морали и духовных

ценностей в обществе привели в последние годы к значительному росту преступлений против личности.

По данным ВОЗ около 70 тысяч женщин во всем мире ежегодно умирают от последствий аборт, выполненных непрофессионалами, либо проведенных в антисанитарных условиях [1].

В структуре насильственной преступности в Республике Беларусь особое место занимает незаконное производство аборта (ст.156 УК). Уголовно-правовая охрана репродуктивной сферы человеческой жизни является в настоящее время малоизученной темой правового исследования. Кроме того, с учетом значительного обновления нормативного материала по вопросу прерывания беременности, актуальной является юридическая оценка права женщины на репродуктивный выбор и исследование его временных границ. Желание прервать наступившую беременность, возможность воплощения соответствующей потребности зависит от отношений между обществом и отдельной личностью. У государства существуют свои демографические потребности, но, к сожалению, нет четко выработанной и целенаправленной демографической политики, личность же обладает правом самостоятельно выбирать – участвовать ей в репродуктивных процессах или избежать этого участия.

В этой связи возникает необходимость тщательного правового анализа медицинских ведомственных нормативно-правовых актов по данной проблематике, а также изучения права женщины на репродуктивный выбор. Специфика данного преступления ведет на практике к высокой степени его латентности, а отсутствие конкретных рекомендаций по комплексному подходу выявления криминальных аборт – к большому количеству нераскрытых преступлений этой категории.

Абортom называется всякое прерывание беременности, но основные моральные проблемы связаны с искусственным прерыванием беременности. По желанию женщины в организациях здравоохранения после консультации с врачом, а в отношении несовершеннолетней также при наличии письменного согласия ее законного представителя, может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт) при сроке беременности не более 12 недель. При наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится не зависимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения. При наличии социальных показаний и желания женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения. Перечень социальных

показаний для искусственного прерывания беременности определяется Советом Министров Республики Беларусь. Если данные основания отсутствуют, произведенный аборт является незаконным и должен повлечь уголовную ответственность. Производство аборта признается незаконным и в том случае, если оно совершено вне специализированного отделения медицинского учреждения.

В 2014 году в Беларуси было произведено 31 206 аборт. В основном за минувший год больше прерываний беременности стали делать женщины 20-34 лет. На данную возрастную группу приходится самое большое количество аборт; 15% из всех, решившихся на аборт, забеременели впервые; 27 аборт было сделано среди девушек младше 15 лет.

Незаконное производство аборт – это одно из немногих криминализованных законодателем деяний, для которого необходимо согласие потерпевшей на причинение ей вреда либо на поставление в опасность его причинения. За совершение данного преступления подлежат наказанию только лица, которые производят незаконный аборт беременной. Так, ч.1 ст.156 УК предусматривает наказание в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за производство аборт врачом, имеющим высшее медицинское образование. В том случае, если производство аборт повлекло по неосторожности смерть женщины или причинение тяжкого телесного повреждения УК предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет. Женщина признается потерпевшей. Не считается преступлением, и если женщина сама себе делает аборт.

Обобщая изложенное, полагаем целесообразным внесение изменений в ст. 156 УК путем ужесточения сроков наказания для лиц, совершивших незаконный аборт и установление более жесткого контроль над производством аборт в медицинских учреждениях. Считаем, что это позволит уменьшить количество подпольных и криминальных аборт и достичь положительных результатов в увеличении рождаемости. Кроме того, для более эффективного противодействия криминальным абортам первостепенное значение на наш взгляд имеет создание устойчивых социальных гарантий для женщины, родившей и воспитывающей ребенка (увеличение пособия по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет до уровня начисленной номинальной среднемесячной заработной платы, предоставление льгот при строительстве жилья и т.п.). Требуется решения на законодательном уровне по нашему мнению вопрос об установлении уголовной ответственности для женщин, прибегающих к незаконному аборт на поздних сроках беременности, поскольку при сроке беременности свыше 22 недель плод уже способен к внеутробной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медновости. ВОЗ: криминальные аборт убивают 70 тысяч женщин в год [Электронный ресурс] / ЗДОРОВЬЕ/СТРАНА. — Режим доступа: <http://health.unian.net/rus/detail/186723>. — Дата доступа: 07.10.2015.

УДК 343

В.Б. ИГНАТОВИЧ

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: И.В. Буянова, старший преподаватель

**ПРОТИВОРЕЧИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕНСАЦИИ
ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

В качестве наказания компенсация известна с древнейших времен. В раннефеодальном государстве, она, как правило, являлась наиболее распространенным видом наказаний. Однако, по мере перехода от частного-обвинительного процесса к розыскному, применение компенсации было запрещено или в значительной мере ограничено.

При этом на протяжении последних десятилетий наблюдалась явная тенденция к расширению географических границ и частоты применения компенсации, поскольку она соответствует правосознанию большинства народов мира (особенно в т.н. развивающихся странах) и весьма положительно оценивается сторонниками идей так называемого «восстановительного правосудия» как альтернатива более суровым видам уголовных репрессий. Помимо достижения прочих целей уголовного наказания, компенсация помогает решить вопрос о примирении потерпевшего с обвиняемым, что крайне важно в обществах с традиционным укладом [1, с. 29].

В международно-правовых актах определения института уголовно-правовой компенсации различны: «компенсация потерпевшим от преступления», «возмещение ущерба потерпевшему от преступления», «компенсация вреда, причиненного преступлением», «реституция» и т. д. Тем не менее, все указанные термины соответствуют одному понятию – возмещению вреда, причиненного преступлением, потерпевшему лицу. В понятие вреда включается как материальный ущерб, так и моральный вред [1, с. 46].

Механизм уголовно-правовой компенсации в Республике Беларусь позволяет лицам, совершившим нетяжкие преступления, добровольно заглаживать вину перед обществом, уплатив определенную сумму и избежав тем самым уголовной ответственности или получив условный срок либо

иное наказание, не связанное с лишением свободы. На это может рассчитывать тот, кто впервые совершил преступление, содействовал его раскрытию, возвратил доход, полученный преступным путем, а также внес на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, компенсацию в размере половины причиненного ущерба, но не менее 30 базовых величин [2].

Согласно ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь, уголовная ответственность в Республике Беларусь основывается на принципах законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманности.

В соответствии с ч.3 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь, лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. А также, в соответствии с ч. 6 ст. 3 наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Но, анализируя понятие уголовно-правовая компенсация, можно предположить, то человек, не имеющий материальных возможностей, будет нести наказание по всей строгости закона, а обеспеченные люди могут «откупиться» от правосудия, что абсолютно противоречит данным принципам.

В ч. 4 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь отмечено, что каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь. Основная цель наказания в уголовном праве – это восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений осужденным. Но нельзя говорить о том, что человек, выплативший уголовно-правовую компенсацию, реально понесет наказание за совершенное преступление, так как утрата материальных ценностей не является существенной для довольно обеспеченных слоев населения, и, соответственно, не является стимулом для исправления.

Подведя итоги, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая компенсация противоречит принципам уголовного закона, а также не содействует восстановлению социальной справедливости и исправлению граждан. Каждый человек, совершивший преступление должен понести наказание, которое его в будущем направит на путь исправления, которое будет являться законным, справедливым и гуманным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков, И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. – М.: Городец, 1998. – 172 с.
2. Досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовно-правовая компенсация и другие нововведения в законодательстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=167143> .- Дата доступа : 13.09.2015.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 29.01.2015 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343.35

Д.С. КАРСЮК

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: Т.А. Савчук, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ

В мировом масштабе коррупция является одной из наиболее серьезных угроз как для экономики и социального развития отдельных государств, так и для национальной и международной безопасности в целом. Противодействие коррупции – важнейшая функция любого современного государства. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, определяет государство гарантом безопасности личности, обеспечивающего совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией, терроризмом и экстремизмом во всех их проявлениях.

Согласно данным авторитетной международной организации «Transparency International» по борьбе с коррупцией и исследованию ее уровня в мировом масштабе в 2014 г. Беларусь заняла 119-е место среди

175 государств [1]. Не смотря на позитивные изменения в сфере противодействия коррупции, следует отметить, что проблема ее искоренения до сих пор остается актуальной для нашего государства, что предопределяет поиски новых законодательных решений и организационно-практических мероприятий в борьбе с данным проявлением. В связи с этим в настоящее время в юридической литературе активно обсуждаются законодательные нормы, предусматривающие основания освобождения лица от уголовной ответственности за взяточничество, проблемы их реализации и пути дальнейшего совершенствования.

Вопросам освобождения от уголовной ответственности взяткодателя, посредника и соучастника в даче или получении взятки специально посвящены примечания к двум статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Так, из примечания к ст. 431 УК следует, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном. В соответствии с примечанием к ст. 432 УК виновный в посредничестве во взяточничестве либо соучастник в даче или получении взятки освобождается от уголовной ответственности, если он после совершения преступных действий добровольно заявил о содеянном.

Статья 430 УК определяет получение взятки как принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.

Однако в действующем законодательстве не предусмотрены основания для освобождения от уголовной ответственности взяткополучателя. В случае, когда взяткополучатель добровольно возвращает полученные им блага от взяткодателя и при этом не выполняет обусловленных получением взятки деяний, каких-либо законных оснований для прекращения уголовного дела нет, так как на лицо состав преступления.

При этом в российской уголовно-правовой литературе появляется все больше сторонников такой стимулирующей меры как освобождение взяткополучателя от ответственности в случае сообщения о содеянном. Например, Е.В. Яковенко предлагает освобождать от уголовной

ответственности лицо, получившее взятку, если оно добровольно сообщило государственному органу или органу местного самоуправления о получении взятки при отсутствии в составе деяния квалифицирующих признаков, либо если взятка была получена под угрозой причинения вреда личности либо правам и законным интересам этого лица или его близких [2, с. 26].

Другие ученые предлагают ввести данную стимулирующую меру с ограничениями по срокам. Так, Н.П. Панченко предлагает освободить от уголовной ответственности должностное лицо, получившее взятку, но в разумные сроки сообщившего о случившемся органам власти [3, с. 244]. По мнению Е.В. Марьиной, такой срок должен составлять три дня. При этом данный автор считает, что от уголовной ответственности следует освободить лицо, принявшее взятку, если оно добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о получении взятки, возвратило выгоду не позднее чем через три дня с момента ее получения, при условии, что это лицо не совершило никаких деяний в интересах взяткодателя [4, с. 9]. К позиции цитируемых ученых примыкает точка зрения Н.Г. Смоляной, которая считает возможным освобождение от уголовной ответственности взяткополучателей в случае неотложного сообщения о содеянном, и предлагает «декриминализировать получение взятки-благодарности (пусть даже оговоренной заранее), отмечая, что во избежание провокационных действий необходимо освободить от уголовной ответственности лицо, которому передана взятка, в случае незамедлительного привлечения им внимания к данному факту» [5, с. 7].

Идею установления оснований для освобождения взяткополучателя от уголовной ответственности поддерживают и отечественные ученые. Так, в целях повышения эффективности борьбы с лицами, занимающимися активным подкупом должностных лиц, провоцирующими их на получение взятки, А.В. Башан считает целесообразным дополнить ст. 430 УК примечанием следующего содержания: «Лицо, получившее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно после получения взятки, но до выполнения или невыполнения в интересах дающего взятку действия первым заявило о случившемся в письменной форме и в дальнейшем способствовало изобличению взяткодателя. Правила данного примечания не применяются к лицу, требовавшему или вымогавшему взятку» [6, с. 64]. Данный автор полагает, что наличие такой нормы в законе обеспечит возможность установления фактов инсценировки взяткодничества в тех случаях, когда это имело место, а также будет способствовать реальной возможности выявления провокационных действий при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Н.А. Бабий, рассматривая вопросы освобождения от уголовной ответственности за взяточничество, отмечает, что «организованная преступность проявляет существенную активность в инициативном коррумпировании чиновников различных рангов и ведомств, при этом вручение взятки может использоваться преступниками в качестве ловушки для вовлечения в постоянную деятельность в интересах преступной организации. В таком случае вовлеченный в получение взятки чиновник оказывается перед выбором одного из двух зол: оказаться на скамье подсудимых или подчиниться преступникам и оказывать им услуги, причем, иногда неплохо оплачиваемые. При наличии нормы об освобождении от ответственности в случае добровольного заявления о получении взятки должностное лицо не будет бояться обратиться в правоохранительные органы за защитой от вымогательства или иного шантажа. Нельзя забывать также и определенный потенциал подобной нормы в оказании сдерживающего воздействия на потенциальных взяткодателей, над которыми в таком случае будет постоянно довлеть угроза разоблачения со стороны подкупленного чиновника» [7].

Вышеизложенное приводит к выводу о целесообразности дополнения ст. 430 УК примечанием следующего содержания: «Лицо, получившее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно сообщило о содеянном до выполнения обусловленных взяткой действий. Правила данного примечания не применяются к лицу, требовавшему или вымогавшему взятку». Полагаем, что в этом случае уголовную ответственность при доказанности вины должен нести взяткодатель. Думается, что отсутствие в уголовном законе такого основания освобождения от уголовной ответственности фактически работает на интересы организованной преступности, а также создает предпосылки для совершения должностными лицами инсценировок и провокаций взятки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Corruption perceptions index 2014: results [Электронный ресурс] / Transparency International. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.transparency.org/cpi2014/results>. – Дата доступа : 03.10.2015.
2. Яковенко, Е. В. Уголовно-правовая борьба со взяточничеством : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Яковенко. – Владивосток, 2004. – 300 л.
3. Панченко, Н. П. Пробелы в законодательстве о соучастии в преступлении и пути их устранения в связи с задачами противодействия коррупции / Н. П. Панченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 242–244.

4. Марьина, Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Марьина. – Самара, 2010. – 243 л.

5. Смоляная, Н. Г. Дача и получение взятки: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Г. Смоляная. – Ростов-на-Дону, 2008. – 198 л.

6. Башан, А. В. Противодействие коррупции в Республике Беларусь: проблемы и пути решения / А. В. Башан // Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, связанной с выявлением, предупреждением и пресечением коррупционных правонарушений : материалы науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2009 г. / редкол. : В. А. Конон (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 61–64.

7. Бабий, Н. А. Проблемные вопросы освобождения от уголовной ответственности за взяточничество / Н. А. Бабий // КонсультантПлюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

УДК 343

Е.В. КАШКАРОВА

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: И.В. Буянова, старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА

Одним из необходимых и обязательных компонентов нормального функционирования любого государства является общественный порядок. К числу наиболее опасных и распространенных преступных посягательств на общественный порядок является хулиганство.

Так, в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), хулиганством признаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом [1]. Данное понятие определяется как простое хулиганство и квалифицируется по ч.1 ст. 339 УК.

Хулиганство, проявляясь в самых разнообразных действиях, нередко по своему содержанию очень схоже с составами других преступлений. Это обстоятельство на практике вызывает большие затруднения при квалификации хулиганства.

Можно заметить, что хулиганские действия нередко способствуют нанесению телесных повреждений, разбойным нападениям,

изнасилованиям, грабежам. Данные деяния следует отграничивать от хулиганства в зависимости от направленности умысла виновного, его мотивов, целей и обстоятельств, при которых совершено данное деяние [2, с.34].

Например, причинение легких и менее тяжелых телесных повреждений, умышленное повреждение имущества или совершение иных действий, внешне сходных с хулиганством, если они имели место в семье, в отношении знакомых и были вызваны личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших не могут быть квалифицированы как хулиганство, при условии, что они не были сопряжены с заведомым для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражением явного неуважения к обществу [2, с.35].

Большинство ученых считают, что для хулиганства необходимо, чтобы умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества было по форме, содержанию и направленности актом хулиганского проявления, то есть своего рода демонстративным вызовом обществу посредством неуважения к собственности окружающих [3, с.737].

Для наличия состава хулиганства требуется, чтобы умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу:

- были сопряжены с применением насилия;
- были сопряжены с уничтожением или повреждением чужого имущества;
- заключали в себе проявление исключительного цинизма.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что не все хулиганские действия, пусть даже грубо нарушающие общественный порядок, образуют состав уголовно наказуемого хулиганства [3, с.735].

Для того, чтобы определить основные проблемы квалификации хулиганства, следует исследовать состав данного преступления.

Основным объектом хулиганства является общественный порядок, а дополнительными – общественная нравственность, здоровье граждан и чужая собственность. Закон характеризует хулиганство следующими признаками: грубое нарушение общественного порядка, проявление явного неуважения к обществу, применение насилия или угрозы его применения либо уничтожение чужого имущества или повреждение чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом.

Применительно к хулиганству «общественным» является то место, где лицо совершает хулиганские действия, независимо от изначального его предназначения. Это могут быть места, которые традиционно не принято

считать общественными: лес, пустырь – где присутствуют только обвиняемый и потерпевший [2, с. 34].

Однако, следует отметить, что, например, повреждение автомобиля, совершенное в безлюдном месте в ночное время, также может квалифицироваться как хулиганство, при условии, если его повреждения являются многочисленным, существенными, заведомо хулиганскими. А, например, прокол колеса в автомобиле будет квалифицироваться по ст. 218 УК (умышленное уничтожение либо повреждение имущества).

Касаясь вопроса объективной стороны хулиганства, то следует отметить, что законодатель изменил само определение уголовно наказуемого хулиганства, по существу декриминализовав деяния, которые предусматривались ч. 1 ст. 201 УК 1960 года.

Грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу по УК 1960 г. образовывали состав простого хулиганства. По УК 1999 г. грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу являются лишь необходимыми постоянными признаками хулиганства и без наличия хотя бы одного из таких альтернативных признаков, как применение насилия (или угроза применения насилия); уничтожение имущества (или повреждение имущества); проявление исключительного цинизма – не образуют состав преступления.

В ч. 1 ст. 339 УК 1999 г. впервые появилось такое понятие, как «применение насилия» (угроза его применения) при совершении действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. В Законе нет прямого указания на степень вреда здоровью, причиненного в результате хулиганских действий. Судебная практика широко толкует понятие «применение насилия» при хулиганстве. Это физические воздействия на потерпевшего в любой форме:

- а) нанесение побоев;
- б) причинение телесных повреждений;
- в) ограничение свободы передвижения путем связывания, удержания [4].

Угроза применения насилия – это выраженное словесно или в форме определенных жестов намерение применить физическое насилие. В любом случае она должна быть реальной. Главное отличие угрозы от насилия заключается в отсутствии какого-либо контакта между хулиганом и потерпевшим [3, с. 736].

Что касается термина «исключительный цинизм», то он трактуется как проявление в действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, крайне презрительного отношения к основным нравственным ценностям общества (проявление бесстыдства, издевательства над больными, престарелыми лицами,

находящимися в беспомощном состоянии, совершение хулиганских действий в условиях общественного или стихийного бедствия, надругательство над обычаями, традициями и т.п.) [4].

Понятие исключительного цинизма не новое, оно присутствовало и в УК 1960 г., но только в качестве признака злостного хулиганства. Сейчас – это обязательный альтернативный признак простого хулиганства. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, действия, отличающиеся особым цинизмом, могут выступать при хулиганстве и в качестве самостоятельной формы грубого нарушения общественного порядка и проявления явного неуважения к обществу.

Субъективная сторона хулиганства выражается в виде умысла на грубое нарушение общественного порядка с мотивом явного неуважения к обществу. На это, в частности, может указывать совершение виновным без какого-либо повода или же с использованием незначительного повода со стороны потерпевшего действий, свидетельствующих о стремлении проявить свое неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития, правам иных лиц, показать свое физическое превосходство, способность к бесчинству, о желании унижить и подавить другого человека, надругаться над его интересами или интересами общества [2, с. 35].

Также следует отметить, что нельзя квалифицировать как хулиганство нанесение оскорблений, побоев, причинение вреда здоровью и другие преступления, основанные на личных неприязненных отношениях и совершаемые в быту или на производстве. Подобные действия могут образовывать состав хулиганства, если в них присутствует прямой умысел на нарушение общественного порядка. Можно также отметить, что обязательным признаком субъективной стороны хулиганства является мотив действия виновного – хулиганские побуждения. При отсутствии таких побуждений действия, нарушающие общественный порядок, не образуют состав хулиганства. Наряду с хулиганскими побуждениями могут быть и другие: ревность, месть, национальная или религиозная нетерпимость. Но обязательно должен присутствовать хулиганский мотив – то, что движет хулиганом. При отсутствии хулиганского мотива, действия виновного не могут квалифицироваться как хулиганство [4].

Таким образом, в настоящий момент имеется множество неточностей, связанных с правильной квалификацией действий лиц, совершивших уничтожение или повреждение имущества в общественных местах, что не способствует обеспечению прав и законных интересов лиц, пострадавших от таких деяний, а также тех лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности за данные деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Бильдейко, А. Проблемы квалификации хулиганства, сопряженного с уничтожением или повреждением имущества / А. Бильдейко, В. Хилюта // Юстыцыя Беларусі. – 2015. – №7. – С.33–36.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Архаменка [и др.]; под общ ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24 марта 2005 г., №1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343

Т.П. КРАВЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: Е.А. Коротич, старший преподаватель

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКСТРАДИЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

В настоящее время проблема преступности вышла на международный уровень, и поэтому представляется опасность не только отдельным государствам, но и человечеству. На протяжении длительного периода нарабатывалась практика оказания правовой помощи по уголовным делам и выдаче обвиняемых и осужденных. Однако реализация процедуры выдачи затруднена тем, что в национальном законодательстве отсутствуют соответствующие нормы или они вовсе «устарели», а также возникают проблемы при применении международных и национальных норм.

Экстрадиция – вид правовой помощи по уголовным делам, при котором обвиняемый либо осужденный в одном государстве передается на основании требования этому государству другим для осуществления уголовного преследования или исполнения наказания. Целью экстрадиции

является осуществлении правосудия в отношении скрывшихся лиц и проведение в жизнь принципа неотвратимости наказания.

Процедура выдачи преступников регулируется национальным законодательством государства: договоры об экстрадиции; законами о правовой помощи по уголовным делам (например, бывшим СССР был заключен ряд договоров о правовой помощи: с КНДР (1957), Польшей (1958), Румынией (1959) и многие другие); Уголовно-процессуальными кодексами (например, в Республике Беларусь, Российской Федерации).

В соответствии со ст. 56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам договорившиеся стороны обязуются по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение.

Выдача преступников возможна:

1) если лицо совершило преступление, за которое законодательством обоих государств предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание, либо

2) если лицо было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию.

Согласно ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам выдача не производится, если

1) это собственные граждане. Например, в ст. 10 Конституции Республики Беларусь закреплено, что гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами;

2) если истекли сроки давности или имеются иные законные основания для прекращения уголовного преследования (например, принятие акта амнистии);

3) если преступление, в котором обвиняется лицо, в одном из государств преследуется в порядке частного обвинения (по заявлению потерпевшего);

4) в отношении лица был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в силу.

До разрешения вопроса об выдаче преступника лицо может быть подвергнуто предварительному (экстрадиционному) заключению под стражу (аресту). Для этого к требованию должен быть приложен процессуальный документ (постановление, ордер и т. п.) о применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу (ареста) либо приговор.

В Республики Беларусь в настоящее время вопросы экстрадиции урегулированы ст. 10 Конституции Республики Беларусь и ст. 5 Закона Республики Беларусь «О гражданстве», где провозглашен принцип невыдачи граждан Республики Беларусь, если иное не предусмотрено международном договоре, а также ст.7 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В статье говорится, что «иностраный гражданин или лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь и находящиеся на территории Республики Беларусь, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Республики Беларусь. При отсутствии такого международного договора лица, указанные в части второй настоящей статьи, могут быть выданы иностранному государству на основе принципа взаимности при условии соблюдения требований законодательства Республики Беларусь». В Законе Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» от 18 мая 2004 г. закреплён порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержатся ст.ст.469-473, которые только указывают на органы, уполномоченные осуществлять взаимодействие с органами уголовного преследования и судами иностранных. По остальным вопросам данные статьи являются отсылочными к международным договорам и правилам не установленным в Кодексе

В мировой практике распространено включение положений об экстрадиции в уголовно-процессуальный кодекс. Так, например, нормы об экстрадиции предусмотрены главой 63 модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в части 5 содержатся нормы, регулирующие международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо внести отдельную главу в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, которая бы содержала нормы об экстрадиции. Исследуя международные договоры, участницей которых является Республика Беларусь, можно также предложить внести дополнительную статью в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, касающуюся требований о выдаче лица. Она должна содержать следующие нормы:

«Требование о выдаче должно содержать:

а) наименование запрашиваемого учреждения;

б) описание фактических обстоятельств деяния и текст закона запрашивающей Договаривающейся Стороны, на основании которого это деяние признается преступлением;

в) фамилию, имя, отчество лица, которое подлежит выдаче, его гражданство, место жительства или пребывания, по возможности описание внешности и другие сведения о его личности;

г) указание размера ущерба, причиненного преступлением.

К требованию о выдаче для осуществления уголовного преследования должна быть приложена заверенная копия постановления о заключении под стражу.

К требованию о выдаче для приведения приговора в исполнение должны быть приложены заверенная копия приговора с отметкой о вступлении его в законную силу и текст положения уголовного закона, на основании которого лицо осуждено. Если осужденный уже отбыл часть наказания, сообщаются также данные об этом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // КонсультантПлюс : Россия [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Российской Федерации. – Россия, 2015.

3. Европейская конвенция о выдаче [Электронный ресурс] – 13.12.1978. – Режим доступа : <http://zakon.kuban.ru/private/ekv.htm>. – Дата доступа : 06.10.2015.

4. Уголовный кодекс : Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3, с посл. изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Уголовно-процессуальный кодекс : Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3, с посл. изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. О международной правовой помощи по уголовным делам : Закон Республики Беларусь от 18 мая 2004 года №284-3, с посл. изм. и доп. // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2015.

7. О гражданстве : Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. №136-3, с посл. изм. и доп. // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный

ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2015.

8. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/ipa.pdf>. – Дата доступа : 06.10.2015.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] – 13.07.2015. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>. – Дата доступа : 06.10.2015.

УДК 343

Т.А. КРАВЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

СУБЪЕКТ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Субъект преступления – физическое лицо, совершившее преступление, способное нести за содеянное уголовную ответственность, обладающее следующими признаками: вменяемость, достижение установленного уголовным законом возраста.

Если с индивидуальным предпринимательством определение субъекта преступления не вызывает сложностей – таковым является непосредственно предприниматель (лицо, осуществляющее индивидуальную деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли), то определение субъекта в организациях – вопрос весьма проблематичный как в теории уголовного права, так и на практике.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2001 г. № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» субъектами преступления, предусмотренного ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), могут являться граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие 16-летнего возраста, а также должностные лица юридического лица независимо от формы собственности [1].

В юридической литературе высказана точка зрения о том, что некоторые работники, выполняющие в организации управленческие функции, могут как исполнители нести ответственность за осуществление организацией предпринимательской деятельности без лицензии или с

нарушением условий лицензирования. Дело в том, что деятельность организации невозможна иначе как посредством деятельности ее работников, в т.ч. ее руководителей, их заместителей, руководителей структурных подразделений и др. [2, с. 139].

Исходя из сказанного, помимо общих признаков субъекта данного преступления можно выявить особенные черты специального субъекта применительно к каждой форме незаконного предпринимательства.

Так, субъектом данного преступления могут быть: лица, имеющие статус индивидуального предпринимателя; иные лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; лица при осуществлении незаконной предпринимательской деятельности организацией; лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без лицензии; руководитель организации; лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации.

Неточность легальных формулировок, а также несогласованность положений УК Республики Беларусь с гражданским законодательством порождает и иные вопросы. Так, ни один из исследователей не ставит вопрос о том, может ли субъект рассматриваемого преступления быть коллективным (коллегиальным)? К примеру, действующее акционерное законодательство допускает создание во главе общества коллегиального исполнительного органа, при этом во главе такого органа действует председатель. Тогда возникает вопрос: является ли в случае наличия состава преступления субъектом председатель или же весь коллегиальный орган? Или члены коллегиального органа являются соучастниками?

Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть дан в зависимости от компетенции членов коллегиального органа. И если предположить, что решение, направленное на нарушение закона, было принято совместно – ответственность должны нести все члены коллегиального органа. Здесь есть место для дискуссии: должны ли нести ответственность те лица, которые не принимали участия в принятии решения? На наш взгляд, ответы на данные вопросы должен дать Пленум Верховного Суда Республики Беларусь.

Вызывает интерес проблема пособничества в незаконном предпринимательстве. Представляется, что деятельность работников незаконного предпринимателя (даже тех, кто осознаёт незаконность действий их работодателя) может рассматриваться в качестве пособничества в незаконном предпринимательстве лишь в том случае, если направлена на осуществление именно незаконного предпринимательства, а не предпринимательской деятельности как таковой. Пособничество в незаконном предпринимательстве – это

содействие не осуществлению предпринимательской деятельности, а сокрытию её от государственного контроля.

Говоря об ответственности «группы работников» или всего юридического лица за незаконное предпринимательство, отдельные исследователи делают революционные предложения. Так, А. Лубешко отмечает: «с учетом складывающейся следственно-судебной практики целесообразно установить уголовную ответственность за незаконное предпринимательство для юридических лиц. Возложение вины, например, за нарушение лицензионных требований на одного человека, который согласно своим обязанностям обязан был за этим следить и контролировать, не совсем справедливо, в таком случае, скорее всего, нужно вести речь не о незаконном предпринимательстве, а о других составах (например, ст. 428 УК – халатность). Если возлагать вину на собственника предприятия, то и здесь возникает вопрос, заключающийся в том, что собственник далеко не всегда сам лично может решать и решает вопросы, связанные с регистрацией предпринимательской деятельности, соблюдением лицензионных требований» [3].

Приведенная позиция А. Лубешко и других ученых-юристов вновь поднимает вопрос установления уголовной ответственности юридических лиц, в частности, при незаконном предпринимательстве.

Рациональным представляется предложение этого же автора о закреплении сложившегося в практике положения об установлении уголовной ответственности за незаконное предпринимательство не с 16, а с 18 лет в силу того, что до 18 лет лица не могут полностью сознавать общественную опасность незаконного предпринимательства из-за недостаточности знаний и жизненного опыта.

Здесь необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. В случае, если несовершеннолетний неэмансипированный гражданин в возрасте от 16 до 18 лет пожелает заняться предпринимательской деятельностью, то прежде чем обратиться в уполномоченный государственный орган с заявлением о государственной регистрации в качестве предпринимателя, он должен получить согласие законных представителей на занятие предпринимательской деятельностью. Такое согласие предполагает возникновение гражданских правоотношений между несовершеннолетним и его законными представителями.

В случае же незаконной предпринимательской деятельности такого лица, по общему правилу, не возникает согласия родителей на осуществление несовершеннолетним предпринимательской деятельности.

Таким образом, представляется необходимым дополнить ст. 27 УК частью 1-1, в которой предусмотреть, что лица, достигшие ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, подлежат

уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 233 УК). До 18-летнего возраста виновные в таком деянии могут привлекаться к административной ответственности по ст. 12.7 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 июня 2001 г. № 6 // Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/vsprop/ad0c00cd5028f04c.html. – Дата доступа: 13.10.2015.

2. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений : монография / И. А. Клепицкий. – М. : Статут. – 2005. – 568 с.

3. Лубешко, В. Н. Незаконное предпринимательство как вид преступного посягательства против установленного порядка экономической деятельности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Лубешко. – Ростов, 2004. – 231 л.

УДК 343.58

О.А. КРАСОВСКАЯ

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель: И.Р. Дзик, старший преподаватель

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ

Правовое регулирование защиты животных находится на стыке различных отраслей права.

Охрана животного мира и окружающей среды, нормы об использовании природных ресурсов, правовое регулирование охоты, составляющие предмет регулирования экологического права, далеко не исчерпывают вопросы защиты животных.

Гражданское право относительно животных как объекта гражданского оборота, нормы о предотвращении жестокого обращения с животными в уголовном законодательстве, ветеринарное и сельскохозяйственное право, порядок использования животных в медицинских исследованиях, разнообразные положения, регулирующие порядок содержания животных в домашних условиях и политику в отношении безнадзорных животных, условия содержания в зоопарках,

многие иные правовые нормы других отраслей права, так или иначе, затрагивают вопросы, связанные с защитой животных.

Исходя из этого, на теоретическом уровне защиту животных можно обозначить как совокупность правоотношений, регулируемых различными отраслями права [1].

Лишение свободы за жестокость по отношению к животным существует в настоящее время в законодательстве Австрии, Алжира, Афганистана, Вануату, Гаити, Грузии, Индонезии, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Кыргызстана, Коста-Рики, Кот д'Ивуара, Латвии, Литвы, Македонии, Нигерии, Сан-Марино, Словакии, Словении, Судана, Таиланда, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии.

В украинском Уголовном кодексе есть две такие статьи: «Жестокое обращение с животными» и «Распространение материалов, которые пропагандируют культ насилия и жестокости». Минимальное наказание по ним предполагает штраф в размере до 100 евро, максимальное — до 5 лет лишения свободы.

В уголовном кодексе Российской Федерации есть ст. 245 «Жестокое обращение с животными», согласно которой жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, совершенное из хулиганских или корыстных побуждений или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних, наказывается штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев [2].

До 2015 года жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а так же за истязание животных в Республике Беларусь была предусмотрена лишь административная ответственность.

28 января 2015 года вступил в силу Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

В частности, Уголовный кодекс Республики Беларусь дополнен статьей 339¹:

«Жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, — наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами

на срок до одного года, или арестом. То же действие, совершенное повторно либо группой лиц, — наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до одного года, или лишением свободы на тот же срок».

Что касается зарубежного опыта разрешения этой проблемы, то, например, в Италии принят закон, призванный защитить животных от жестокого отношения к ним со стороны людей. Тот, кто будет признан виновным, может быть арестован сроком на один год, а также его обяжут выплатить штраф в размере 10 тысяч евро [3].

В Латвии за жестокое обращение с животными виновный может получить срок до 4 лет лишения свободы.

В США эти преступления караются тюремным заключением свыше десяти лет, в Германии — крупным штрафом или тремя годами тюрьмы.

В Гонконге также существует нормативный акт о предотвращении жестокости к животным, предусматривающий в качестве наказания максимальное тюремное заключение сроком до трех лет и штраф в размере 200.000 гонконгских долларов [2].

В большинстве случаев люди, которые обращаются жестоко с женщинами, а также выполняют насилие над детьми, также злоупотребляют животными. 71% женщин, которые были избиты или пострадали от насилия в семье, сообщили, что их обидчик убивал, калечил или злоупотреблял домашними животными в семье [4].

Каждый человек обязан понимать, что животные такие же живые существа, как и люди, у них есть такие же, как и у нас, органы чувств, внутренние органы, центральная нервная система, поэтому, они чувствуют боль точно так же.

Необходимо срочно принимать конкретные меры: создавать государственные приюты для бездомных животных, ввести обязательную стерилизацию, создавать организации, которые занимались бы их защитой. Конечно, в нашей стране действуют частные приюты, но, во-первых, их количество не значительно, во-вторых, условия содержания питомцев крайне плачевны.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь необходимо ужесточить наказание за жестокое обращение с животными и уделить особое внимание созданию для них государственных приютов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Места под солнцем хватит всем [Электронный ресурс] / Правовое регулирование защиты животных в Беларуси: международные подходы и белорусская практика. — Режим доступа: http://www.mesto-pod-solncem.org/2013/11/blog-post_27.html. Дата доступа: 29.09.2015.

2. Международная образовательная ассоциация дебатов [Электронный ресурс] / Жестокое обращение с животными. – Режим доступа: <http://ru.idebate.org/debatabase/debates/7732/75856>. – Дата доступа: 29.09.2015.

3. Официальный сайт центра правовой зоозащиты [Электронный ресурс] / Защита животных в разных странах. — Режим доступа: http://www.animalsprotectiontribune.ru/DokSmi07_1.html. – Дата доступа: 30.09.2015.

4. Каталог ветеринарных учреждений [Электронный ресурс] / Жестокое обращение с животными. — Режим доступа: <http://blog.vetatlas.ru/novosti/novosti-o-zhivotnyx/zhestokoe-obrashhenie-s-zhivotnymi-statistika/3522/>. – Дата доступа: 30.09.2015.

УДК 343

А.А. КРАЦ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Деятельное раскаяние – это посткриминальное добровольное поведение лица, выражающееся в оказании им активного содействия правосудию, заглаживании причиненного преступлением вреда, а равно в совершении иных активных действий, свидетельствующих об осознании лицом своей вины и о его чистосердечном раскаянии.

Согласно статье 88 УК Республики Беларусь (далее – УК), лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению преступления, возместило причиненный ущерб, либо уплатило доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладило нанесенный преступлением вред.

В п. 4 Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 Пленум Верховного Суда обратил внимание, что «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при наличии совокупности условий, указанных в ст.88 УК, то есть когда лицо не только возместило причиненный ущерб либо уплатило доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладило нанесенным преступлением вред, но и после совершения преступления добровольно,

независимо от мотивов, явилось с повинной или активно способствовало выявлению преступления [1]».

Деятельное раскаяние – это не просто раскаяние в содеянном, но и активная деятельность лица, совершившего преступление. Это как и возмещение или заглаживание нанесенного вреда, так и сотрудничество с органами, ведущими уголовный процесс.

Именно это сотрудничество требует от сотрудников, осуществляющих уголовный процесс, уяснения содержания и уголовно-правового значения норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, что обуславливает эффективность применения этих норм.

Мысль о позитивных посткриминальных действиях, закрепленных в законе в качестве условий освобождения от уголовной ответственности, может быть подсказана правонарушителю работниками правоохранительных органов. Работники правоохранительных органов должны всячески пропагандировать позитивное посткриминальное поведение, разъяснять его сущность, акцентируя внимание на правовом значении и последствиях такого поведения [2, с. 64].

Очень важно вежливое и деликатное обращение с заявителями, добровольно явившимися с повинной. Поэтому работники правоохранительных и иных государственных органов должны обладать необходимыми моральными качествами. Неприемлемо, когда на работу в правоохранительные органы и органы юстиции поступают социально незрелые лица или лица с искаженными ценностно-правовыми ориентациями.

Судебная практика показала, что суды отказывают в удостоверении ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности, предусмотренном ст. 88 УК, если конкретные обстоятельства содеянного и данные о личности обвиняемого, по мнению суда, не дают оснований для применения данной статьи [3, с. 17].

Пленум Верховного Суда признал такую практику правильной и ориентировал суды на то, что «освобождение от уголовной ответственности является актом индивидуального правоприменения, для которого недостаточно лишь формального соблюдения условий, указанных в ст. 88 УК. Судам надлежит учитывать конкретные обстоятельства совершения преступления, поведение лица как до, так и после его совершения, данные, характеризующие личность обвиняемого [1]».

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности возможно только при наличии таких условий, которые в совокупности

свидетельствуют об отсутствии необходимости применения к обвиняемому наказания.

Реализация права на освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности должна основываться на совокупности объективно установленных в ходе судебного разбирательства фактах и обстоятельствах и их надлежащей оценке судом, в противном случае такое решение не может быть признано законным и обоснованным.

Освобождение лица от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния имеет место быть, когда дальнейшее поведение субъекта, совершившего преступное деяние, поддерживается в режиме законопослушания.

Крайне важно показать перспективу деятельного раскаяния не только без применения уголовного наказания, но и при отсутствии правоограничений, которые лицо могло испытывать, находясь в режиме уголовного преследования, судимости.

Освобождая виновного от обязательства претерпеть меры государственного принуждения, государство отказывается от конфликта и тем самым идет на компромисс. Это стимулирует раскрытие преступлений и предотвращение их опасных последствий. Кроме того, облегчается работа сотрудников, осуществляющих уголовный процесс, а также уменьшаются затраты государства на борьбу с преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.court.by/jurisprudence/Post_plen/criminal/toco/cae9d2aedc1bdaa2.html – Дата доступа: 06.10.2015.

2. Хатенкевич, Т. Проблемы адекватности применения норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям // Юстиция Беларуси. – 2004. – №8. – С. 63–65.

3. Калинкович, В. А. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) / В. Калинкович, В. Ракитский, Л. Дулько // Судовы веснік. – 2012. – №2. – С. 16–25.

УДК 343

К.А. КУЗЬМИЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В законодательстве допускается употребление лишь тех терминов, сущность которых четко определена. Данная мера способствует единообразному исполнению норм, верной их трактовки и правильной квалификации деяний. К сожалению, в настоящее время законодатель допускает использование терминов, значение которых многозначно, либо терминов, имеющих оценочный характер. Одним из таких понятий является «существенный вред» в понятии преступления, закрепленном в ч. 2 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) – злоупотребления властью или служебными полномочиями».

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 19 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» разъяснил: «при решении вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным (ч. 2 ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь), судам нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка».

Примечательно, что оценочное понятие «существенный вред» раскрывается через такие же оценочные понятия «подрыв авторитета», «нарушение конституционных прав» и т.д. Тем самым не предлагаются четкие критерии отграничения существенности нарушения конституционных прав: что следует признавать существенным – нарушение права на отдых или права на жизнь?

Следует признать обоснованным высказанное в литературе предложение при определении содержания понятия «существенный вред» идти по пути формирования примерного (ориентирующего) перечня

обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424–426 УК. Так, некоторые авторы предлагают включить в данный перечень следующие последствия:

- причинение морального вреда, возмещение которого оценивается в сумму, в 250 и более раз превышающую базовую величину;
- причинение умышленно легкого телесного повреждения или умышленное создание ситуации, вследствие которой были спровоцированы неосторожные действия других лиц, повлекшие причинение менее тяжких или тяжких телесных повреждений (хотя бы одному лицу);
- сокрытие в особо крупных размерах порчи, утраты, недостачи имущества, возникших не по вине данного должностного лица или подчиненных ему лиц;
- совершение преступлений другими лицами;
- сокрытие должностным лицом преступления (независимо от его тяжести);
- нецелевое использование выделенных государством финансовых ресурсов в особо крупном размере.

Заметим также, что Верховный Суд Республики Беларусь в своем постановлении расширил закрепленные законом рамки. Так, в ч. 2 ст. 424 УК последствиями признаются причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, а в постановлении говорится еще и о том, что существенным также признается вред, причиненный организациям. Данное утверждение обосновано, однако не соответствует тексту уголовного закона, что требует его совершенствования.

На наш взгляд, наряду с указанными в законе последствиями следует также учитывать и возможность причинения существенного вреда не только правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, но и нематериальным интересам юридических лиц всех форм собственности, а также иным организациям.

УДК 343

Д.А. ЛАЗАРЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одними из наиболее распространенных преступлений являются преступления против собственности, среди них – хищения имущества. Ещё в Статуте ВКЛ 1529 года присутствовало данное преступление. Однако четкого определения понятия хищения не было в законодательных актах вплоть до принятия Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК).

В соответствии с ч. 1 примечаний к главе 24 «Преступления против собственности УК «под хищением в настоящей главе понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники». Тем самым законодатель дал достаточно исчерпывающее определение понятие хищения и перечислил его формы. Однако открытым остался вопрос о том, что же может являться предметом хищения, ведь формулировки в определении предмета «чужим имуществом или правом на имущество» не достаточно в определении столь сложного вопроса. В связи с этим необходимо провести дополнительное разъяснение такого важного вопроса, как предмет хищения.

Предметом хищения имущества может выступать как право на имущество, так и само имущество.

Под правом на имущество следует понимать полномочия собственника по владению, пользованию, распоряжению имуществом, находящимся в его собственности.

В уголовном праве Республики Беларусь под имуществом понимаются вещи материального мира, обладающие такими характеристиками, как экономическая стоимость, потребительская ценность (удовлетворяет определённые потребности человека) и меновая стоимость (выраженная в затраченном человеческом труде).

Имущество как предмет хищения означает, что похищенное имущество принадлежит другому лицу. Оно является чужим для похитителя, он не имеет на него ни предполагаемого, ни действительного права собственности или права законного владения.

Согласно гражданскому законодательству Республики Беларусь имущество может быть движимое и недвижимое. Соответственно каждый из видов имущества может выступать в качестве предмета хищения. Остановимся на каждом виде подробнее:

Под недвижимым имуществом в соответствии со статьёй 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), следует понимать: земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места.

К недвижимым вещам также приравниваются предприятие в целом как имущественный комплекс, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река-море», космические объекты. Законодательными актами к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Движимым имуществом считается имущество, не отнесенное к недвижимому, включая деньги и ценные бумаги.

Под деньгами следует понимать национальную и иностранную валюту. Национальной валютой в соответствии со статьёй 141 ГК является белорусский рубль, обязательный к приёму по нарицательной стоимости.

Иностранной валютой в соответствии с Законом Республики Беларусь «О валютном регулировании и валютном контроле» являются денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в соответствующем иностранном государстве или группе государств, а также изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки и средства в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах, находящиеся на счетах в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь, банках и иных кредитных организациях за пределами Республики Беларусь.

Валюта, изъятая из обращения, также является предметом хищения, если она представляет какую-либо другую ценность, кроме эквивалентной, к примеру историческую.

Ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности статья 143 ГК.

Предметом хищения могут быть и иные средства, выполняющие роль какого-либо эквивалента, дающего права на получение каких либо выгод или услуг для их обладателя – проездные билеты, почтовые марки.

Не являются предметом хищения имущества (глава 24 УК) печати, штампы, бланки, официальные документы. Ответственность за хищение этих предметов предусмотрена ст.ст. 377, 378 УК (глава 33 «Преступления против порядка управления»).

Предметы, вещества, материалы, частично или полностью изъятые из гражданского оборота, такие как огнестрельное оружие, боеприпасы, наркотические средства, психотропные вещества, ядовитые вещества и др., также не относятся к предмету хищения имущества. Ответственность за их хищение наступает по другим статьям УК Республики Беларусь.

Кроме того, не могут являться предметом хищения части природной биосферы, находящиеся в естественной среде, такие как птицы, рыбы, дикие животные, деревья. Незаконные действия против этих объектов живой природы квалифицируются как преступления против природной среды, а не против собственности. Однако всё те же птицы, рыбы, животные, деревья могут являться предметом хищения имущества, если к ним приложен человеческий труд и у них соответственно появился такой параметр, как меновая стоимость – заготовленная древесина, рыба, выращиваемая в специальных водоёмах, и т.п.

Таким образом, для определения имущества как предмета хищения необходимо, чтобы в нём присутствовали следующие признаки: экономическая стоимость, то есть стоимость в денежном эквиваленте; потребительская ценность, иначе говоря, способность удовлетворять определённые потребности человека; меновая стоимость – выраженная в затраченном человеческом труде. Чужим является имущество, если у лица совершившего хищение, отсутствовало реальное право на похищенное.

Можно предложить классификацию хищений в зависимости от предмета посягательства:

- 1) хищения, посягающие на отношения собственности (глава 24 УК);
- 2) хищения, посягающие на общественную безопасность (глава 27 УК);
- 3) хищения, посягающие на здоровье населения (глава 29 УК);
- 4) хищения, посягающие на порядок обращения с официальными документами (глава 33 УК).

УДК 343

И.В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина»

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ, СБОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Республика Беларусь и Российская Федерация являются странами-участницами Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В связи с этим представляет интерес сравнительно-правовая характеристика норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, устанавливающих ответственность за налоговые правонарушения.

Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов как преступление предусмотрено в уголовном законодательстве и Беларуси, и России: это ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [1] и ст. 198 и ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2].

В Беларуси обязательным (квалификационным) признаком уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, позволяющим разграничить преступление и административное правонарушение, является крупный размер. Как установлено в примечании к ст. 243 УК Республики Беларусь, крупный размер признается, когда сумма неуплаченных налоговых платежей превышает в 1 000 раз размер базовой величины (далее – БВ), установленный на день совершения преступления. С 1 января 2015 г. БВ в Беларуси составляет 180 000 бел. рублей. Тем самым уголовная ответственность наступает при неуплате таможенных платежей на сумму 180 млн. бел. рублей и более. На 13.10.2015 г. по курсу Национального Банка Республики Беларусь 1 доллар США составляет 17 162 бел. руб., тем самым 180 млн. бел. руб. эквивалентно 10 422 долларам США.

Согласно примечанию к ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица» крупным размером в данной статье признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 600 000 рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов

подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1,8 млн., особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 3 млн. рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 9 млн. рублей. В ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» УК РФ крупным размером признается сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 2 млн. рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 6 млн. рублей, особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более десяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 30 млн. рублей. Таким образом, если налогоплательщик-физическое лицо уклонился от уплаты сумм налогов и (или) сборов в сумме, превышающей 1,8 млн. рублей, то может иметь место состав налогового преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 198 УК РФ, а если превышает 9 млн. рублей, то можно говорить о налоговом преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 198 УК РФ. Если налогоплательщик-организация уклонился от уплаты сумм налогов и (или) сборов в сумме, превышающей 6 млн. рублей, то может иметь место состав налогового преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, 30 млн. рублей – соответственно ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Как видно как в ст. 198, так и в ст. 199 УК РФ законодатель не принимает в расчет процентное отношение данных сумм к общей сумме подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов. На 16.10.2015 г. по курсу Центрального банка Российской Федерации 1 доллар США составлял 62,2 российского рубля; 1,8 млн. руб. эквивалентно 28 939 долларам США, 9 млн. – 144 695 долларам США, 6 млн. – 96 463 долларам США, 30 млн. – 482 315 долл. Тем самым сейчас квалификационный размер ущерба в РФ почти в 3 раза для физических лиц и почти в 10 раз больше для юридических лиц, чем аналогичный обязательный (квалификационный) ущерб в ст. 243 УК Республики Беларусь.

Еще в начале 2015 г. 1 доллар США составлял примерно 56 руб.; 1,8 млн. рублей было эквивалентно примерно 32 142 долларам США. Тем самым за счет снижения курса рос. руб. по отношению к доллару без изменения текста УК РФ произошла фактическая криминализация деяний, которые ранее преступными не признавались.

Как видно, в России размер ущерба в статьях УК РФ определяется в абсолютных цифрах, а в Беларуси – в относительных – в базовых

величинах. Подобный подход к конструированию норм Особенной части УК будет постоянно приводить к тому, что размер ущерба, позволяющего разграничивать преступление и административное правонарушение, в Беларуси и России никогда не будет одинаковым. Тем самым то, что сегодня является преступлением в России, не признается таковым в Беларуси, а завтра ситуация может измениться наоборот. То же касается соотношения размеров квалификационного ущерба в уголовном законодательстве России, Беларуси и Казахстана.

Различны подходы законодателей к установлению квалифицирующих признаков. Ст. 243 УК Республики Беларусь включает только две части, при этом в ч. 2 устанавливается ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, совершенное в особо крупном размере. В УК РФ законодатель выделил два самостоятельных состава преступления: это «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица» (ст. 198) и «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» (ст. 199). В УК РФ иной набор квалифицирующих признаков: это уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, совершенное группой лиц по предварительному сговору (п. а ч. 2 ст. 199 УК РФ).

В примечании к стст. 198, 199 УК РФ закреплено основание освобождения от уголовной ответственности по всем частям этих статей – лицо, впервые совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации. В Беларуси подобное обязательное специальное основание освобождения от уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей не выделяется. Однако в теории уголовного права Беларуси существует такое понятие как деятельное раскаяние, т.е. активное содействие выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем, добровольное возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением.

Ст. 88 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» УК Республики Беларусь устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и

внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере 50 процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее 30 базовых величин. Освобождение по ст. 88 УК Республики Беларусь – это не обязанность, а право следователя, прокурора или суда. Ст. 88-1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем» УК Республики Беларусь предусматривает право Президента Республики Беларусь освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам и не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, может быть освобождено от уголовной ответственности в порядке, установленном законодательным актом, если оно добровольно возместило причиненный ущерб (вред), уплатило доход, полученный преступным путем, а также выполнило иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом.

Тем самым деятельное раскаяние по общему правилу в Беларуси может быть смягчающим ответственность обстоятельством при назначении наказания и не является основанием обязательного освобождения от уголовной ответственности.

На наш взгляд, содержащееся в примечании к ст. 198 и ст. 199 УК РФ основание обязательного освобождения от уголовной ответственности при условии уплаты налогов, пени, штрафа лишает эту статью, прежде всего, силы предупредительного воздействия: теперь каждый правонарушитель в России знает, что если его правонарушение будет выявлено, то он все-равно сможет избежать уголовной ответственности, уплатив то, что и так должен был уплатить, плюс штрафные санкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Эталон-онлайн [<http://etalonline.by/>]. – 2015. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа: 11.10.2015 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации / КонсультантПлюс [<http://www.consultant.ru/>]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>. – Дата доступа: 11.10.2015 г.

УДК 343

И.В. ЛОСЕВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина»

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

Республика Беларусь и Республика Казахстан имеют общую таможенную территорию и таможенную границу как страны-участницы Таможенного союза. Очевидна необходимость унификации таможенного законодательства Беларуси и Казахстана, а также норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, устанавливающих ответственность за таможенные правонарушения.

Уклонение от уплаты таможенных платежей как преступление предусмотрено в уголовном законодательстве и Беларуси, и Казахстана: это ст. 231 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (далее – УК Республики Беларусь) [1] и ст. 236 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. (далее – УК РК) [2].

В Беларуси обязательным (квалификационным) признаком уклонения от уплаты таможенных платежей, позволяющим разграничить преступление и административное правонарушение, является крупный размер. Как установлено в примечании к ст. 231 УК Республики Беларусь, крупный размер признается, когда сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в 2 000 раз размер базовой величины (далее – БВ), установленный на день совершения преступления. С 1 января 2015 г. БВ в Беларуси составляет 180 000 бел. рублей. Тем самым уголовная ответственность наступает при неуплате таможенных платежей на сумму 360 млн. бел. рублей и более. На 13.10.2015 г. по курсу Национального Банка Республики Беларусь 1 доллар США составляет 17 162 бел. руб., тем самым 360 млн. бел. руб. эквивалентно 20 977 долларам США.

Согласно п. 38 ст. 3 УК РК «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» крупным размером в ст. 236 «Уклонение от уплаты таможенных платежей и сборов» УК РК признается стоимость неуплаченных таможенных платежей, превышающая пять тысяч месячных расчетных показателей. Месячный расчетный показатель (далее – МРП) устанавливается Законом Республики Казахстан «О республиканском бюджете» на соответствующий год. Согласно п. 4 ст. 11 Закона Республики Казахстан от 28.11.2014 г.

«О республиканском бюджете на 2015-2017 годы» с 1 января 2015 года месячный расчетный показатель для исчисления пособий и иных социальных выплат, а также применения штрафных санкций, налогов и других платежей в соответствии с законодательством Республики Казахстан составляет 1 982 тенге. Тем самым уголовная ответственность наступает при неуплате таможенных платежей на сумму 9 910 000 тенге и более. На 16.10.2015 г. по курсу Национального банка Казахстана 1 доллар США составляет 277,05 тенге; 9 910 000 тенге эквивалентно 35 770 долларам США, что сейчас почти в два раза больше, чем аналогичный обязательный (квалификационный) ущерб в ст. 231 УК Республики Беларусь.

Еще в начале 2015 г. 1 доллар США составлял примерно 182 тенге; пять тысяч МРП было эквивалентно примерно 52 450 долларам США. Тем самым за счет снижения курса казахского тенге по отношению к доллару без изменения текста УК РК произошла фактическая криминализация деяний, которые ранее преступными не признавались.

Как видно, в уголовном законодательстве и Казахстана, и Беларуси размер имущественного ущерба определяется не в абсолютных цифрах – тенге и белорусских рублях, а в относительных цифрах – в месячных расчетных показателях и в базовых величинах соответственно. Подобный подход к конструированию норм Особенной части УК конкретного государства в условиях постоянного изменения экономической ситуации, инфляционных процессов оправдан. Однако, вместе с тем, это будет постоянно приводить к тому, что размер ущерба, позволяющего разграничивать уклонение от уплаты таможенных платежей как преступление и административное правонарушение, в Беларуси и Казахстане никогда не будет одинаковым. Тем самым то, что сегодня является преступлением в Беларуси, не признается таковым в Казахстане, а завтра ситуация может измениться наоборот. То же касается соотношения размеров квалификационного ущерба в уголовном законодательстве России, Беларуси и Казахстана, хотя, как представляется, на общей таможенной территории этих государств такого быть не должно.

Различные подходы законодателей к установлению квалифицирующих признаков. Ст. 231 УК Республики Беларусь включает только две части, при этом в ч. 2 устанавливается ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей повторно либо группой лиц по предварительному сговору. В УК РК иной набор квалифицирующих признаков: это уклонение от уплаты таможенных платежей, совершенное: должностным лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 236 УК РК); преступной группой (ч. 3 ст. 236 УК РК).

В Беларуси общее понятие повторности преступлений закреплено в ст. 41 УК Республики Беларусь: это совершение двух и более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК Республики Беларусь. Можно обратить внимание – совершение двух и более преступлений, т.е. уклонений от уплаты таможенных платежей, каждое из которых составляло размер более 2 000 базовых величин, поскольку это преступление имеет материальный состав, а не просто деяний, которые могут образовывать и административное таможенное правонарушение. Поэтому в Беларуси несколько эпизодов уклонения от уплаты таможенных платежей – каждый на сумму менее 2 000 базовых величин, которые не охватывались единым умыслом, признаются только административными правонарушениями, а не преступлением, поскольку в таком случае сложение сумм неуплаченных таможенных платежей недопустимо.

В ст. 231 УК Республики Беларусь не выделяется такой квалифицирующий признак, как уклонение от уплаты таможенных платежей, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Данный признак не выделяется потому, что понятия должностного лица в уголовном законодательстве Беларуси и Казахстана не одинаковы по объему. В Казахстане к должностным лицам относятся лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан (п. 26 ст. 3 УК РК). Тем самым не признаются должностными лица, выполняющие управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления или государственным учреждением.

В Республике Беларусь ответственность всех должностных лиц – как государственных, так и негосударственных учреждений, организаций, предприятий за преступления одинакова. Об этом сказано в понятии должностного лица, закрепленном в ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь: должностными лицами, наряду с иными, признаются представители власти, а также лица, занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности) должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в

установленном порядке на совершение юридически значимых действий. Поскольку в Беларуси установлена равная уголовная ответственность должностных лиц в государственном и частном секторах, нет оснований для усиления ответственности должностных лиц предприятий как государственной, так и частной форм собственности ответственности по сравнению с ответственностью частных лиц (физических лиц, в т.ч. индивидуальных предпринимателей) за уклонение от уплаты таможенных платежей.

В примечании к ст. 236 УК РК закреплено основание освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 этой статьи – добровольная уплата суммы недоимки, начисленной пени, сумм штрафов, установленных законодательством Республики Казахстан, если в действиях лица не содержится состав иного преступления. В Беларуси подобное обязательное специальное основание освобождения от уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей не выделяется. Однако в теории уголовного права Беларуси существует такое понятие как деятельное раскаяние, т.е. активное содействие выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем, добровольное возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением.

Кроме того, ст. 88 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» УК Республики Беларусь устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин. Освобождение по ст. 88 УК Республики Беларусь – это не обязанность, а право следователя, прокурора или суда. Ст. 88¹ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем» УК Республики Беларусь предусматривает право Президента Республики Беларусь освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, повлекшее причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического

лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам и не сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека, может быть освобождено от уголовной ответственности в порядке, установленном законодательным актом, если оно добровольно возместило причиненный ущерб (вред), уплатило доход, полученный преступным путем, а также выполнило иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом.

Тем самым деятельное раскаяние по общему правилу в Беларуси может быть смягчающим ответственность обстоятельством при назначении наказания и не является основанием обязательного освобождения от уголовной ответственности.

На наш взгляд, содержащееся в примечании к ст. 236 УК РК основание обязательного освобождения от уголовной ответственности при условии уплаты таможенных платежей, пени, штрафа лишает эту статью, прежде всего, силы предупредительного воздействия: теперь каждый правонарушитель в Казахстане знает, что если его правонарушение будет выявлено, то он все-равно сможет избежать уголовной ответственности, уплатив то, что и так должен был уплатить. Более того, введение подобных оснований освобождения от уголовной ответственности за правонарушения в сфере таможенного регулирования следовало бы, как представляется, на общей таможенной территории согласовывать с официальными представителями России и Беларуси.

Вместе с тем вполне обоснованно было бы дополнение ст. 231 УК Республики Беларусь частью 3 с особо квалифицирующим признаком «организованной группой», как это сделано, к примеру, в ч. 4 ст. 228 «Контрабанда» УК Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Эталон-онлайн [<http://etalonline.by/>]. – 2015. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа: 11.10.2015 г.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Законодательство стран СНГ [<http://base.spinform.ru/>]. – 2015. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429/. – Дата доступа: 11.10.2015 г.

УДК 343

Ю.В. ЛУКИЧЁВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Одной из центральных правовых категорий данного исследования выступают культурные ценности. Культурные ценности, согласно Закону Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 98-С «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь», – это материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человека (нематериальные историко-культурные ценности), которые имеют отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства и которым придан статус историко-культурной ценности. При этом немаловажно, что законодательно закреплена классификация историко-культурных ценностей на определенные категории в зависимости от их историко-культурной значимости. Так, выделяют следующие категории историко-культурных ценностей:

1) категория «0» – историко-культурные ценности, которые включены или предложены для включения в установленном порядке в Список всемирного культурного и природного наследия или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой;

2) категория «1» – историко-культурные ценности, отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства которых имеют международную значимость;

3) категория «2» – историко-культурные ценности, отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства которых имеют национальную значимость;

4) категория «3» – историко-культурные ценности, отличительные духовные, художественные и (или) документальные достоинства которых имеют значимость для отдельных регионов Республики Беларусь [1].

Характер и степень уголовно-правовой защиты историко-культурных ценностей на каждом из этапов становления белорусской государственности были различны. Как справедливо отмечается в юридической литературе, развитие системы уголовно-правовых мер, направленных на обеспечение сохранности культурных ценностей, происходило медленно и непоследовательно, что обусловлено

особенностями эволюции представления о самих этих предметах и их роли в жизни общества. В настоящее время, согласно действующему УК Республики Беларусь (далее – УК), помимо прочих, уголовно-наказуемым деянием признается нарушение норм международного гуманитарного права, охраняющих культурные ценности в случае вооруженных конфликтов (п. 8, 8-1 ст. 136 УК) [2, с. 94, 97]. Именно этот аспект уголовно-правовой охраны культурных ценностей и рассматривается мною в данной работе.

Одним из первых международных правовых актов в сфере охраны культурного наследия стала Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Ратифицировавшая данный акт Республика Беларусь имплементировала некоторые нормы международного права в собственное законодательство.

Так, ст. 136 УК предусматривает ответственность за нарушения в сфере гуманитарного права. Данная статья выделяет 17 составов преступных деяний, два из которых касаются сохранения культурного наследия.

Поскольку умысел (только прямой), мотив (месть, корысть, стремление достичь военного превосходства, нанести моральный вред и т.д.) и субъект (как правило, представители командования армий противоборствующих сторон, представители оккупационных властей) у обоих составов идентичны, центральное место в работе занимают особенности их понятийного аппарата и квалификации [4, с. 312].

Первый состав содержится в п. 8 ст. 136 УК, которым установлена ответственность за превращение в объект нападения или уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой, при отсутствии военной необходимости, а равно хищение таких ценностей в крупных масштабах или совершение в отношении них актов вандализма. Предметом преступления являются культурные ценности, которыми считаются независимо от происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес произведения искусства, рукописи, книги, а также иные предметы и коллекции;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в п.е «а», а также укрытия, предназначенные для

сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в п. «а»;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в п. «а» и «б» [5].

Объективная сторона преступления может выражаться в следующих альтернативных деяниях:

1) превращение в объект нападения культурных ценностей, находящихся под защитой (т.е. военно-целевое, в качестве боевой задачи, их уничтожение);

2) уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой;

3) хищение в крупных масштабах культурных ценностей, находящихся под защитой;

4) совершение в отношении этих ценностей актов вандализма.

Обязательными признаками рассматриваемого преступления являются его совершение во время вооруженного конфликта и отсутствие военной необходимости уничтожения ценностей либо превращения их в объект нападения в целях поражения военного противника. При этом обязательным признаком уничтожения и хищения культурных ценностей, находящихся под защитой, является указание на их крупный масштаб. Поскольку это понятие законодателем не раскрыто, то этот признак следует применять с учетом фактических обстоятельств, исходя из охвата преступным посягательством культурных ценностей, находящихся под защитой, размера ущерба, причиняемого данным преступлением.

В смысле п. 8 ст. 136 УК действия виновного признаются совершенными при отсутствии военной необходимости, если они выходят за пределы допустимого нарушения обязательства воздерживаться от совершения враждебного акта против культурных ценностей со ссылкой на крайнюю необходимость. Согласно ст. 6 Второго протокола 1999 г. «нарушение обязательства воздерживаться от совершения враждебного акта против культурных ценностей со ссылкой на крайнюю военную необходимость может допускаться только тогда, когда:

а) эти культурные ценности по своему назначению превращены в военный объект;

б) нет никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества помимо той, которую можно получить в результате совершения враждебного акта против этого объекта» [3].

Состав рассматриваемого преступления может быть как материальным, так и формальным. Оно считается оконченным с начала нападения на культурные ценности, или с момента, когда их уничтожение или хищение достигают крупных масштабов, или с момента причинения

ущерба этим культурным ценностям действиями, составляющими акт вандализма. Для признания оконченным состава преступления достаточно лишь начала действий, составляющих нападение, независимо от повреждений объекта, их характера и масштаба [6, с. 52-55].

Второй состав описан в п. 8¹ ст. 136 УК, которая устанавливает ответственность за использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий, а равно превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения.

Согласно ст. 10 Второго протокола Гаагской конференции 1999 г., культурные ценности могут быть взяты под усиленную защиту, если они отвечают следующим условиям:

а) являются культурным наследием, имеющим огромное значение для человечества;

б) охраняются благодаря принятию на национальном уровне надлежащих правовых и административных мер, признающих их исключительную культурную и историческую ценность, и обеспечивающих защиту на самом высоком уровне;

в) не используются для военных целей или прикрытия военных объектов и сторона, осуществляющая контроль над культурными ценностями, сделала заявление в подтверждение того, что они не будут использоваться подобным образом [7].

Белорусское законодательство к таким объектам относит историко-культурные ценности категории «0», т.е. ценности, включенные или предложенные для включения в Список мирового культурного и природного наследия или в Международный список мирового наследия, которое находится под угрозой.

В смысле п. 8¹ ст. 136 УК действия виновного признаются совершенными при отсутствии военной необходимости, если они выходят за пределы допустимого нарушения обязательства не использовать культурные ценности в целях, которые могут поставить их под угрозу разрушения или ущерба, со ссылкой на крайнюю необходимость. Обратное допускается лишь в случае, когда нет возможности выбрать между таким использованием и другим возможным методом для получения равноценного военного преимущества [3].

Таким образом, содержащиеся в ст. 136 УК нормы применяются в исключительной ситуации – в случае гуманитарной катастрофы, что обуславливает обилие имплементированных норм различных конвенций, протоколов и др. международных правовых актов. Тем не менее, на мой взгляд, в целях дополнительной защиты культурных ценностей следует исключить возможность наступления ответственности за хищение в

зависимости от их размера или масштаба. Уголовная ответственность должна наступать независимо от стоимости или количества предмета хищения, поскольку рассматриваемые деяния причиняют вред прежде всего, общественным отношениям в сфере сохранения культурного достояния как особой составляющей нации и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 января 2006 г., № 98-С // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/1195>. – Дата доступа: 03.10.2015.
2. Шилин, Д. В. Развитие уголовного законодательства Беларуси в области охраны историко-культурных ценностей / Д. В. Шилин // Юридический журнал. – 2008. – № 2 (14). – С. 94–98.
3. Комментарий у Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка, Н. А. Бабий, А. В. Барков и др.; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]. – 2-е изд., с изменениями и дополнениями. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
5. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Электронный ресурс] : принята в г. Гааге 14 мая 1954 г. // Законодательство и права человека. – Режим доступа : <http://www.memo.ru/prawo/hum/haag54.htm>. – Дата доступа : 28.09.2015.
6. Шилин, Д. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Республике Беларусь / Д. В. Шилин. – Минск : РИВШ, 2014. – 136 с.
7. Второй протокол к Гаагской конференции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. [Электронный ресурс] : принят в г. Гааге 26 марта 1999 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml. – Дата доступа: 03.10.2015.

УДК 343.3/7

Д.С. МАЛИНИНА

Новополоцк, ПГУ

Научный руководитель: Е.В. Дехтярев, кандидат юридических наук

СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

Реформирование экономической сферы деятельности государства является трудоемким процессом, является очень трудным делом, на его пути встречается множество препятствий. Рискованная экономическая деятельность в рамках рыночной экономики связана с жесткой конкуренцией, в условиях инициативные люди могут добиться больших успехов, стать богатыми и независимыми от власти, а с другой стороны может привести к банкротству. Необоснованные риски, неумелое руководство предприятиями могут привести и часто приводят к падению платежеспособности участников рынка, к их несостоятельности с точки зрения платежеспособности и возврата кредитов. Но это необходимо для экономики, таким образом, происходит развитие и укрепление сильных субъектов экономической деятельности [1, с. 3].

Исторически банкротство само по себе считалось серьезным преступлением. Если обратиться к этому вопросу, то можно заметить, что наказание для банкротов была жестким, вплоть до смертной казни должника. В свое время Наполеон вообще сравнивал должников с капитанами, покинувшие корабль [2].

В Царской России, по законодательству того времени, за совершение злостного банкротства в сфере торговли высылали в Сибирь на поселение и лишали всех привилегий. Лица, совершавшие это же преступление, но работавшие в другой сфере, могли «отделаться» временным заключением под стражу сроком до двух с половиной лет с клеймом вора на теле [2].

В современном мире закон более лоялен к банкротам, поскольку, смыслом процедуры банкротства заключается не в том, чтобы осуществить процедуру ликвидации предприятия и распродать все имеющее у него имущество, а в том, что бы постараться изыскать способы его «реанимации» и восстановления платежеспособности [2]. Если это не возможно, то в соответствии с законодательством распределить его активы между кредиторами.

Банкротство само по себе является инструментом свободного экономического рынка. В условиях криминализации банкротство стало средством недобросовестного обогащения, захвата и передела собственности.

В зависимости от цели, способов и личности выгодоприобретателя можно выделить два вида криминального банкротства:

1. Так называемые «заказные» банкротства, связанные либо со стремлением захвата предприятия новым собственником, либо с устранением его с рынка и завладением его активами. Выгодоприобретателем в «заказных» банкротствах, как правило, является некое третье лицо, не совпадающее с личностью организации-должника. Цель его действий – отъем собственности должника без его воли. Способы могут приниматься самые разные, одни из которых – скупка долгов должника, инициирование процедуры банкротства, установление контроля над имуществом должника и над возможностью принятия управленческих решений.

2. Неправомерные действия, связанные с процедурами банкротства. Данное направление характеризуется тем, что криминальный передел осуществляется либо управляющей этой собственностью группой, либо долевым собственником, стремящимся изменить форму собственности в свою пользу [3, с. 185]. Выгодоприобретателями обычно являются лица, называемые субъектами преступлений, предусмотренных в статьях 238-240 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Субъектами криминального банкротства является специальное лицо:

- индивидуальный предприниматель;
- должностное лицо юридического лица;
- учредитель(участник) юридического лица;
- собственник имущества юридического лица.

Одним из основных средств совершения преступлений, связанных с обнаружением экономической несостоятельности (банкротства), выступают документы как носители, отражающие не соответствующую действительности информацию о финансовом состоянии субъекта предпринимательской деятельности [4, с.89].

Как показывает правоприменительная практика, составы УК, посвященные ответственности за криминальные банкротства (ст.ст. 238-240 УК), практически не применяются. Согласно статистическим данным Министерства юстиции Республики Беларусь с 1999 года, по этим статьям было осуждено 8 человек, в 2005-2007 годах по статьям 238-240 УК не было осуждено ни одного человека [5, с. 94]. По информации Комитета государственного контроля Республики Беларусь, по статье 239 УК (сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)) в 2008 году было возбуждено 2 уголовных дела [5, с.94]. В 2009 году 1 человек был осужден за криминальное банкротство. За период 2010-2014 года по статьям 238-240 УК не было возбуждено ни одного уголовного дела [6, с. 93]. В большинстве случаев возбужденные уголовные дела по указанным

статьям либо прекращаются (по причине недоказанности виновности), либо переqualифицируются на смежные составы преступлений. Отмечая высокую латентность данных преступлений, причиной этому отечественные и зарубежные исследователи называют нехватку информационного и методического обеспечения выявления и расследования данных преступлений [7]. В тоже время экономический ущерб, наносимыми отдельными преступлениями, связанные с сокрытием экономической несостоятельности (банкротства), в мировой практике, порой исчисляется десятками миллиардов долларов США [4, с. 83].

И в завершении необходимо добавить, что неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство как уголовные преступления представляют собой относительно новое явление в современном обществе. Данная проблема глубоко не изучена современными правоведами. В основном, исследования носят эпизодичный характер и касаются каких-то отдельных проблем в этой сфере. К сожалению, в отечественной литературе очень мало работ, посвященных преступлениям, связанные с банкротством, и тем более, анализу причин их совершения, проблемам противодействия, т.е. криминологическая характеристика этих преступлений практически остается нераскрытой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голышев, А. В. Уголовное ответственность за преднамеренное банкротство: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 12.00.08 / А. В. Голышев; Московский университет МВД России. – М., 2007. – 26 с.
2. Мошенники в законе: банкротство как способ уйти от долгов – на примере России// Информационно – аналитический ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bankrot.by/oa/3665>. – Дата доступа: 10.10.2015.
3. Репецкая, А. Л. Криминальный механизм передела собственности: региональный анализ и основные этапы развития на современном этапе. Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия / А. Л. Репецкая; под ред. Н. А. Лопашенко. // Сб. науч. тр. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2005. – С. 183–189.
4. Третьяков, Г. М. Криминалистический анализ способов совершения преступлений, связанных с сокрытием экономической несостоятельности(банкротства) / Г. М. Третьяков // Юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 83–87.

5. Лукашов, А. И. О некоторых аспектах уголовной политики в сфере противодействия экономическим преступлениям в Беларуси / А. И. Лукашов // БНПИ. Юридический мир. – 2008. – № 4. – С. 92–96.

6. Правонарушения в Республики Беларусь / по ред. И. В. Медведева. – Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Минск, 2015. – 175 с.

7. Ковалишин, А Безнаказанное банкротство / А. Ковалишин // ЛГІАБізнесІнформ: украинская сеть деловой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/allocWWWDAA48A9AD6E019B0C2256D98004E36FC!OpenDocument&ed=2003_09_04.html. – Дата доступа: 10.10.2015.

УДК 343

Е.Ю. МАЛИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ (ПЕРИОД ДО XX ВЕКА)

Проведение историко-правового анализа об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов имеет особое значение в современный период роста наркомании среди населения.

Анализ истории потребления человеком наркотиков позволяет условно выделить ряд стадий данного процесса. Первые исторические записи о далеком прошлом рода человеческого содержат данные о том, что многие народы, начиная с доисторического периода (за 5 тысяч лет до н.э.), употребляли наркотики растительного происхождения по причине их необычных способностей. В зависимости от исторических особенностей, традиций, обычаев, вероисповедания, географического расположения страны и разновидности растущих растений, из которых можно было возделывать наркотики, шло приобщение народа к различным видам наркотических средств. В Южной Америке традиционно употребляли листья коки. В Центральной Америке в качестве одурманивающих веществ при обрядах использовали некоторые виды кактусов. История употребления галлюциногенных грибов тесно связана с ацтекской и

мексиканской культурами. В азиатских странах употребление наркотиков, получаемых из конопли и мака, было обычным явлением [1, с. 37]. На Руси таких препаратов, получаемых из различных трав, мхов, ягод, грибов и т.п. естественных продуктов волхвам и ведунам было известно свыше ста наименований. Этот период характеризуется началом целенаправленного выявления лекарственных средств и проведения экспериментов на рабах.

С развитием науки во времена античности (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) наркотические средства использовались исключительно как лекарства или яды, при этом злоупотребления ими, как правило, не наблюдалось.

В средневековье (V-XVI вв.) под гнетом церкви наука постепенно пришла в упадок и наркомания как феномен не существовала. Психоактивные вещества исследовали алхимики в поисках философского камня. К окончанию средневековья относится развитие фармакологии и первые попытки восстановления античных рецептов и разработки боевых ядов. Случаи наркомании были единичными.

Однако уже в данный период истории были отмечены первые законодательные гонения. Так, в XII веке церковь запретила употребление каннабиса в Испании, в XIII веке во Франции. В 1484 году Папа Иннокентий VIII официально отделил медицинские препараты из конопли, объявив каннабис неосвященным причастием сатанинской мессы [2]. На Руси священнослужители наделялись полицейскими функциями розыска, изобличения и поимки лиц, занимающихся «ведьством, зелинничеством, потворами, чародеяниями и волхованием». Интересно, что во всех редакциях Русской Правды нет статей, прямо указывающих на такого рода правонарушения. Только согласно ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича зелинничество запрещается, а ст. 16 возлагает лечение больных на церковных людей. Привычным наказанием для тех времен являлось сожжение преступивших закон волхвов и пр. на костре или выплата штрафа в пользу митрополита [3].

К эпохе возрождения (XIV–XVIII вв.) относится начало масштабной наркомании. В это же время отмечены первые факты массового злоупотребления наркотиками с целью получения наслаждения от их употребления. В России в конце XV – начале XVI веков новые своды законов – Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г. систематизируют разрозненные нормы Древнерусского права, в том числе по интересующему нас вопросу. Так, в Стоглаве (царском и святительском уложении) волхованию и чародеянию отводится самостоятельная глава (ст. 93 – Ответ о том же еллинском бесовании, и волховании, и чародеянии). Прямые указания на пресечение незаконного оборота наркотиков в нормах Соборного уложения 1649 г. отсутствуют. Исключение составляет ст. 23 главы XXII, предусматривающая смертную

казнь в случае отравления человека зельем. В этой ситуации обвиняемого заставляли пить яд, которым он лишил жизни потерпевшего [3].

С течением времени во всем мире менялось отношение к наркотикам, интерес к ним то пропадал, то вновь возрастал с еще большей силой. Развязанный Англией в XIX веке наркогеноцид по отношению к китайскому народу («Опиумные» войны 1840–1842, 1856–1860 гг.) обернулся трагедией для населения не только Китая, но и приграничных ему территорий. С целью избавиться от разлагающего влияния опиума китайский император в 1839 г. начал операцию по конфискации и уничтожению запасов опиума. Это можно считать первой в истории человечества государственной антинаркотической программой.

На рубеже XIX–XX столетий значительно расширился ассортимент наркотических средств. Это было связано с развитием химической и фармакологической промышленности. Повышение образования и благосостояния людей способствовало стремительному росту незаконного оборота наркотиков. Морфий, кокаин, опий, героин стали привычными лекарственными препаратами, порою чрезмерно рекламируемыми специалистами от медицины. Их использование привело к эпидемии наркомании в отдельных регионах мира. Например, во Франции отмечалось существенное увеличение количества притонов курильщиков опия, в Великобритании дешевый опий продавался в бакалейных лавках и свободно использовался [2].

В связи с этим государства начали вводить некоторые запреты для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Так, в 1845 г. во Франции был принят закон «О наркотических веществах»; в 1864 г. Египет стал первой страной нового времени, запретившей использование конопли; в 1868 г. Актом об аптеках в Англии были введены некоторые ограничения по продаже опиума, кокаина, мышьяка; в 1890 г. гашиш признается незаконным в Турции и Греции.

Несколько слов об упорядочении легального оборота наркотиков в виде готовых лекарственных форм в России. Этот процесс регулировался все более совершенствовавшимся сводом различных юридических документов. Из их перечня можно назвать нормативные акты «О порядке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов» 1813 г., «О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных» 1830 г., «Списки ядовитых и сильнодействующих веществ» 1892 г., «Кокаин, отравления им и воспрещение продажи без рецепта» того же года и др.

Все действия, связанные с продажей наркотиков в аптеках, сводились в единые правила, изложенные в Уставе Врачебном, на статьи которого ориентировались нормы права административного, уголовного и

уголовно-процессуального законодательства. Долгое время они, как и Устав Врачебный (ранее – Аптекарский Устав), помещались в Своде Законов издания 1832, 1845, 1857 и 1902 гг. В 1915 г. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях 1885 г. были опубликованы отдельным Сборником, наподобие кодекса. В нем, в частности, статьями 104, 104¹ 104² отделения «О поступках против народного здоровья» Устава о наказаниях регламентировалось использование (употребление, хранение, продажа) ядовитых и сильнодействующих веществ служащими аптек населению.

Статьи 867, 668, 869, 871¹, 885, 895, 899 Уложения о наказаниях значительно уточняли круг незаконных действий, связанных с ядовитыми и сильнодействующими веществами. В Уголовном уложении имелась только одна норма, имеющая отношение к незаконному распространению наркотиков – о их контрабанде (ст. 279 п. 5) [3].

Таким образом, проведенный анализ исторического развития законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов показывает, что в конце XIX века законодательство в данной области только начинало зарождаться. Современное антинаркотическое законодательство стало складываться только во второй четверти XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабиров, Д. Э. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств в зарубежном законодательстве / Д. Э. Кабиров, А. Е. Шалагин // Вестник Казанск. юрид. инст-та МВД России. – 2011. – № 1 (3). – С. 37–43.
2. История борьбы с наркоторговлей [Электронный ресурс] // История России, всемирная история. – Режим доступа: <http://www.istorya.ru/articles/narkotiki.php>. – Дата доступа: 20.10.2015.
3. Калачев, Б. Ф. Наркотики на Руси [Электронный ресурс] / Б. Ф. Калачев // Нет наркотикам : Информационно-публицистический ресурс. – Режим доступа: http://narkotiki.ru/5_5283.htm. – Дата доступа: 20.10.2015.

УДК 343

Е.В. МОСИЯНЧИК

Брест. БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук,
доцент*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА И КЛЕВЕТЫ, СОЕДИНЕННОЙ С ОБВИНЕНИЕМ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Ст. 400 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) в ч. 1 устанавливает уголовную ответственность за заведомо ложный донос о совершении преступления, в ч. 2 – за заведомо ложный донос о совершении преступления, соединённый с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении, либо с искусственным созданием доказательств обвинения, либо совершённый из корыстных побуждений. Ложность сообщаемых сведений может касаться факта совершения преступления, лица, якобы совершившего преступление, фактических обстоятельств совершения преступления, имеющих уголовно-правовое значение. Сообщение о совершении преступления может быть как устным, так и письменным.

Под заведомо ложном доносом понимается сообщение любым способом ложных, не соответствующих действительности сведений:

1. о совершенном преступлении;
2. о готовящемся преступлении;
3. о лицах, принимавших участие в совершении преступлений;
4. о преступлении, которое в действительности не было совершено;
5. о лицах, которые в действительности не принимали участие в совершении преступления, и т.п.

Это преступление посягает на интересы правосудия и помещено законодателем в главу «Преступления против правосудия». Состав данного преступления является формальным. По субъективной стороне вина умышленная, о чем говорит указание на заведомость лжи. Обязательный признак субъективной стороны заведомо ложного доноса – цель: возбуждение уголовного дела и привлечение невиновного к уголовной ответственности. Субъект – общий, ответственность наступает с 16 лет.

Нередки заведомо ложные доносы якобы об изнасиловании. Основная мотивация доносов при этом – желание обогатиться за счет обвиненного. Как правило, здесь все сводится к примитивному

вымогательству: мол, плати или проиграешь. И многие под угрозой оказаться за решеткой или же просто публичного обвинения в столь неприглядном деянии предпочитают расстаться с немалой суммой.

Ответственность за клевету установлена ст. 9.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) и ст. 188 УК Республики Беларусь. Это правонарушение посягает на честь и личное достоинство человека.

В соответствии со ст. 188 УК Республики Беларусь клевета – это распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. Уголовная ответственность наступает в случае повторного совершения этого деяния в течение года после наложения мер административного взыскания за клевету или оскорбление (ч. 1), а также за впервые совершенную клевету, если она содержалась в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, либо была соединена с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Состав данного преступления является формальным. По субъективной стороне вина умышленная. В ч. 1 предусмотрен специальный субъект – лицо, ранее подвергавшееся в течение года административному взысканию за клевету или оскорбление соответственно по ст.ст. 9.2 или 9.3 КоАП, с 16 лет. В ч. 2 субъект общий, с 16 лет.

Распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений – это любые действия, связанные с распространением заведомо ложной неправдивой, неприличной, унижительной для другого человека информации или сведений, причиняющих вред его чести и достоинству, наносящие ущерб его авторитету в собственных глазах и глазах других людей. В частности, это могут быть клевета в разговоре по телефону, клевета в социальных сетях, клевета в письменной форме: записки, надписи, письма и др.

В соответствии с положениями ст. 33 УК Республики Беларусь уголовная ответственность за клевету по ст. 188 УК Республики Беларусь наступает по требованию лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя.

Схожи по внешним признакам заведомо ложный донос и клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Разграничение проводится по субъективной стороне: при заведомо ложном доносе преследуется цель возбуждения уголовного дела и привлечения невиновного к уголовной ответственности; при клевете – унижение чести и достоинства потерпевшего путем распространения

заведомо ложных позорящих измышлений. Адресат заведомо ложного доноса – только правоохранительные органы.

УДК 343

О.В. НИЧИПОРУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭВТАНАЗИЮ

Ст. 3 Всеобщей декларации прав человека гласит: «каждый человек имеет право на жизнь». Это право человека также закрепляется и в Конституции Республики Беларусь. Право на жизнь – это естественное право человека, возникающее с момента его рождения. Оно охраняется государством в процессе всей жизни человека. Гарантией охраны жизни человека является и установление уголовной ответственности за любое противоправное ее лишение. Однако право на жизнь, является именно правом, а не обязанностью. И тут возникает дискуссионный вопрос о добровольном отказе лица от этого права, то есть эвтаназии.

В переводе с греческого «эвтаназия» – это «благая смерть». На данный момент в мире существует три основных подхода к правовой оценке эвтаназии: одни страны выступают за легализацию данной процедуры при условии соблюдения жестких процедурных параметров, другие выступают за полный запрет эвтаназии, а третьи рассматривают процедуру эвтаназии в качестве привилегированного вида убийства.

На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещено. И даже в клятве Гиппократ, которую дает каждый медицинский работник, сказано: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Вопросы эвтаназии регулируются законом Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» – в частности, ст. 31 содержит определение, где под эвтаназией понимается удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием.

В Республике Беларусь просьб об эвтаназии среди людей больных онкологическими заболеваниями достаточно много. Зачастую эти просьбы поступают от больных с длительным хроническим болевым синдромом:

рассеянный склероз, паралич, т. е. от людей, которые годами страдают и устали от своих страданий.

Но в то же время отдельных норм в Уголовном кодексе Республики Беларусь об умышленном лишении жизни другого человека путем эвтаназии не предусмотрено. Следовательно, уголовная ответственность может наступать в таких случаях только путем применения уголовно-правовых норм об умышленном убийстве.

В противоположность данному подходу законодатели ряда других стран демонстрируют, что у них эвтаназия считается отдельно наказуемым уголовным деянием, совершенным любым субъектом, которое предусматривается в качестве самостоятельного состава преступления и влечет меньшую ответственность, чем за простое убийство [1].

Так, в ст. 135 (Эвтаназия) УК Азербайджанской Республики говорится: «эвтаназия, то есть удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекращение искусственных мер по поддержанию жизни» [2]. В ст. 110 (Убийство по просьбе жертвы) УК Грузии предусматривается ответственность за «убийство по настоятельной просьбе жертвы и в соответствии с ее подлинной волей, совершенное с целью освобождения умирающего от сильных физических болей» [3]. В соответствии со ст. 148 УК Молдовы лишение жизни по желанию лица (Эвтаназия) влечет ответственность за «лишение жизни лица в связи с неизлечимой болезнью или невыносимостью физических страданий по желанию лица или в отношении несовершеннолетнего, его родственников» [4].

И данный подход является достаточно целесообразным, так как менее опасное посягательство квалифицируется в рамках более опасного преступления и влечет правовые последствия в рамках этого деяния, что идет в противовес основным принципам уголовного закона и уголовной ответственности. Кроме того убийство из сострадания обладает более низкой общественной опасностью, так как вред лицу причиняется ему по его воле, и обуславливается «мотивом сострадания», «выполнением желания (безусловно, добровольного) тяжелобольного лица уйти из жизни с тем, чтобы избавиться от страданий». Иными словами основным фактором, определяющим более низкую общественную опасность, является иное содержание социально-психологического элемента вины этого посягательства, чем при простом убийстве. Всё это должно влечь уменьшение меры наказания за данное деяние [1]. Что и продемонстрировано в санкциях статей вышеприведённых стран: в Азербайджане – лишение свободы до трёх лет, а за простое убийство от 9 до 15 лет [2]; Грузии – от 2 до 5, а за простое убийство от 7 до 15 лет лишения свободы [3]; Республике Молдова – до 6 лет, а за простое

убийство от 10 до 16 [4]. В связи с этим и основываясь на опыте вышеприведенных стран, верхний предел санкции необходимо установить в виде верхнего предела санкции предусмотренного за простое убийство.

Конечно, существует множество проблем, с решением которых придётся столкнуться, чтобы все признаки нового состава были правильно истолкованы и определены. Так, для правильной квалификации деяния, важным моментом является и установление таких оценочных понятий, как «неизлечимая болезнь» и «мучительные страдания», которым необходимо дать точное определение.

Следует кратко изложить и все элементы состава преступления, которые необходимо четко определить при возможном введении отдельной статьи.

Объектом данного преступления является, жизнь другого человека, также предусмотрен, в качестве обязательного признака, потерпевший – неизлечимо больное лицо, претерпевающее мучительные страдания.

Объективная сторона – противоправное лишение жизни неизлечимого больного.

Так же следует обязательным признаком предусмотреть способ совершения, согласно которому жертве бы причинялись наименьшие страдания из всех возможных.

Субъект предполагаемого состава преступления может быть только специальный – медицинский работник либо близкий родственник потерпевшего, так как именно эти лица в полной мере осведомлены о состоянии неизлечимого больного в силу близкого родства либо исполняемых обязанностей медицинского работника.

Отличительной особенностью рассматриваемого преступления является его субъективная сторона.

Вина выражается в форме умысла, особенностью обладают мотив и цель содеянного: мотив – сострадание, цель – прекращение мучительных страданий неизлечимого больного. При этом корыстная цель не является необходимой. Однако, в целях назначения обоснованного и адекватного наказания необходимо детально исследовать все обстоятельства содеянного [1].

Можно сказать, что необходимость введения отдельной статьи «Эвтаназия», обусловлена: более низкой общественной опасностью этого преступления; желанием помочь потерпевшему преодолеть его мучения; так же тем, что нарушаются такие принципы уголовной ответственности как справедливости и гуманизма, ведь лицо фактически совершает деяние, наносящее в разы меньший вред, чем даже простое убийство, но при этом несёт такое же наказание и правовые последствия как за простое убийство.

В пользу данного мнения свидетельствуют и наличия отдельных статей за эвтаназию в уголовных кодексах стран ближнего и дальнего зарубежья.

Поэтому, целесообразным представляется предусмотреть в УК Республики Беларусь ответственность за эвтаназию и включить в главу 19 «Преступления против жизни и здоровья» УК ст. 140¹ «Эвтаназия», которая будет относиться к группе убийств при смягчающих обстоятельствах (привилегированным составам). Положительным моментом также станет, с одной стороны, обоснованная и логичная гуманизация законодательства и, с другой стороны, четкая юридическая оценка эвтаназии как преступного деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грунтов, И. О. Составы преступлений против жизни в свете принципа субъективного вменения / И. О. Грунтов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь : законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол. : А. В. Барков [и др.] – Минск : БГУФК, 2010. – С.156–165.

2. Юрист – Комплекс правовой информации (законодательство) Республики Казахстан / ПАРАГРАФ-WWW. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#sub_id=1200000. – Дата доступа: 10.10.2015.

3. ЮЛПП Законодательный вестник Грузии / Уголовный кодекс Грузии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>. – Дата доступа: 10.10.2015.

4. Юрист – Комплекс правовой информации (законодательство) Республики Казахстан / ПАРАГРАФ-WWW. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#sub_id=1450000. – Дата доступа: 10.10.2015.

УДК 343

В.К. ОКОРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: Храмов С.М., кандидат юридических наук, доцент

МОТИВЫ УМЫШЛЕННЫХ ВОИНСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Под мотивом преступления понимается то побуждение, которое сыграло решающую роль в выборе того или иного варианта поведения и в совершении преступного деяния. В основе мотива чаще всего лежат

потребности. Потребности, присущие человеку, могут быть моральными, интеллектуальными, эстетическими и др.

Помимо потребностей побуждениями к совершению преступления могут быть интересы и склонности. От особенностей мотива зависят сила воли, динамический характер поведения. Решающее значение имеет то, какое место побуждение, лежащее в основе мотива, занимает в структуре личности, насколько это побуждение связано с общей направленностью личности.

Мотив непосредственно связан с целью. Мотив определяет поведение человека не сам по себе, а лишь в связи с целью. Мотив и цель – понятия тесно связанные, но не тождественные. Они по-разному характеризуют волевой процесс, имеющий место при совершении преступного деяния. Мотив отвечает на вопрос, почему человек совершает то или иное действие, цель определяет, к чему человек стремится при совершении преступления.

Потребности, присущие человеку, могут быть моральными, интеллектуальными, эстетическими и др.

Преступление – это форма выражения и объективизация мотивов преступления.

Преступление совершается непосредственно после того, как побуждение опосредовано осознанием действия и предвидением его дальнейших последствий.

Мотив преступления учитывается при решении вопроса о тяжести преступления (его квалификации), квалификации содеянного, назначения вида и размера наказания.

При назначении наказания, при решении вопроса о привлечении лица у уголовной ответственности или освобождения от нее необходимо учитывать мотивы, которые отнесены к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание.

Мотивы должностных преступлений могут выражаться в виде корыстной заинтересованности либо иной личной заинтересованности.

Корыстный мотив является обязательным признаком многих составов преступлений, хотя прямо об этом в них не сказано.

Понятие корыстных побуждений сформулировано в ч.10 ст.4 УК: это мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или для близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или своих близких от материальных затрат.

Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера как карьеризм,

желание приукрасить действительное положение, скрыть свою некомпетентность и т.п.

На практике совершение военнослужащими должностными лицами умышленных деяний против интересов службы нередко обусловлено ложно понятыми интересами службы. Такой мотив необходимо разграничивать с корыстной или иной личной заинтересованностью.

Ложно понятые интересы службы являются частью общего понятия ложно понимаемых интересов служебной необходимости.

В реальности бывают случаи параллельного существования личных и ложно понятых служебных мотивов, руководствуясь которыми субъект совершает преступление. В таких случаях каждый из мотивов должен получать свою уголовно-правовую оценку как в рамках квалификации, так и при назначении наказания за воинское должностное преступление.

В качестве вывода следует отметить, что мотив является существенным признаком умышленных воинских преступлений. Кроме того, что он является одним из конструктивных признаков состава преступления, мотив формирует соответствующую цель, которая свидетельствует о направленности преступления против интересов военной службы.

УДК 343.72

Д.Д. ОСТАПУК, С.М. ХРАМОВ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБМАНА КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Мошенничество отличается от других форм хищений тем, что способом совершения данного преступления является обман или злоупотребление доверием.

Обман – это деяние, совершённое лицом с прямым умыслом, для чего требуется, чтобы лицо, его совершающее, осознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Иллюстрируя злоупотребления доверием при мошенничестве, И.Я. Козаченко и другие авторы указывают такие альтернативные действия, как: «невозвращение виновным имущества, полученного в прокат; занятие денег или имущества в долг и присвоение их; получение и присвоение банковских кредитов; присвоение арендованного имущества; получение предоплаты по договорам купли-продажи, поставки без намерения вернуть имущество» [1, с. 287].

Отметим, что по мнению П.С. Яни, «злоупотребление доверием нужно считать элементом обмана» [2, с. 15.]. Однако приведенная точка зрения является дискуссионной. Еще Б.С. Никифоров в 1954 году отмечал, что «злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества означает, что потерпевший без какого-либо обмана со стороны виновного, не передавая своего имущества в обладание этого последнего, не принял те меры предосторожности, которые он принял бы в другом случае, например в отношении другого лица» [3, с. 145]. Тем более, что в современной юридической литературе по уголовному праву также указывается на то, что «обман и злоупотребление доверием - это не одинаковые понятия и злоупотребление доверием должно быть исключено из состава мошенничества» [4, с. 182–183.].

Действительно, злоупотребление доверием существенно отличается от обмана в составе мошенничества. Как указывает В.В. Хилюта, «злоупотребление доверием является менее опасным способом совершения преступления, чем обман, обладает меньшей степенью общественной опасности, а многие деяния, формально подпадающие под признаки злоупотребления доверием по имуществу, вообще не являются преступными в силу их малозначительности. В любом случае в основе доверительных отношений, сложившихся между виновным и потерпевшим, «лежат юридические (гражданско-правовые, трудовые или служебные) и (или) фактические (родственные, дружеские, близкие связи) отношения» [5].

Что касается непосредственно обмана, которому мы уделим в данной статье основное внимание, то он может выражаться в двух возможных формах поведения: в сообщении ложных сведений, утверждении о наличии или отсутствии каких-либо фактов или же в намеренном умолчании об обстоятельствах, сообщение о которых в подобной ситуации было обязательным [6, с. 398].

В литературе по уголовному праву выделяется мошеннический обман. По мнению В.В. Хилюты, «мошеннический обман имеет своей целью введение потерпевшего в заблуждение, преступник стремится фальсифицировать его волю таким образом, чтобы мотивом для принятия решения о передаче имущества послужило определенное поведение виновного» [7].

В теории уголовного права различают также активный и пассивный виды обмана.

Активный обман характеризуется преднамеренным введением в заблуждение собственника или иного владельца имущества посредством сообщения заведомо ложных сведений, предоставлением подложных документов или совершением иных действий, создающих у лица

ошибочное представление об основаниях перехода имущества во владение виновного и порождающих у него иллюзию законности передачи этого имущества [8, с. 325]. В качестве примера активного обмана можно привести совершение различного рода фиктивных сделок, направленных на завладение чужими деньгами под видом купли-продажи, найма или залога недвижимости.

С точки зрения формы активный обман может выражаться в виде письменного либо устного сообщения, либо заключаться в совершении различных жестов, телодвижений и действий. Наиболее распространен словесный обман, который может быть совершен в устной или письменной форме. Последняя выражается в предоставлении виновным заведомо подложных либо чужих или недействительных документов. Так, при совершении фиктивных сделок мошенники используют поддельные документы, удостоверяющие личность (паспорт и пр.), различного рода правоустанавливающие документы (нотариально заверенная справка о праве собственности на недвижимость), а также документы, сопровождающие сделку (выписки из домовой книги, финансово-лицевые счета, справки из налоговой инспекции и бюро технической инвентаризации, письменное разрешение на совершение сделки из органов опеки и попечительства при наличии у владельцев недвижимости детей и инвалидов и пр.).

Обман действием выражается в различных поступках, действиях, телодвижениях, а также жестах обманывающего, на основе которых можно сделать вывод об утверждении или отрицании фактов (обстоятельств). Обманные действия (шулерство, знахарство, гадание, условные знаки) применяются для введения в заблуждение потерпевшего и получения таким путём имущества.

Большинство криминалистов рассматривают пассивную форму обмана как умолчание об истине. Правда, одни из них полагают, что такой обман заключается в невыполнении вытекающей из правовых или моральных норм обязанности сообщить о действительных обстоятельствах дела, другие же, напротив, стоят на позиции, согласно которой обязанность говорить правду может быть только юридической и должна вытекать либо из закона, либо из договора [9, с. 244].

В заключении приведем классификацию разновидностей обмана при мошенничестве:

- обман в отношении личности получателя имущества;
- обман относительно предметов;
- обман по поводу различных событий и действий;
- обман в намерениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко [и др.]. – М. : Норма, 2008. – 720 с
2. Яни, П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления / П. Яни // Законность. – 2 008. – № 4. – С. 14– 20.
3. Никифоров, Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР / Б. С. Никифоров. – М. : Издательство АН СССР, 1954. – 157 с.
4. Кочои, С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С. М. Кочои. – М., 2000. – 288 с.
5. Хилюта, В. В. Злоупотребление доверием как самостоятельная форма хищения (ч. 2) / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
7. Хилюта, В. В. Обман – это введение лица в заблуждение / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
8. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб., 2002. – 755 с.
9. Хилюта, В. В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилюта. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.

УДК 343

Д.Д. ОСТАПУК

Брест, БрГУ А.С. Пушкина

Научный руководитель: С. М. Храмов, кандидат юридических наук, доцент

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ КАК ОДИН
ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА И
ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА
БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ**

Основой нормальной жизнедеятельности любого цивилизованного общества являются доверительные отношения. Однако, нередко

злоумышленники используют доверительные отношения для совершения корыстных преступлений.

В связи с этим Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает уголовную ответственность за совершение преступлений против собственности с использованием злоупотребления доверием: мошенничество (ст.209 УК), причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст.216 УК).

Современное уголовное законодательство Республики Беларусь не раскрывает содержание понятия злоупотребление доверием. В доктрине уголовного права нет однозначного подхода в понимании злоупотребления доверием. Это объясняется многогранностью проявления этого явления на практике.

В соответствии с лексическими правилами русского языка под «доверием» понимается: «Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношение к чему-нибудь». В свою очередь «злоупотребление» предполагает: «Поступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав и возможностей» [1].

Под злоупотреблением доверием как способом мошенничества следует понимать использование виновным для незаконного получения чужого имущества особых, доверительных отношений, сложившихся в силу наличия каких-либо обстоятельств между ним и потерпевшим.

В современной юридической литературе всё более актуальным становится мнение о том, что обман и злоупотребление доверием не одинаковые понятия. Согласно данному мнению злоупотребление доверием должно быть исключено из состава мошенничества. Предлагается предусмотреть самостоятельный состав преступления – злоупотребление доверием в системе имущественных преступлений.

А. Г. Безверхов определяет злоупотребление доверием как использование лицом своих полномочий по управлению и распоряжению чужим имуществом, заключению сделок или совершению иных юридически значимых действий вопреки законным интересам доверителя, если это деяние совершено в значительном размере [2, с. 287].

Безусловно, следует согласиться с тем, что усложнение общественного оборота наряду с отделением функций управления от собственности обусловили появление и интенсивное развитие отношений по управлению чужим имуществом, в том числе капиталом частных лиц и организаций. В условиях, когда средства производства принадлежат одним, а ими фактически распоряжаются другие (доверительные управляющие, поверенные, профессиональные служащие, менеджеры), действующие в чужом имущественном интересе и не являющиеся

собственниками вверенных имущественных ценностей, создаются предпосылки для распространения в имущественной сфере злоупотреблений доверием [3, с. 340].

Следует отметить, что при конструировании нормы о злоупотреблении доверием как самостоятельного состава имущественного преступления, понятие которого содержит лишь элемент причинения имущественного ущерба собственнику или иному законному владельцу, тем самым исключая механизм завладения имуществом, мы столкнёмся с конкуренцией с составом «причинения имущественного ущерба без признаков хищения» (ст. 216 УК).

Обязательным признаком злоупотребления доверием как способа причинения имущественного ущерба без признаков хищения является умышленное нарушение виновным предоставленных ему полномочий по владению, пользованию и распоряжению, вверенным ему имуществом потерпевшего.

Основания возникновения отношений доверия, имеющих место между виновным и потерпевшим при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК Республики Беларусь, носят юридический характер [1].

Проанализировав признаки таких преступлений как мошенничество (ст.209 УК) и причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст.216 УК), мы приходим к выводу о том, что злоупотребление доверием, как один из способов совершения данных преступлений предполагает: 1) наличие отношений доверия, существующих между потерпевшим и виновным по поводу имущества; 2) данные отношения вытекают из юридических оснований или иных юридически значимых действий физических и юридических лиц, не предусмотренные законом, но в силу основных начал и смысла законодательства, порождающие юридические права и обязанности; 3) нарушение виновным юридической обязанности владеть, пользоваться и распоряжаться доверенным ему имуществом в интересах потерпевшего.

Таким образом, на наш взгляд, существует необходимость законодательного закрепления понятия «злоупотребление доверием». Это поможет избежать ошибок при квалификации преступлений, совершаемых путём злоупотребления доверием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз, Д. Г. Злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба без признаков хищения / Д. Г. Мороз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.bsu.by/pub/30/D_Moroz-3.pdf. – Дата доступа: 07.10.2015.

2. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Беверхов. – Самара, 2002. – 359 с.

3. Хилюта, В. В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилюта. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.

УДК 343

Е.С. ПАБУЛЫ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.И. Резюк, преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОСВЕННОГО УМЫСЛА И ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Преступное легкомыслие в уголовном праве Республики Беларусь является одним из видов неосторожной формы вины, определение которого содержится в ч. 2 ст. 23 УК Республики Беларусь (далее – УК) : «Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение». В советском уголовном праве как синоним преступного легкомыслия часто использовался термин «преступная самонадеянность», наиболее удачно отражающий сущность легкомыслия, поскольку при этом виде неосторожности виновный надеяться на предотвращения последствий рассчитывая на конкретные обстоятельства, способные предотвратить последствия его деяния, в том числе и на самого себя, то есть ведёт себя самонадеянно.

На практике несколько затруднительным является разграничение вида неосторожной формы вины – преступного легкомыслия – от одного из видов умышленной формы вины – косвенного умысла. Согласно ч. 3 ст. 22 УК преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично. Таким образом, косвенный умысел имеет значительное сходство с преступным легкомыслием по содержанию: в обоих случаях лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего действия, но не желает их наступления.

Для разграничения соответствующих форм очень многие учёные прибегают к категории абстрактной и конкретной возможности, полагая,

что субъект косвенного умысла предвидит конкретную, а субъект легкомыслия – абстрактную возможность опасного последствия. Факт легкомысленной уверенности в не наступлении последствий, пишет В.Е. Квашиш, «делает изначальное осознание общественной опасности абстрактным. Вначале субъект её осознаёт, а затем именно применительно к данной ситуации исключает возможный вред. Здесь имеет место осознание опасности «вообще», которое нейтрализуется уверенностью в не наступлении вредных последствий, и, следовательно, осознание общественной опасности преступления отсутствует» [2]. «Сама природа неосторожных деяний такова, – отметил В.Е. Квашиш, – что эти последствия зачастую не зависят от воли и «качества» поведения лица, причиняющего вред и потому носят во многом случайный и ситуативный характер» [5].

Но при таком решении проблемы исчезают грани уже между легкомыслием и небрежностью. «Лицо неизвинительно заблуждается, – заметил В.Г. Макашвили, – относительно развития причинной связи, оно опрометчиво переоценивает значение противодействующих обстоятельств, которые оказались неспособными отклонить наступившее последствие» [3], то есть лицо могло и должно было предвидеть действительное развитие причинной связи, осознавая недостаточность всех тех сил, способных предотвратить вредное последствие.

Следовательно, можно сделать вывод, что при легкомыслии виновный чаще всего всё-таки сознает общественную опасность своего поведения: субъект понимает, что его действия являются рискованными. Но возможны ситуации, когда виновный вовсе не считает свой поступок опасным, поскольку уверен в том, что последствия будут предотвращены. И именно по этой причине законодатель не относит сознание общественной опасности деяния к обязательным признакам интеллектуального момента легкомыслия.

Волевой момент преступного легкомыслия связан с активным нежеланием наступления общественно опасных последствий деяния. При этом лицо не только не желает наступления общественно опасных последствий, но и надеется на их предотвращение. Лицо рассчитывает на конкретные, реальные обстоятельства, способные, по его мнению, предотвратить последствия его деяния. Обстоятельства, на которые рассчитывает виновный, могут быть различными. Это может быть, например, расчет на самого себя (свои навыки, качества, умения, свой жизненный или профессиональный опыт, квалификацию, умение обращаться с техникой, спортивную подготовку и т.д.), на действия других лиц, силы природы (хорошие погодные условия) и иные факторы (разумное поведение возможного потерпевшего, надежную работу техники

и т.д.). Виновный считает, что те или иные обстоятельства способны предотвратить опасный результат, но в результате неправильной оценки этих обстоятельств преступный результат все-таки наступает.

При косвенном умысле, лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но сознательно допускает их наступление. Отсутствие объективно существующих обстоятельств, на которых может строиться расчет на предотвращение последствий, свидетельствует о фактическом безразличии виновного к наступлению преступных последствий. Такой расчет «на авось» расценивается как волевой момент косвенного умысла [1].

Как видим, главное отличие преступного легкомыслия от косвенного умысла заключается в содержании именно волевого элемента, так как у них разное волевое отношение к последствиям. При косвенном умысле лицо безразлично относится к наступлению возможных общественно опасных последствий, а при преступном легкомыслии сознание и воля лица не безразличны к последствиям совершаемого им деяния, а направлены на их предотвращение. При этом субъект рассчитывает на реально существующие обстоятельства, способные противодействовать наступлению преступного результата. Но расчет оказывается неосновательным, легкомысленным, в результате чего преступного результата избежать не удастся.

Действительно же, на практике, неправильное разделение преступного легкомыслия от косвенного умысла может привести к ошибке в установлении формы вины. Так скажем, некий А. управлял легковым автомобилем в достаточно сильной степени опьянения, не имея при этом прав на управление транспортным средством: по пути следования неоднократно грубо нарушал правила дорожного движения, в результате чего сбил одного пешехода, через некоторое время - другого, а после автомашина вовсе столкнулась со встречной и ударилась о столб электросети. Нескольким гражданам были причинены тяжкие телесные повреждения и нанесен существенный материальный ущерб. Суд счел указанное преступное деяние совершенным по неосторожности в форме преступного легкомыслия. В данном примере суд не всесторонне исследовал все обстоятельства дела, относящиеся к субъективной стороне преступления, в частности, о возможности совершения этого деяния с косвенным умыслом, когда лицо не желает причинить общественно опасные последствия, но предвидит и допускает возможность их наступления. Отсутствие желания свидетельствует о безразличном отношении лица к последствиям своего деяния, но оно сознательно допускает их наступления. По данному делу суд первой инстанции не исследовал вопроса о том, что некий А. был уверен в невозможности

наступления общественно опасных последствий, и не обосновал своего вывода об этом. Вышестоящая инстанция обоснованно отметила приговор суда ввиду не исследованности обстоятельств, относящихся к установлению формы вины. Можно увидеть, что изначально неправильное разграничение преступного легкомыслия от косвенного умысла привела к неправильной квалификации действий виновного [4].

Таким образом, разграничение косвенного умысла от преступного легкомыслия производится именно по волевому элементу. Умение различать самонадеянность от косвенного умысла очень важно в практической деятельности, поскольку, правильное установление формы и вида вины необходимо для квалификации содеянного; недопущения ошибки при квалификации действий виновного; определение степени вины при индивидуализации наказания; установления круга обстоятельств, подлежащих доказательству; надлежащего воспитательного воздействия приговора на осужденного и иных лиц. Выявление в практике описанных различий между двумя этими понятиями необходимо по каждому уголовному делу, связанному с причинением смерти, тяжкого вреда здоровью и так далее, так как опасность и, соответственно, наказуемость умышленного причинения отмеченных последствий несравненно выше, чем при неосторожной вине (убийство с умыслом — ч. 1 ст. 139 УК — наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет лишения свободы; причинение смерти по неосторожности — ч. 1 ст. 144 УК — наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н. А. Бабий, А. В. Барков, И. О. Грунтов и др.; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
2. Квашиш, В. Е. Преступная неосторожность / В.С. Квашиш. – Социально-правовые и криминологические проблемы. – Владивосток, 1986. – С. 25.
3. Макашвили, В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность // В. Г. Макашвили. – М., 1957. – С. 21.
4. Горбуза, А. О вменении при умышленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности / А. Горбуза, Е. Сухарев // Советская юстиция. – 1982. – № 18. – С. 34.
5. Гринберг, М. С. Преступное легкомыслие / М. С. Гринберг. – Государство и право. Юридические науки / Вестник Омского университета № 3. – Омск, 2010. – С. 215–218.

УДК 349.6(476)(075.8)

О.А. ПОШЕЛЮК, Г.И. ЗАЙЧУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Принятие закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (в дальнейшем – Закон «Об охране окружающей среды»), который сменил закон БССР от 21 декабря 1961 г. «Об охране природы в Белорусской ССР» подвело черту под доктринальными спорами юристов-экологов о наименовании и содержании новой отрасли права и ознаменовало образование комплексной правовой отрасли экологическое право. Толкование преамбулы рассматриваемого Закона дает основание предположить, что предметом ее правового регулирования является три группы относительно обособленных, но взаимосвязанных друг с другом общественных отношений, возникающих в области природопользования, охраны и защиты окружающей среды (природы) и обеспечения экологических прав граждан. Некоторые авторы вместо обеспечения экологических прав граждан, указывают на обеспечение экологической безопасности [1, с.11], что, впрочем, не меняет сути. Следует лишь отметить, что понятие «экологические права», шире понятия «экологическая безопасность», так как последнее наряду с правом граждан на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права и другими, является одним из экологических прав граждан.

С недавнего времени экологическое право было разделено на две самостоятельные отрасли – природоресурсное право, с поглощением им земельного права, которым регулируются общественные отношения в области природопользования и природоохранное (экологическое) право, предназначенное для регламентации общественных отношений в сфере охраны и защиты окружающей среды и экологических прав граждан.

С рецепцией права частной собственности на природные ресурсы, возвращением их в гражданский оборот, введением платы за природопользование существенно возросло в условиях рыночной экономики значение в жизни общества и государства природных ресурсов. Усилившееся негативное воздействие на окружающую среду антропогенной деятельности расширило сферу применения природоохранного законодательства. Предметом его охраны и защиты стали не только природные объекты и комплексы, но и окружающая среда

в целом, а также жизнь, здоровье и имущество граждан, имущество юридических лиц и имущество, находящееся в государственной собственности (республиканской и коммунальной) от вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Это потребовало новых подходов к формированию структуры, выполняющему охранительную функцию, уголовному праву. В Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) появилась отдельная глава 26 посвященная преступлениям против экологической безопасности и природной среды, что свидетельствует о появлении нового комплексного института в уголовном праве, регламентирующего юридическую ответственность за экологические преступления, включающего три субинститута, которыми установлены меры наказания за преступления против порядка природопользования, окружающей среды и экологических прав граждан.

Институтом права общепризнано считать элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. Ему свойственны следующие признаки: а) однородность фактического содержания; б) юридическое единство правовых норм; в) нормативная обособленность, т.е. обособление образующих правовой институт норм в главах, разделах, частях иных структурных частях закона...; г) полнота регулируемых отношений [2, с. 169].

Соглашаясь с С.А. Балашенко, который отмечает, что все экологические правонарушения можно классифицировать на два вида: а) нарушения права собственности на землю другие природные объекты и ресурсы (совершение сделок с недрами, водами, лесами и иными природными ресурсами: купля-продажа, дарение, залог, самовольный обмен, самовольное занятие земельного, водного, лесного участка и другие противоправные сделки); б) правонарушения, оказывающие вредные воздействия на окружающую среду и ее компоненты, т.е. действия, вызывающие загрязнение, засорение, истощение [3, с.104-105], отметим, что существует третий вид – в) нарушения экологических прав граждан.

Проводя сравнительно-правовой анализ между новым и отмененным УК криминалист В. Марчук пишет, что в УК БССР 1960 г. ответственность за экологические преступления предусматривалась в нескольких статьях, которые были расположены в различных главах УК... в новом УК 1999 г. впервые выделен одноименный раздел IX и глава 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Такое решение законодателя обусловлено значимостью проблемы охраны окружающей среды. И далее он отмечает, что в дополнение к закрепленным в

предыдущем УК законодатель криминализировал 13 новых деяний [4, с.52]. Однако, только одно из них является природоресурсным – это ст.271, нарушение правил водопользования, что свидетельствует о недостаточном внимании нормотворческого органа к уголовно-правовой охране природопользования.

В названии главы 26 УК нет указания на то, что ей установлена ответственность за нарушение требований права природопользования, хотя фактически она содержит соответствующие составы преступлений. В частности они определены ст. 273. Нарушение правил водопользования; ст. 277. Незаконная порубка деревьев и кустарников; ст. 281. Незаконная добыча рыбы или водных животных; ст. 282. Незаконная охота, ст. 282-1. Незаконное перемещение (транспортировка) или разделка диких животных. Мало того оно не согласуется с наименованием главы 15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-3 (далее – КоАП), в которой аналогичные, но не общественно опасные, а вредные деяния названы правонарушениями против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования. Кроме этого эвайроментальным правом урегулированы общественные отношения возникающие по поводу окружающей среды, использованию ее ресурсов, охраны и защиты ее самой и ее компонентов и прав граждан в области окружающей среды. Поэтому более правильно раздел IX УК назвать «Преступления против окружающей среды», а главу 26 УК, с учетом социальной значимости охраняемых объектов – «Преступления против экологических прав граждан, природной среды и порядка природопользования».

Исходя из указанного также оправданно исключить примечание 1 к главе 26 УК, которое содержит определение преступлений против экологической безопасности и природной среды, так как оно является не полным, в связи с чем коллизирует с регулятивными нормативными правовыми актами, да и не должно содержаться в охранительном нормативно-правовом акте.

Кроме того, следует отметить, что уголовная ответственность за нарушение порядка природопользования предусмотрена не только статьями главы 26, но и другими новеллами УК, в частности, в главе 33 «Преступления против порядка управления» ст. 386 установлена ответственность за самовольное занятие земельного участка. Отнесение этой статьи к институту преступлений против порядка управления представляется спорным, так как земли находятся в гражданском обороте, а ее диспозиция ничем не отличается от диспозиций ст. 277 или ст.281 устанавливающих ответственность за незаконную порубку деревьев и незаконную добычу рыбы. Все они направлены на противоправное

завладение чужим природным ресурсом. Поэтому оправданно перенести ст. 386 в главу 26 УК.

Помимо изложенного ст. 271 УК содержит ответственность только за нарушение правил охраны недр, что является пробелом. В недрах сосредоточены основные естественные национальные богатства (нефть, калийная соль, золото, янтарь и т.п.), которые нуждаются в уголовно-правовой охране. Поэтому, с учетом опыта России, где в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ имеется ст. 255, предусматривающая ответственность за нарушение правил охраны и использования недр можно расширить состав ст. 271 УК, криминализовав незаконное недропользование, в том числе и незаконный сбор метеоритов, стоимость отдельных экземпляров которых на мировом рынке доходит до нескольких сотен тысяч долларов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экологическое право : пособие / С. А. Балашенко [и др.]; под ред. С. А. Балашенко, Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск : Выш. шк., 2009. – 318 с.
2. Общая теория права и государства : учебн. / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 472 с.
3. Обзор экологического законодательства Республики Беларусь. Практич. пособ. / С.А. Балашенко [и др.]. – СПб. : Изд-во ООО «Невский Простор», 2003. – 191 с.
4. Марчук, В. Ответственность за преступления против экологической безопасности и природной среды в новом Уголовном кодексе / В. Марчук // – Юстиция Беларуси. – 2000. – № 2. – С. 52–56.

УДК 343.41

О.Ю. ПРОКУДА

Барановичи, БарГУ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В отечественной уголовно-правовой науке в последние годы наметились позитивные тенденции расширения проблематики исследований, касающихся реализации государственной политики противодействия преступным проявлениям, связанным с посягательством на жизнь и здоровье человека. Среди преступлений данной категории особое место занимает такое преступление, как доведение до самоубийства

(ст. 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З) (далее – УК) [1].

Республика Беларусь относится к государствам с высоким уровнем суицидов 27,5 случаев на 100 тыс. населения. Уровень суицидов, несмотря на наличие тенденции к его снижению, остается высоким и значительно превышает среднемировой – 16 случаев на 100 тыс. населения и среднеевропейский – 17,5 случаев на 100 тыс. населения.

В настоящее время по многим фактам самоубийств ярко прослеживается криминальная составляющая.

Суицидальное поведение представляет собой актуальную этическую, моральную, социальную, медицинскую и юридическую проблему. Ежегодно самоубийства совершают от 873 тыс. до 1 млн. человек во всем мире, включая 163 тыс. в Европейском регионе [2, с. 146]. Самоубийство является 13-й по счету причиной смерти во всем мире, а в возрастном диапазоне 15–35 лет в Европе оно занимает второе место после дорожно-транспортных происшествий [3, с. 305].

В действующем УК предусмотрено две специальные нормы, которые устанавливают ответственность за общественно опасные деяния, инспирирующие суицид или попытку суицида: доведение до самоубийства (ст. 145 УК) [1] и склонение к самоубийству (ст. 146 УК) [1].

В соответствии со ст. 145 УК уголовно наказуемым является доведение лица до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства (ч. 1 ст. 145 УК) [1]. В данном составе преступления материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного выполняет роль квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 145 УК) [1].

Уголовно-правовая наука напрямую имеет отношение лишь к тем случаям суицида, в которых на принятие решения о лишении себя жизни определенное влияние оказали воля и действие другого человека. Такое касательство А.Н. Красиков называет «причастностью к самоубийству» («причастный» – «имеющий непосредственное отношение, касательство к чему-нибудь») [4, с. 65]. На наш взгляд, не менее удачно использование выражения «преступная причастность к самоубийству», поскольку последняя, по сути, определяет состав преступления – доведение до самоубийства.

Сегодняшние уголовно-правовые возможности в деле превенции самоубийств уголовно-правовой значимости в основном связаны с применением ст. 145 УК [1]. Вместе с тем, полагаем, что для Республики Беларусь, длительное время пребывающей в мировых лидерах по случаям суицидной смерти с показателем, значительно превышающим социально приемлемый уровень – 10 (по оценке ВОЗ), необходимы дополнительные

усилия уголовно-правового характера, направленные не только на предупреждение доведений до самоубийства, но и на все другие, имеющие место в действительности, варианты преступной причастности к самоубийству.

Следует признать, что в настоящее время применение названной статьи практически не влияет на сокращение случаев суицидной смерти. Кроме того, количество дел, возбужденных по данной статье незначительно. Так, за 2012 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 6 случаев доведения до самоубийства, в 2013 г. – 2 и в 2014 г. – 2.

В деле предупреждения самоубийств вследствие доведения усиление карательного воздействия в качестве уголовно-правовой меры не является решением сложившейся проблемы. Ужесточение наказания, как представляется, не способно повлиять на изменение суицидной ситуации в стране в лучшую сторону. Разрешению проблемы должно способствовать выполнение во всех случаях таких действий, как, например, установление факта, имевшего место самоубийства, выявление внешнего влияния на произошедшее смертное событие и определение его степени.

Все предложения, способные усилить профилактические возможности уголовного закона в отношении суицида как следствия доведения до него, по нашему мнению, могут быть сведены к следующим.

1. В изучаемой проблеме особое внимание следует обратить на получившие определенное распространение в современной действительности случаи суицида уголовно-правовой значимости несовершеннолетних. Каждый случай суицида в подростковом возрасте вполне, без каких-либо оговорок, можно отнести к совершенному вследствие доведения до него. Несовершеннолетние стремятся стать взрослыми, достичь всего того в первую очередь положительного и значимого, чего достигли их родители, родственники, знакомые, и даже большего. К этому их ведет по жизни не только ближайшее окружение, но и общество. И если суицид взрослых все же некоторым образом подвержен рациональному объяснению, то суицид подростков — нет. В связи с этим уход из жизни несовершеннолетнего всегда сомнителен в плане «неуголовно-правовой» характеристики [5, с. 132].

Представляется обоснованным закрепление в уголовном законе, в норме, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, квалифицированного состава преступления, посягающего на жизнь и здоровье несовершеннолетнего.

2. В дополнительной защите нуждаются также престарелые и лица, страдающие определенным недугом, физическим заболеванием, поскольку они не могут полноценно противостоять издевательствам и жестокому

обращению. Полагаем, что жестокое обращение и систематическое унижение личного достоинства, совершенные в отношении престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии (за исключением лиц, страдающих психическим заболеванием), значительно повышает общественную опасность содеянного и требует более сурового подхода к назначению наказания.

Представляется обоснованным закрепление в уголовном законе, в норме, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, квалифицированного состава преступления, посягающего на жизнь и здоровье престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии.

3. Особую общественную опасность приобретает исследуемое преступление в случае доведения до самоубийства нескольких лиц (двух и более).

Считаем обоснованным закрепление в уголовном законе, в норме, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, квалифицированного состава преступления, посягающего на жизнь и здоровье нескольких (двух или более) лиц.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем ч. 2 ст. 145 УК изложить в следующей редакции:

«2. То же деяние, совершенное:

- 1) в отношении двух или более лиц;
- 2) в отношении лица заведомо несовершеннолетнего, престарелого или находившегося в беспомощном состоянии;
- 3) в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от одного года до пяти лет».

Подобное понимание основывается на наличии повышенной (особой) общественной опасности рассматриваемого преступления в отношении указанных лиц.

4. Представляется необходимым дополнить УК специальными нормами, предусматривающими ответственность за некоторые иные формы влияния человека на совершение другим лицом суицида (покушения на суицид), ввиду их высокой общественной опасности.

На наш взгляд, максимальному усилению общего уголовно-правового воздействия на сокращение случаев самоубийств будет способствовать дополнение УК нормами, регламентирующими ответственность за пособничество/содействие, подговор, способствование самоубийству и его пропаганде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 28 апр. 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга [и др.] / Пер. с англ. – М. : Издательство «Весь Мир», 2003. – 376 с.
3. Ласый, Е. В. Проблема профилактики самоубийств в Республике Беларусь / Е. В. Ласый // Управление здравоохранением и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф. (Минск, 28 июня 2007 г.). – Минск, 2007. – С. 305–309.
4. Красиков, А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А. Н. Красиков // Законность. – 1997. – № 2. – С. 65–69.
5. Волконская, Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. К. Волконская. – Рязань, 2011. – 193 л.

УДК 343.611.2

И.О. ПУЖЕЛЬ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 141, 150 И 143, 152
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) и при превышении пределов необходимой обороны, имеют ряд общих признаков, в связи с чем возникают трудности как при квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 141, 150 и 143, 152 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) так и при их разграничении.

Эти преступления имеют один и тот же объект (общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека), одинаковые признаки субъекта (физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста), объективной стороны (действие, которое является ответной реакцией на совершаемое (совершенное) посягательство, которое, в свою очередь, выражается в форме насилия либо иного

противоправного действия) и субъективной стороны преступления (умышленная форма вины) [1].

При разграничении анализируемых составов преступлений в правовой литературе доминирующее значение придается мотиву действий виновного. Считается, что при превышении пределов необходимой обороны в качестве мотива выступает защита правоохраняемых интересов, тогда как при совершении преступления в состоянии аффекта мотивом является месть [2, с. 55]. Однако состояние аффекта может быть обусловлено именно побуждениями защиты от систематических побоев, издевательств со стороны потерпевшего, равно как действия при превышении пределов необходимой обороны могут характеризоваться мотивами мести за совершенное посягательство.

Существует также мнение, что основное различие между рассматриваемыми преступлениями должно производиться по факту оконченности посягательства со стороны потерпевшего. При аффектированном убийстве (причинении тяжких телесных повреждений) действия потерпевшего носят окончанный характер, а при превышении пределов необходимой обороны – продолжаются до тех пор, пока виновный не начинает принимать ответные меры насильственного характера [3]. В опровержение данной позиции можно отметить, что преступления, совершенные в состоянии аффекта, также могут быть совершены в период осуществления потерпевшим противоправных действий, тогда как право на оборону может быть реализовано в момент, когда посягательство еще не началось, но имеется реальная угроза его осуществления, а также после фактического окончания посягательства, если обороняющемуся не был ясен момент его окончания.

Изложенное позволяет сделать вывод, что предлагаемые критерии не позволяют четко разграничить рассматриваемые деяния. Видится целесообразным учет и такого критерия, как характер насилия. Цель ответных действий виновного в состоянии аффекта – причинение физического вреда потерпевшему. Действия виновного в таких случаях носят вынужденный характер, но не являются необходимым и единственным выходом из сложившейся ситуации, в то время как насилие со стороны обороняющегося преследует цель защиты личных или каких-либо других интересов, а причинение вреда нападающему является лишь средством, способным ее обеспечить.

Все это кажется очевидным и понятным, однако не всегда удается установить, каково было развитие событий на самом деле. Бесспорен тот факт, что ситуации необходимой обороны, превышения ее пределов почти всегда сопровождаются состоянием сильного душевного волнения, которое возникает как ответная реакция на неожиданное и скоротечное

общественно-опасное посягательство. Хотя защищающийся и остается вменяемым, однако волнение, страх, растерянность в значительной степени затрудняют самоконтроль, осмысливание обстановки, правильность выбора начального момента, средств, способов интенсивности защиты [4, с. 101].

В связи с тем, что возможны случаи и патологического аффекта, мнимой обороны, вызванной бредовыми идеями, состоянием патологического опьянения, являющиеся состояниями, исключающими вменяемость и уголовную ответственность, для правильной квалификации действий виновного необходимо установить, имели ли место такие обстоятельства.

Если преступление, совершенное в состоянии физиологического аффекта и явившееся одновременно результатом превышения пределов необходимой обороны, следует квалифицировать по ст. 143 УК (убийство при превышении пределов необходимой обороны) либо по ст. 152 УК (умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны) в соответствии с правилами квалификации при конкуренции привилегирующих норм, то факт, когда лицо, находясь в состоянии сильного душевного волнения, не превысило пределов необходимой обороны, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, т.к. есть обстоятельство, исключающее преступность деяния, предусмотренное ст. 34 УК.

Проблемы, возникающие при квалификации преступного деяния во многом объясняются несовершенством той или иной уголовно-правовой нормы. Поэтому для правильного истолкования той или иной нормы, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дает разъяснения, переводя норму закона на более понятный для широкого круга язык. Последним было постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», поэтому сейчас целесообразно Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь дать разъяснения как по вопросам, затронутым в настоящей статье, так и по другим обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дядюн, К. В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов / К. В. Дядюн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://of-law.ru/stati/sostoyanie-affekta-i-prevyshenie-predelov-neobkhodimoj-oborony-voprosy-sootnosheniya-i-razgranicheniya-sostavov.html>. – Дата доступа: 07.10.2015.

2. Фаргиев, И. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны. Вопросы разграничения составов / И. Фаргиев // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 55–56.

3. Отграничение убийства, совершенного в состоянии аффекта, от убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ifreestore.net/83/8/>. – Дата доступа : 07.10.2015.

4. Попов, К. И. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны : учеб. пособие / К. И. Попов. – Москва : Издательство ОПТИМ, 2008. – С. 127.

УДК 343.614

К.С. РОГАЦЕВИЧ

Барановичи, БарГУ

Научный руководитель: И.Р. Дзик, старший преподаватель

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

В настоящее время в Республике Беларусь остро стоит проблема доведения до самоубийства. Доведение до самоубийства — преступление, в котором объектом преступления является жизнь другого человека. Объективная сторона преступления заключается в доведении до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Состояние смертности от самоубийств давно вызывает обоснованную тревогу, однако и до сих пор нет среди учёных и даже суицидологов (учёных и практиков разных областей, деятельность которых пересекается в части изучения самоубийства) единого понимания его природы и причин [1, с. 5]. А потому данная проблема остается актуальной для уголовно-правовых исследований в сфере науки и практики, особенно в контексте совершения такого преступления как доведение до самоубийства.

По результатам многочисленных исследований, основные причины суицидального поведения – внутрисемейные конфликты (70%) и проблемы с лицами противоположного пола (15%). Ежегодно более 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Половину из этого количества человек доводят до самоубийства сознательно либо специально. Каждое самоубийство – это трагедия, которая

воздействует на семьи, общество и целые страны, оказывая долгосрочное воздействие на живущих. Самоубийства происходят на протяжении всего жизненного цикла, и к 2015 году они стали второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет в глобальных масштабах [2].

Надо отметить, что в уголовных кодексах разных стран, нормы, которые предусматривают уголовную ответственность за доведение до самоубийства существенно различаются. Об этом можно сделать вывод, проанализировав статьи уголовных кодексов разных стран, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления, связанные с самоубийством.

Согласно статье 150 Уголовного кодекса Республика Молдова: «1. Доведение до самоубийства или покушение на него, явившееся результатом травли, клеветы или оскорбления со стороны виновного, – наказывается лишением свободы на срок от 2 до 5 лет. 2. Доведение до самоубийства или покушение на него: мужа (жены) или близкого родственника; несовершеннолетнего; лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного; вследствие жестокого обращения; вследствие систематического унижения достоинства потерпевшего – наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет».

В соответствии со статьёй 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь «1. Доведение лица до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства – наказывается исправительными работами на срок до 2 лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок. 2. То же деяние, совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, – наказывается ограничением свободы на срок до 5 лет или лишением свободы на срок от 1 года до 5 лет».

Полагаем, необходимо ужесточить наказание в первой части статьи 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а именно исключить санкцию «исправительные работы и арест».

Во второй части статьи, что касается несовершеннолетних, наказание назначается в виде «ограничения свободы на срок до 5 лет или лишением свободы на срок от 1 года до 5 лет». Мы полагаем, что надо оставить только «лишение свободы на срок от 1 года до 5 лет». Лицо, которое поступило так в отношении несовершеннолетнего, ему нельзя просто ограничить свободу, потому как после этого он может снова проводить данные деяния, так как наказание для него будет

считаться слишком мягким. Несовершеннолетние являются более уязвимыми, с не полностью сформировавшейся психикой, они быстро поддаются влиянию со стороны обидчика и зачастую сами не могут себя защитить.

Также дополнить вторую часть статьи 145 Уголовного кодекса Республики Беларусь следующим положением: «Доведение до самоубийства или покушение на него: мужа (жены) или близкого родственника, с лишением свободы на срок от 3 до 7 лет».

Подход молдавского законодателя к формулированию квалифицирующих признаков отличается оригинальностью и представляет определенный интерес. Существенное значение имеет законодательная конструкция субъективной стороны анализируемого деяния. Вместе с тем в большинстве зарубежных стран законодатель не уделяет внимания её раскрытию. Исключение составляет Уголовный кодекс Армении, в статье 110 которого называется косвенный умысел или неосторожность совершения преступления. В Уголовном кодексе Швейцарии (статья 115) обязательным признаком общего состава преступления при подстрекательстве и помощи в самоубийстве является наличие у виновного «корыстных эгоистических мотивов» [3, с. 54].

Таким образом, уголовное законодательство различных стран включает много схожих составов доведения до самоубийства, так как жизнь является высшим благом, поставленным под охрану международного права и уголовных законов отдельных государств. Она не имеет национальных границ, носит общечеловеческий характер. Тем не менее в каждой стране имеются свои, присущие только ей, правовые концепции, национальные традиции правовой культуры, специфические правовые институты, которые можно обнаружить как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности.

В свою очередь, Уголовный кодекс Литовской Республики также предусматривает две отдельные статьи: 133 «Доведение до самоубийства или склонение к самоубийству» и 134 «Предоставление помощи в совершении самоубийства». В данном случае под «предоставлением помощи в совершении самоубийства», имеется в виду помощь в совершении самоубийства именно по просьбе безнадежно больного. Исходя из изложенного, по нашему мнению, законодателю Республики Беларусь следовало бы учесть опыт зарубежных государств относительно применения норм за склонение к совершению самоубийства и за предоставление помощи в совершении самоубийства, которое бы существенно повлияло на

эффективность обеспечения уголовно-правовой охраны жизни и здоровья людей от преступных посягательств.

По нашему мнению, предложенные изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь позволят значительно уменьшить количество совершаемых самоубийств, что позволит добиться значительных успехов в борьбе с этой очень сложной и серьезной проблемой современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярмыш, Н. Н. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства / Н. Н. Ярмыш. – Харьков, 1992. – 16 с.
2. Всемирная организация здравоохранения. Самоубийство. Информационный бюллетень. – 2015. – №398. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/>. – Дата доступа: 10.10.2015.
3. Шулепов, Н. А. Международно-правовые основания и способы криминализации посягательств на жизнь человека в зарубежных странах / Н. А. Шулепов // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 3. – С. 54.

УДК 343

А.В. РОУБО

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – В.В. Хилюта, кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИЯ И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

В статье проведен анализ социально-политической сущности коррупционных проявлений в современных условиях, организационно-правовых основ противодействия этому общественно опасному явлению. Определена терминология, выделены существенные признаки, конкретизированы формы данного явления, установлены причины возникновения коррупции.

Коррупция – сложное негативное социальное явление, и, чтобы исследовать ее феномен, необходим комплексный подход.

Социальная сущность коррупции состоит в том, что она паразитирует в общественных отношениях, разрушает надлежащий порядок вещей в обществе и государстве, в результате чего государство отклоняется от целей, поставленных перед ним обществом, что приводит к сбоям в работе государственного механизма управления и снижению

уровня эффективности во взаимодействии личности, общества и государства при защите своих жизненно-важных интересов.

Политическая коррупция выражается в незаконном использовании господствующей политической элитой группы государств ресурсного потенциала в целях укрепления своей власти, обогащения за счет других стран и завладения их национальными ресурсами [2, с. 12].

Обычно выделяют два компонента, составляющие понятие коррупции: с одной стороны – это разложение экономической и политической систем государства, выражающееся в продажности должностных лиц и общественных деятелей, а, с другой – противоправное (антислужебное) использование должностным лицом прав, предоставляемых ему по должности, в целях личного обогащения. Таким образом, коррупция есть злоупотребление государственной властью получения выгоды в личных (частных) целях или интересах [3, с. 19].

Обязательные юридические признаки коррупции:

- обязательный субъект коррупционных отношений – должностное лицо (либо лицо, приравненное к нему), уполномоченное на выполнение государственных функций;

- умышленная вина, корыстная или иная заинтересованность субъектов коррупционных отношений;

- действие или бездействие – использование лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций (либо лицом, приравненным к нему), вопреки интересам службы, своего служебного положения либо связанных с ним возможностей, либо организации, в которой он служит;

- корыстная цель – противоправное получение для себя или своих близких родственников имущественных или неимущественных благ, льгот и преимуществ в результате выполнения или невыполнения определенных действий по службе либо за обещание выполнить или не выполнить их в будущем.

В статье 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 № 305-3 коррупция определяется как «умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это

государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного» [1].

Многочисленные формы коррупционных правонарушений следует дифференцировать по следующим направлениям:

- инертная коррупция: должностное лицо соглашается принять или получает подарки либо дает обещание выполнить или не выполнить какое-либо действие, входящее в его компетенцию;

- противоправное поведение любого лица, использующего свое реальное или предполагаемое влияние на должностное лицо в целях получения или попытки получения другим лицом выгодных сделок, каких-либо благ или преимуществ от государственных органов;

- противозаконные действия, связанные с вмешательством в деятельность организаций, предприятий и так далее (долевое участие в покупке акций, приватизации, различного рода тендеров и т.п.), которыми руководят или осуществляют управленческие функции должностные лица с позиции вышестоящей организации либо контролирующего государственного органа;

- действия должностного лица, связанные с угрозой причинить ущерб законным интересам граждан, у которых требуется взятка, а также умышленное создание условий, при которых они вынуждены дать взятку для предотвращения вредных последствий их правоохранительным интересам;

- противозаконные действия должностного лица, связанные с покровительством: получение или попытка получить для другого лица неоправданные льготы путем совершения деяния (деяний), противоречащего действующему законодательству или регламентирующим положениям, направленным на обеспечение свободы доступа и равенства кандидатов в сделках с участием государства [2, с. 20].

Противодействие коррупции – одна из магистральных теоретических, методологических и прикладных проблем в контексте научных исследований на междисциплинарном уровне. Понимание сущности рассматриваемого транснационального социально опасного явления заключается в глобальности его проявления и проникновения во все сферы общественных отношений. Актуальность противодействия коррупции в равной мере относится к каждому человеку, обществу, государству, и международному сообществу в целом [4, с. 114].

Антикоррупционная политика Республики Беларусь закреплена в Конституции, Концепции национальной безопасности, законах Республики

Беларусь, декретах, указах Президента Республики Беларусь и иных нормативных правовых актах, имеющих локальный характер правового регулирования общественных отношений в сфере противодействия коррупции. В системе противодействия этому антисоциальному явлению антикоррупционная деятельность как один из ключевых ее структурных элементов призвана создать благоприятные условия для реализации политики государства в этой области.

Процесс реализации антикоррупционной политики включает следующие этапы:

1) анализ, синтез, оценка состояния деятельности по противодействию коррупции, а также прогноз развития коррупционных отношений в государстве, которые могут сформировать реальные угрозы национальной безопасности;

2) выделение объектов защиты от коррупционных устремлений;

3) дифференциация источников угроз национальным интересам, формирующимся под воздействием коррупции;

4) разработка концептуальных основ деятельности субъектов по противодействию коррупции

5) мониторинг коррупционных рисков с учетом изменений в политической и экономической обстановке с целью внесения корректив в работу субъектов деятельности по противодействию коррупции;

6) оценка результатов реализации антикоррупционных функций государства, подготовка управленческих решений, направленных на развитие качественных характеристик деятельности против коррупции.

Цель развития системы противодействия коррупции определяется достижением и поддерживанием такого уровня сбалансированной ответственности за состояние антикоррупционной деятельности личности, общества и государства, при котором обеспечивается нейтрализация угроз, формирующихся под воздействием коррупционных отношений.

Эффективность противодействия коррупционным проявлениям зависит от качества антикоррупционной работы. Антикоррупционная работа – форма общественной деятельности в законодательной, исполнительной и судебной, государственной, негосударственной организации, отдельном коллективе, на предприятии, учреждении, учебном заведении, и т.п., обеспечивающая формирование и развитие устойчивости социального иммунитета личности, общества и государства против коррупции.

В процессе осуществления антикоррупционной работы создаются условия для открытого обсуждения вопросов повседневной жизнедеятельности, раскрывающие формы, способы, методы дальнейшего

развития устойчивости антикоррупционного сознания и правовой культуры.

Особенностью организации антикоррупционной работы является то, что она направлена на защиту прав членов коллектива независимо от занимаемой должности. Во взаимодействии с представителями идеологической вертикали должна вестись системная работа среди членов коллектива, направленная на формирование мотивации и потребности в соблюдении требований нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ведомства, учреждения, организации, а также антикоррупционного законодательства Республики Беларусь [4, с. 116–120].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305–3 // Национальный Реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2015. – №305-3. – 2/2303.
2. Берестень, В. И. Коррупция и ее общественная опасность: учеб.-метод. пособие / В. И. Берестень. – Минск : РИВШ, 2005.–163 с.
3. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.
4. Берестень, В. И. Противодействие коррупции: социально-правовое исследование / В. И. Берестень // Проблемы управления. – 2014. – № 1. – 120 с.

УДК 343.546

Ю.С. РЯБЦЕВА

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: Т.Д. Трамбачева, кандидат юридических наук, доцент

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА В СЕМЕЙНОМ И УГЛОВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы коллизий в праве всегда порождали острые споры, в процессе которых высказывались разные мнения. Это неудивительно, так как коллизии свойственны праву как институциональному образованию самых различных государств на всех этапах их развития. Бесконфликтных систем права в реальной действительности не существует, и никакая

система правовых знаний и принципов никогда не сможет полностью соответствовать скорости социального прогресса, политическим интересам законодателя [1]. При этом одной из приоритетных задач правового государства является обеспечение единства в применении правовых норм, которые, в свою очередь, позволят своевременно и эффективно устранять существующие коллизии в праве.

Прежде всего следует начать с понятия «брачный возраст», который можно определить как минимальный возраст, после достижения которого у лица в соответствии с действующим законодательством появляется возможность вступать в брак [2]. В настоящее время в большинстве стран мира брачный возраст устанавливается с 18 лет.

Наступление брачной правосубъектности в 18 лет в Республике Беларусь установлено ч. 1 ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), в Российской Федерации – ч. 1 ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3].

При этом следует обратить внимание на то, что в Республике Беларусь и в Российской Федерации законодательно предусмотрена возможность снижения возраста вступления в брак.

Так, в ч. 2 ст. 18 КоБС говорится, что брачный возраст может быть снижен лицам, вступающим в брак, но не более чем на 3 года, и только в исключительных случаях, к которым относятся следующие: беременность; рождение ребенка; приобретение несовершеннолетним полной дееспособности (эмансипация).

Таким образом, при наличии перечисленных условий по семейному законодательству Республики Беларусь лица могут вступать в брак с 15 лет.

Здесь следует обратить внимание на факт несогласованности норм КоБС и норм Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Так, в соответствии со ст. 168 УК Республики Беларусь, добровольное половое сношение, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, является уголовно наказуемым (наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет или лишением свободы на срок от двух до пяти лет).

Допустим, совершеннолетний молодой человек и его несовершеннолетняя девушка, не достигшая шестнадцати лет, обращаются в органы ЗАГС с заявлением, в котором просят принять решение о снижении брачного возраста невесте в связи с ее беременностью. Необходимо уточнить, что нормальная беременность длится 280 дней, т.е. 40 недель, или 10 акушерских месяцев [4, с. 121], то есть, если на момент подачи заявления в органы ЗАГС несовершеннолетней только

исполнилось 15 лет, есть основания предполагать, что зачатие ребенка могло произойти даже в 14 лет.

Следует отметить, что уголовные дела по ст. 168 УК Республики Беларусь являются в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством делами публичного обвинения (ст. 26 УПК), т.е. возбуждаются независимо от наличия заявления потерпевшей (потерпевшего) и не подлежат прекращению в случае примирения сторон.

Таким образом, с одной стороны, брак, заключенный с гражданкой, не достигшей 16 лет, в соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь находится под защитой государства, с другой – совершеннолетний супруг гражданки, которой был снижен возраст вступления в брак, может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь.

Что касается России, то ч. 2 ст. 13 СК РФ предписывает, что при наличии уважительных причин лицам, достигшим возраста шестнадцати лет, может быть снижен брачный возраст.

Таким образом, по семейному законодательству Российской Федерации лица могут вступать в брак с 16 лет. При этом необходимо отметить, что в России законодатель, в отличие от Республики Беларусь, предусматривается возможность снижения брачного возраста и до достижения несовершеннолетними 16-ти лет (ч. 2 ст. 13 СК РФ). Данная процедура устанавливается законами субъектов Российской Федерации, одни из которых устанавливают минимальный порог вступления в брак – 14 лет (Вологодская, Калужская, Московская области), а другие – 15 лет (Мурманская, Рязанская, Челябинская области). При этом среди самых распространенных условий, являющихся основанием для снижения брачного возраста, как и в законодательстве Республики Беларусь, называются беременность и рождение ребенка.

В соответствии с ч. 1. ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5] половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, является уголовно наказуемым (наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового). Здесь следует обратить внимание на расхождение норм СК РФ и УК РФ (минимальный порог вступления в брак может быть

установлен субъектами Российской Федерации на уровне 14 лет, а к уголовной ответственности совершеннолетние лица привлекаются за сексуальные сношения с лицом, которое не достигло 16-ти лет).

При этом законодателем предусмотрено примечание к ст. 134, где сказано, что лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Однако данное примечание противоречит нормам уголовного права. Так, в соответствии со ст. 4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Кроме того, данная норма по своей сути может способствовать увеличению числа заявлений о прекращении уголовного дела по ст. 134 УК – в связи с заключением брака. Р.К. Билалов справедливо отмечает, что можно будет договориться с потерпевшей, ее родителями, формально заключить брак, а после прекращения уголовного дела благополучно разойтись. Закон ведь не предусматривает возможности отмены решения о прекращении уголовного дела в случае последующего развода [6].

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь и в Российской Федерации существуют коллизионные вопросы в области правовой регламентации брачного возраста в семейном и уголовном праве. Для того, чтобы устранить имеющихся коллизий в уголовном и семейном праве названных стран, можно внести следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Внести изменения в ст. 168 УК Республики Беларусь, в соответствии с которыми уголовно наказуемым будет являться добровольное половое сношение, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим пятнадцатилетнего возраста. Или же следует закрепить в ст. 18 КоБС норму, допускающую снижение брачного возраста не более чем на два года. Данное нововведение даст возможность избежать коллизий, возникающих в связи с расхождением норм семейного и уголовного права.

2. Исключить примечание к ст. 134 УК РФ в связи с тем, что оно противоречит принципам уголовного права.

3. Исключить ч. 2 ст. 13 СК РФ по поводу возможности снижения брачного возраста в виде исключения субъектами Российской Федерации до достижения возраста шестнадцати лет. Это новшество поможет

избежать противоречий между нормами семейного и уголовного законодательства, возникающих в связи с правом субъектов Российской Федерации принимать решение о снижении брачного возраста ниже минимального порога, установленного СК РФ, а также позволит обеспечить единый подход к установлению минимального возраста вступления в брак на всей территории России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Занина, М. А. Коллизии норм права равной юридической силы : понятие, причины, виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. А. Занина. – М., 2008. – 26 с.
2. Рябцева, Ю. С. Условия снижения брачного возраста: сравнительно-правовой анализ законодательства Беларуси и сопредельных стран / Ю. С. Рябцева, Т. Д. Трамбачева // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран : сб. науч. статей IV Междунар. научн.-практ. конф., Могилев, 2 апреля 2015 г. / Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 29–33.
3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек.1995 г., № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 18 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 30.06.2008 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
4. Дуда, В. И. Акушерство : учеб. / В. И. Дуда. – Минск : РИПО, 2013. – 576 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 13.05.2015 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2015.
6. Билалов, Р. К. Брак по Уголовному кодексу / Р. К. Билалов // Законность. – 2010. – № 6. – С. 41–42.

УДК 343.431

Е.Ю. СЕВРЮК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

*Научный руководитель: Р.Н. Ключко, кандидат юридических наук,
доцент*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

Торговля людьми представляет собой опасное посягательство на свободу человека, которое является важнейшим человеческим благом во всем мире и защищается государством. Древнейшими памятниками права похищение и продажа свободного человека в рабство были определены как особо тяжкие преступления. Параграф 14 законов Хаммурапи установил ответственность в виде смертной казни за похищение человека «малолетнего сына человека». Идентичное наказание за похищение родовитых людей, также женщин было определено ст. 323 древнеиндийских законов Ману [4, с. 76].

Особая охрана свободы человека была закреплена и в древнейших памятниках русского права, нормы которого действовали в X – начале XI в. на старобелорусских землях. Ст. 61 Пространственной редакции Русской Правды устанавливала запрет продажи господином закупа, как холопа.

Революцией в белорусском правотворчестве явилось издание Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1589 г. Данные статуты являются демократическими по сравнению с ранее действовавшими законами, данные документы установили отрицательное отношение и к рабству. В соответствии с арт. 11 и 12 Статута 1566г. предусмотрена возможность возврата в положение свободы свободных граждан, продавших себя и свою семью в рабство в период года. Данная норма была закреплена и в статуте 1588г. (арт.19). Арт. 11 Статута ВКЛ 1588г. указывал на то, что свободный человек не мог быть продан в рабство за совершенное преступление [3, с.23].

В результате третьего раздела Речи Посполитой Беларусь входит в состав Российской империи, в это время в Беларуси начинают применять российские законы, а именно Соборное уложение 1649г. (арт. Воинский 1715 г).

Вышеуказанные законы Российской империи осуществляли охрану свободы человека как путем установления запрета на похищение, незаконное лишение свободы, так и продажу человека. В соответствии со ст. 187 Воинского артикула похищение человека, определялось как похищение человека с целью его продажи и расценивалось как

квалифицированный вид кражи, виновные в котором были подвержены смертной казни. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. (как и в редакциях 1866 и 1885гг. действовавшие в Российской империи после петровского периода криминализировали самое тяжкое посягательство на свободу – поставление человека в положение невольника. Поскольку рабство не было установлено как характерное для российского общества в 19 – начале 20 в. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903г. устанавливали ответственность за продажу или передачу человека в рабство, за которые было и назначено весьма суровое наказание. В Уголовном кодексе (далее – УК) 1922г. данные преступные деяния были декриминализированы. Нормы предусматривающие ответственность за торговлю людьми, отсутствовали и в УК БССР 1960г., хотя на международном уровне велась деятельность по противодействию данному явлению [2, с. 14]. Вышеназванный пробел законодательства объясняется тем, что в советский период проституция и торговля женщинами, существовали как исключение. Предупреждение в аспекте проституции оказывали нормы УК 1960г.

В результате произошедших кардинальных перемен в государственном устройстве Республики Беларусь в 90-х г. XX в. произошли перемены и в уголовном законодательстве. В ст. 2 УК Республики Беларусь принятого в 1999г. важнейшими задачами являются охрана человека, его прав и свобод [1]. УК Республики Беларусь ввел в качестве самостоятельного преступления торговлю людьми (ст. 181), что было обусловлено международно-правовыми требованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июл. 1999 г.: одобр. Советом Республики 24 июн. 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 15 июл. 2015 г.// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
3. Марчук, В. Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми / В. Марчук // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 3. – С. 22–24.
4. Бахур, О. И. О сущности и содержании государственно-правовой политики Республики Беларусь по противодействию торговле людьми / О. И. Бахур, В. А. Ананич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 75–79.

УДК 343.35

Я.С. СЕМЕНОВА

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: Т.А. Савчук, кандидат юридических наук

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

В разные времена любое государство, независимо от формы правления и устройства, предъявляло, предъявляет и будет предъявлять к должностным лицам особые требования исполнения своих служебных обязанностей. В случае совершения такими лицами общественно опасных деяний к ним предъявляются специфические требования, нарушение которых влечет привлечение к уголовной ответственности. И это вполне объяснимо, поскольку, наделяя отдельные категории лиц специальными полномочиями, необходимыми для осуществления государственной власти, государство правомочно установить особые требования по ответственности таких лиц. В силу этого вопросы о субъекте должностных преступлений всегда находились в центре внимания научных исследований в области уголовного права.

В советском уголовном праве проблема понятия должностного лица рассматривалась в трудах В.А. Владимирова, Б.В. Волженкина, А.А. Жижиленко, Б.В. Здравомыслова, В.Ф. Кириченко, Н.И. Коржанского, А.Б. Сахарова, Б.С. Утевского. В конце 1940-х и особенно в 1950-е гг. многие ученые высказывали вполне обоснованное мнение о том, что субъектами должностных преступлений могут быть не все служащие, а только те, которые обладают более или менее значительными полномочиями. Так, В.Д. Меньшагин и З.А. Вышинский считали, что для признания служащего должностным лицом необходимо, чтобы он осуществлял определенные административные или организационно-хозяйственные функции [1, с. 366]. Аналогичный подход к понятию должностного лица содержался и в юридических словарях [2, с. 183]. В.Ф. Кириченко и Н.П. Кучерявый справедливо указывали, что должностные лица – это работники, осуществляющие в государственном, общественном учреждении или на предприятии оперативно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции [3, с. 32], а также лица, выполняющие культурно-воспитательные функции [4, с. 113]. Мнение данных авторов разделял В.С. Орлов, полагавший, что «в основу определения понятия должностного лица должен быть положен фактический характер выполняемых им функций административно-хозяйственного, оперативно-распорядительного, контрольно-

ревизионного, судебного, профессионального и иного публично-правового характера» [5, с. 149]. Таким образом, наука советского уголовного права выработала критерии определения понятия «должностное лицо» через призму особенностей его служебного статуса и сформулировала основы ограничительного толкования этого понятия.

Согласно примечанию к ст. 166 Уголовного кодекса БССР 1960 г. «под должностными лицами в уголовном праве понимались лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителя власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию».

По сравнению с уголовным законом 1960 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. значительно расширил перечень лиц, подпадающих под признаки должностного лица. Вместе с тем многие вопросы, затрагивающие толкование данного понятия, еще не получили единообразного решения в теории и практике и вызывают дискуссии в среде ученых в области уголовного права.

Наиболее типичной ошибкой в правоприменении является расширительное понимание должностного лица. Например, А.В. Барков указывает, что данный «грех» следственной и судебной практики неоднократно отмечался еще советскими учеными, на что обращалось внимание и в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 4 июня 1993 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности и должностном подлоге» [6, с. 90]. Расширительное толкование понятия «должностное лицо» обусловлено рядом причин: 1) наличием различных подходов в понимании должностного лица в конституционном, административном, трудовом и уголовном праве; 2) попытками законодателя восполнить пробелы в уголовном законе за счет расширительного толкования признаков должностного лица; 3) влиянием прежних толкований и установок, которые в силу естественной консервативности правоприменительной практики дают о себе знать и в настоящее время. В данном контексте следует вспомнить постановление Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 30 июня 1970 г. (с дополнениями от 31 июля 1962 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве». В данном правовом акте указывается, что «субъектом преступления – получения взятки – надлежит считать и тех работников государственных,

кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими служебных обязанностей могли принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взятокдателей (референты, инспекторы, консультанты, инструкторы, товароведы и др.)» [6, с. 90]. Таким образом, прослеживается применение аналогии для привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся специальными субъектами преступления (должностными лицами).

Как отмечает В.М. Хомич, категория «должностное лицо» – важное явление и понятие не только в теории уголовного права (в плане установления специальных фигурантов преступного поведения), но и для выстраивания системы администрирования [7]. Между тем до настоящего времени в теории и практике не решено: следует ли исходить из единого понимания должностного лица для всех отраслей права, либо нужна его индивидуальная интерпретация в отраслевом правовом регулировании. В связи с этим возникает вопрос: может ли социально-ролевая функция, лежащая в основе выделения статуса должностного лица в той или иной системе, быть непреодолимой причиной недопустимости единого понимания и определения должностного лица как специального субъекта ответственности.

Действующий уголовный закон к должностным лицам относит также лиц, уполномоченных в установленном порядке совершать юридически значимые действия. Исходя из положений Уголовного кодекса Республики Беларусь и практики их применения, должностными лицами по признаку совершения юридически значимых действий должны признаваться те, кто совершает действия, в результате которых наступают или могут наступить правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Полностью разделяя точку зрения В.М. Хомича, считаем, что такой подход не учитывает одного важного обстоятельства: должностная деятельность – это деятельность, имеющая публично-правовой и властно-организующий характер. Следовательно, должностными лицами следует признавать лишь тех, кто совершает юридически значимые действия, влекущие последствия публично-правового и властно-обязывающего характера для другого лица (юридического или физического). Само по себе участие в гражданско-правовой сделке в качестве стороны или ее представителя не влечет признания лица должностным. Поэтому осуществление сугубо профессиональных действий, пусть даже имеющих для физических лиц и субъектов администрирования определенное правовое значение (правовые последствия), но не имеющих властно-распорядительного характера, не может служить достаточным основанием для признания лица

действующим в статусе должностного лица во время совершения таких действий [7].

Не выражая категорического несогласия против ответственности указанных лиц за злоупотребление своим правом, необходимо указать не недопустимость чрезмерного расширения и трактовки понятия «совершение юридически значимых действий» в качестве самостоятельного признака властно-распорядительных действий в статусе должностного лица. О возникающих правовых курьезах в правоприменительной практике в связи с широкой трактовкой юридически значимых действий писали многие специалисты. Сказанное можно пояснить примером, иллюстрирующим неадекватные правовые последствия, связанные с привлечением к ответственности врача за получение взятки при выдаче больничного листа. Ведь никто не станет возражать, что участковый врач уполномочен в профессиональной (врачебной) деятельности на совершение публично значимых юридических действий – выдачу больничного листа. Поэтому с точки зрения уголовной ответственности и видов наказания в качестве объекта лишения права могут выступать только сами юридические действия – право на их совершение, но не право на занятие профессиональной деятельностью. Между тем зачастую в обвинительных приговорах суд определяет в качестве наказания за совершение такого рода преступлений лишение права заниматься врачебной деятельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загородников Н. И. Советское уголовное право: Общая и особ. части : учебник / Н. И. Загородников. – М. : Юрид. лит., 1975. – 568 с.
2. Юридический словарь / гл. ред.: С.Н. Братусь [и др.]. – М. : Госюриздат, 1953. – 784 с.
3. Кириченко, В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву: (Общие вопросы) / В. Ф. Кириченко ; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 132 с.
4. Кучерявый, Н. П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву / Н. П. Кучерявый. – М. : Госюриздат, 1957. – 188 с.
5. Орлов, В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву / В. С. Орлов. – М. : Госюриздат, 1958. – 260 с.
6. Барков, А. В. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам / А. В. Барков // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей. 2006. – С. 90–103.

7. Хомич, В. М. Понятие должностного лица в уголовном праве / В. М. Хомич // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343

О.И. СКОК, И.В. ШУЛЕНКОВА

Барановичи, БарГУ

ОСОБЕННОСТИ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ПРЕДМЕТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ

Незаконный оборот наркотиков и наркомания являются острой мировой проблемой, ставящей под угрозу и подрывающей нравственное, психическое и физическое здоровье человека, а также существенно влияющей на дестабилизацию экономической и политической сфер жизни общества. Современная ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотических средств в стране, характеризуется стремительными темпами роста потребления и сбыта наркотиков.

По официальным данным МВД Республики Беларусь на протяжении последних 10 лет наблюдается устойчивая тенденция к увеличению уровня наркотизации общества. В настоящее время на учете по официальным данным состоит более 15 тысяч наркоманов. Учитывая латентный характер явления, согласно общепризнанным методикам подсчета, в том числе и методике ООН, можно предположить, что количество лиц, употребляющих наркотики, достигло порядка 110 тыс.

Таким образом, при численности населения Республики Беларусь 9 млн. 464 тыс., можно с достаточной долей вероятности предположить, что уровень наркотизации составляет около 1,16 %. Динамика увеличения количества больных наркоманией в Республике Беларусь составляет 500–700 человек в год [1].

Наркомания характеризуется жесткой зависимостью состояния человека, его физического и психического самочувствия от введения наркотического препарата. Становление, формирование наркомании характеризуется развитием трех основных признаков: психической зависимости, физической зависимости и толерантности. Форма (вид) наркомании зависит от того, какое именно вещество, обладающее наркотическим эффектом, применяется в конкретном случае. Особенности конкретного вещества, используемые дозировки, частота и способ употребления определяют характер действия наркотика на организм.

Подробные исследования международно-правовых и внутринациональных норм позволяют правильно определить трансформацию предмета преступных посягательств в области оборота наркотических средств и выделить существующие пробелы в праве с целью их устранения.

Особенностью предмета рассматриваемой группы преступлений является такое их свойство, как наличие аналогов. Речь идет о возможности создания таких средств, которые формально не находятся под уголовно-правовой охраной, но потребление которых влечет отрицательные последствия как для человека, так и для общества, в связи с чем ставится цель ограничить к ним доступ потенциальных потребителей, в том числе и методом уголовно-правового запрета.

Согласно энциклопедическому словарю аналог это нечто, представляющее соответствие, сходство или подобие другому предмету или явлению, дающее основание для аналогии. Аналогия – сходство, подобие в определенном отношении предметов, явлений или понятий, в целом различных. Изучение различных отечественных и зарубежных источников информации позволило выявить четыре различных значения термина «аналоги наркотических средств».

Первое значение связано с разнообразными наименованиями одного и того же по химическому составу наркотического препарата, которые присваивают ему фирмы-производители.

Второе значение состоит в том, что под «наркотиком-аналогом» понимается синтетический заменитель какого-либо натурального вещества, полностью воспроизводящий наркотические свойства последнего.

В третьем значении специалисты говорят о так называемых «структурных аналогах» наркотических средств, под которыми понимаются близкие, но не идентичные по строению вещества.

И, наконец, в четвертом значении термин «наркотики-аналоги» использован белорусским законодателем в Законе от 13.07.2012 г. и УК Республики Беларусь. Аналоги – это «химические вещества, не включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ одного или двух атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ, установленный МВД Республики Беларусь»[2].

Понятие «наркотиков-аналогов» предусмотрено в законе на тот случай, когда злоумышленники получают путем синтеза или выделяют из природного сырья такие аналоги наркотических средств, которые

сохраняют или приобретают опасные наркотические свойства своих контролируемых «родственников», но при этом не являются их солями, изомерами или эфирами и, следовательно, не могут быть автоматически отнесены к числу контролируемых объектов.

В деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков сотрудники органов внутренних дел обязаны выявлять наркотики-аналоги во всех четырех вышеприведенных значениях этого термина и принимать решения в соответствии с порядком, установленным законодательством. В каком бы из четырех вышеприведенных значений ни попал наркотик-аналог в поле зрения сотрудника органов внутренних дел, для каждого из этих веществ характерно воздействие на организм человека, аналогичное какому-либо из известных наркотических средств. Для того чтобы выделить наркотик-аналог из массы прочих химических веществ, оперативный сотрудник и следователь должны знать основные признаки такого воздействия.

В правоприменительной практике при квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов возникает ряд трудностей, устранение или минимизация которых требует решения на теоретическом уровне.

Так, например, по мнению многих ученых определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ требует серьезной доработки. Во-первых, вызывает вопрос то, что аналоги определяются только как «вещества синтетического или естественного происхождения». Во-вторых, к аналогам могут быть отнесены лишь те вещества, которые сходны с наркотическими средствами и по структуре, и по свойствам. Неопределенным в определении понятия аналогов наркотических средств и психотропных веществ также представляется и термин «сходство». Получается, что для отнесения какого-либо вещества к категории аналогов либо должны быть указаны свойства, подлежащие совпадению, и границы совпадения этих свойств, либо этот критерий должен быть исключен из определения.

В связи с этим, полагаем целесообразным, в качестве одного из вариантов изменения определения аналогов оставить один критерий отнесения веществ к категории аналогов - воспроизведение психоактивного действия.

Помимо неопределенности понятия аналогов наркотических средств и психотропных веществ законом не урегулирован порядок отнесения каких-либо веществ к данной категории, а также вызывают сложность аспекты доказывания осведомленности лица, совершившего названные незаконные действия, о том, что эти средства являются аналогами наркотических средств.

В науке высказывается предложение о создании и утверждении перечня аналогов наркотических средств в целях обеспечения единообразия правоприменения при уголовном преследовании за их незаконный оборот. В противном случае, определение экспертным путем сходства химической структуры и психоактивных свойств аналогов по отношению к наркотическим средствам в каждом конкретном случае может представлять определенную сложность, породить субъективизм [3].

Следует отметить, что наша страна не только признала существование проблемы, связанной с ростом распространения потребления наркотиков и зависимости от них, но на протяжении последних десяти лет активно проводит борьбу с этой проблемой. Противодействие незаконному наркообороту и связанной с ним наркопреступности определено Главой государства одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности не только силовых органов, но и всего государства.

Таким образом, полагаем, что разрешение обозначенных проблем, а также должные нормативные условия и практическая возможность контроля над оборотом аналогов наркотических средств позволит поднять борьбу с незаконным оборотом и наркопреступностью на еще более высокий уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 07.10.2015.
2. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Наркотики. ру. Дизайнерские наркотики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/5_6983.htm. – Дата доступа: 07.10.2015.

УДК 343

П.М. ТКАЧУК

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: И.В. Буянова, старший преподаватель

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Необходимая оборона – действие общественно полезное. Она является субъективным правом каждого и по своей сути должна расцениваться как один из важнейших и необходимых способов борьбы с преступностью, доступным каждому средством защиты неотъемлемых прав человека и гражданина, охраняемых законом интересов и ценностей от преступных посягательств. Кроме того, необходимая оборона – важное средство предупреждения преступлений.

Учение о необходимой обороне подвергалось исследованиям многими учеными. Вместе с тем, несмотря на значительное число научных работ, многие из которых имеют буквально фундаментальный характер, понимание существа и применения законодательства о необходимой обороне, продолжает вызывать затруднение [3].

Институт необходимой обороны, несмотря на кажущуюся простоту и ясность содержит немало оценочных категорий, которые порождают многочисленные споры и проблемы в квалификации деяний, совершенных защищающимися.

Актуальность темы обусловлена тем, что каждый из нас или наших близких может оказаться в ситуации, порождающей необходимость защищать себя, следовательно, каждый имеет свою точку зрения по данному вопросу. Следует отметить, что не все граждане являются профессиональными юристами или сотрудниками правоохранительных органов. Большинство граждан обладают обыденным правосознанием, которое складывается стихийно и присуще людям, сталкивающимся с юридической сферой периодически. Именно от правовой грамотности и практических навыков обороны будет зависеть то, как человек сможет выйти из неблагоприятной для него ситуации.

Ни одна правовая система в мире не способна обеспечить всестороннюю и полную защиту своих граждан, а поэтому уголовным законом нам предоставлено право на защиту от общественно опасного посягательства [4].

Но, как уже было сказано ранее, не все так просто и ясно – требования соблюдать многочисленные условия правомерности, относящиеся как к посягательству, так и к защите, делают необходимую

оборону трудной в понимании не только субъекту применения, но и специалистам. Обороняющемуся надлежит соблюсти все условия правомерности, относящиеся к посягательству, чтобы не быть осужденным за последствия этого акта. Но даже это не гарантирует ему того, что он не будет необоснованно осужден.

Ключевой проблемой является определение самих пределов необходимой обороны, при превышении которых устраняется общественная полезность действий обороняющегося, и деяние последнего становится преступным.

Понятие превышения пределов необходимой обороны как явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства и его условия, из-за высокой степени оценочного характера не всегда правильно толкуются правоприменительными органами и является причиной многочисленных судебных ошибок и противоречивых судебных решений.

В судебной практике широко распространен «механический» подход к определению соразмерности средств защиты и нападения, который нередко приводит к тому, что, к примеру, применение оружия против невооруженного преступника при отсутствии явной угрозы жизни защищаемого однозначно квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны. При этом не учитывается тот факт, что даже удар кулаком средней силы в область виска может обернуться летальным исходом или утратой возможности дальнейшей обороны [1, с. 1007].

Гарантией правильного применения оценочных понятий института необходимой обороны является формирование адекватных стандартов оценки, с которыми сопоставляются конкретные обстоятельства каждого дела. Ведь только лишь на основе всестороннего изучения и анализа всех обстоятельств, обстановки посягательства, его степени и характера можно определить имеет ли здесь место превышение пределов этой необходимой обороны.

Естественно, многообразие ситуаций, связанных с необходимой обороной, неизбежность субъективных оценок действий обороняющегося, уровень правосознания и профессиональной подготовки судей, вечные споры об условиях правомерности являются причинами квалификационных ошибок.

Нарушения законности при рассмотрении дел о необходимой обороне связаны в основном с обвинительным уклоном расследования. К основным ошибкам расследования можно отнести: завышение квалификации дел о необходимой обороне, недостаточное подтверждение фактами таких важных обстоятельств дела, как характеристика личности подозреваемого, детальное выяснение характера и степени, а значит и,

прежде всего, правильной юридической квалификации общественно опасного посягательства, вызвавшего состояние обороны, невнимательное выяснение субъективных характеристик защиты [2, с. 692].

Типичной ошибкой также является то, что при расследовании дел об эксцессе обороны уделяется мало внимания выяснению возможности субъективного контроля ситуации оборонявшимся, а также его психического и эмоционального состояния в момент посягательства.

Каждым неправильно разрешенным делом наносится непоправимый вред обществу, подрывается авторитет органов правосудия. При подобной практике генерируется социальная пассивность граждан, у населения возникает нежелание участвовать в осуществлении государственных функций охраны правопорядка, чтобы не ставить под угрозу свои собственные интересы. Это – серьезная социальная проблема, порожденная «человеческим фактором», стереотипами правосознания.

Неправильное понимание и применение закона о необходимой обороне, приводящее к судебным ошибкам, ограничивает право граждан на законную защиту и содействует безнаказанности преступников и росту необоснованно осужденных, что вызывает справедливое недовольство граждан и затрудняет борьбу с преступностью.

В настоящее время на страницах юридической литературы можно обнаружить стремление некоторых авторов дать критическую оценку уголовному закону о необходимой обороне, однако кардинального изменения законодательной регламентации рассматриваемого института уголовного права в полном его объеме обнаружить не удастся.

Таким образом, в настоящее время институт необходимой обороны представляет собой важнейшую форму участия граждан Республики Беларусь в правоохранительной деятельности, где он представлен, с одной стороны, как субъективное право каждого человека, а, с другой, в качестве публично-правовых полномочий правоохранительных органов и их сотрудников, связанных с применением правомерного насилия в правоохранительной деятельности. В то же время, изучение теории и практики применения института необходимой обороны по уголовному законодательству позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительную его разработанность, он нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях его эффективного применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

2. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 692 с.

3. Мацокина, Г. Н. Уголовно-правовая характеристика института необходимой обороны: дисс... канд... юрид... наук : 12.00.08. / Г. Н. Мацокина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-instituta-neobkhodimoi-oborony>. – Дата доступа: 10.10.15.

4. Тараканов, И. А. Особенности доказывания состояния необходимой обороны в стадии предварительного расследования: дисс... канд... юрид... наук : 12.00.09. / И. А. Тараканов [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-dokazyvaniya-sostoyaniya-neobkhodimoi-oborony-v-stadii-predvaritelnogo-rassledov>. – Дата доступа: 09.10.15.

УДК 343

А.В. ФАРАФОНОВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного [1]. Лицу, признанному виновным в совершении преступления, может быть назначено наказание, лишь предусмотренное Уголовным кодексом (далее – УК).

Исходя из общих начал назначения наказания (ст. 62 УК Республики Беларусь) суд определяет наказание в пределах, установленных санкцией статьи Особенной части УК, предусматривающей ответственность за совершенное преступление [1].

Если то или иное обстоятельство, указанное в ст. 64 УК, предусмотрено в диспозиции статьи Особенной части УК в качестве признака преступления, оно не должно учитываться отягчающее ответственность.

За убийство уголовным законодательством Республики Беларусь предусмотрено самое суровое наказание, вплоть до пожизненного

заклучения или смертной казни – расстрела, применяемых только за преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

В основном все осужденные за совершение убийства по статьям 100 и 101 УК БССР (Республики Беларусь) 1960 г. и по ст. 139 УК Республики Беларусь 1999 г. приговаривались к наказанию в виде лишения свободы, срок которого с 1998 г. был увеличен до двадцати пяти лет вместо существовавшего ранее максимума в пятнадцать лет. Кроме этого, в 1997 г. за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах было введено также пожизненное заключение.

Уголовное законодательство европейских стран, относящихся к романо-германской правовой семье, отличается относительно сдержанными подходами к максимальным срокам лишения свободы. Так, Уголовный кодекс Франции предусматривает в качестве наказания за совершение убийства тюремное заключение сроком на тридцать лет, что является наиболее суровым наказанием среди европейских государств. Самая мягкая санкция за убийство установлена УК Австрии: лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Более того, статья 287 УК Голландии вообще не устанавливает нижнего предела наказания за данное преступление [2, с. 128].

В доктрине исламского уголовного права тяжесть совершенного преступления и вид назначаемого за него наказания часто зависят от формы вины и мнения потерпевших. Например, в случае совершения убийства в Саудовской Аравии потерпевшей стороне предоставляется право выбрать наказание для виновного. При причинении смерти виновный обязан уплатить выкуп и нести религиозное покаяние. При этом выкуп за убийство женщины вдвое меньше, чем за убийство мужчины, что не согласуется с современными международными правовыми подходами [3, с. 58].

Рассматривая виды наказаний, предусмотренные уголовным законодательством некоторых постсоветских стран за совершение убийства, отмечается, что их перечень ограничивается смертной казнью, срочным или пожизненным лишением свободы. В некоторых странах в качестве дополнительного вида наказания за совершение убийства с отягчающими обстоятельствами предусмотрена конфискация имущества.

Так, согласно уголовному законодательству Российской Федерации, убийство наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Уголовный кодекс Украины за убийство предусматривает наказание в виде лишения

свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненное лишение свободы [4, 5].

Следует отметить, что по уголовному праву Кыргызстана убийство наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой, а уголовное законодательство Таджикистана за совершение убийства предусматривает лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет с конфискацией имущества или смертную казнь [5].

Рассмотрение исследуемой проблемы в данном контексте позволило нам заключить следующее: действующее уголовное законодательство Республики Беларусь в части назначения наказания по делам об убийствах в целом соответствует мировому уровню развития уголовно-правовых норм. Вместе с тем изучение уголовного законодательства некоторых зарубежных стран в части назначения наказания за убийство показывает, что в санкции ни одной из перечисленных стран не был рассмотрен имущественный аспект наказания дополнительно к лишению свободы.

Таким образом, с целью восстановления социальной справедливости и исправления убийцы, а также предупреждения совершения новых преступлений, как осужденным, так и иными лицами предлагаем изменить санкцию ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь, исключив из ее содержания фразу «а при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 12 части второй настоящей статьи», изложив ее в следующей редакции «наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет с конфискацией имущества или без конфискации, или пожизненным заключением с конфискацией имущества или без конфискации, или смертной казнью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О назначении судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2002 г., № 1 : в редакции постановления от 20 декабря 2007 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Крылова Н. Е. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Зерцало, 1998. – 192 с.
3. Хачим, Ф. И. Уголовное право стран Ближнего Востока (Иран, Египет, Израиль, ОАЭ, Ирак). – М. : Изд-во РУДН, 2001. – 138 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации, 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 13.07.2015 г. // Консультант Плюс :

Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Уголовные кодексы // «legislationline» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 07.10.2015.

УДК 343

В.Г. ФИЛИППОВИЧ

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
*Научный руководитель: А.М. Клим, кандидат юридических наук,
доцент*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Коррупция является опасным социально-негативным явлением, представляющим угрозу институтам государства и стабильности общественной жизни. Выработка оптимальных мер противодействия коррупционной преступности составляет предмет правового регулирования не только национального законодательства, но и норм международных актов.

Международно-правовое регулирование в данной области прошло несколько этапов становления: от принятия актов по конкретным проблемам противодействия в отдельных сферах государственной деятельности и до принятия комплексного акта – Конвенции ООН против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003).

Имплементация норм международного права в этой сфере является важной составляющей формирования глобального антикоррупционного порядка, а также необходимым условием эффективной борьбы с коррупцией на национальном уровне. В настоящее время в Республике Беларусь ратифицированы четыре конвенции:

Конвенция Европейского союза об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 ETS № 173. Данная конвенция достаточно полно заимствована в действующее законодательство Республики Беларусь, в части применения уголовной ответственности за такие деяния как: злоупотребление в корыстных целях, активный и пассивный подкуп и т.д. В то же время не заимствован подход, согласно которому юридическое лицо также может быть привлечено к уголовной ответственности, а также при определении таких понятий как: публичное должностное лицо, судья, юридическое лицо.

Конвенция «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию». Данная конвенция ратифицирована в большей степени, вместе с тем, в гражданском законодательстве Республики Беларусь не предусмотрены специальные меры, касающиеся непосредственно гражданско-правовой ответственности за коррупционные преступления.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000. Палермская конвенция предлагает ряд рекомендаций, которые должны быть учтены в уголовном законодательстве на национальном уровне. Вместе с тем ряд положений Конвенции противоречат общим положениям уголовного законодательства Республики Беларусь и, в связи с изложенным, не могут быть приняты. Так, в частности не было одобрено положение, согласно которому предметом взятки может являться нематериальное благо (услуги, льготы и т.д.).

Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 также не в полной мере заимствована Республикой Беларусь, в частности статья 6 предусматривает создание специализированного органа по борьбе с коррупцией: каждое государство-участник обеспечивает в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы наличие органа, осуществляющего предупреждение коррупции, однако у нас в Республике Беларусь такого органа так и не было создано.

Несмотря на заметный прогресс в единении международного сообщества в борьбе с коррупцией система международно-правовых актов в этой сфере пока не позволяет обеспечить надлежащую координацию правовых средств противодействия коррупции на национальном и международном уровнях. Очевидно, требуются большая согласованность в огромном массиве международных документов и разработка соответствующих принципов и инструментов координации усилий на различных уровнях международного противодействия коррупции [1, с. 37].

Проведя анализ норм указанных международных актов, а так же практику их применения в национальном законодательстве Республики Беларусь и мнение отечественных исследователей [2] можно сделать следующие выводы:

1. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией представляет собой систему отношений между государствами в лице их органов, международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями и иными организациями в сфере противодействия коррупции, включающую согласованные политику, антикоррупционную стратегию и тактику, выработку международных договоров и соглашений, их имплементацию во внутреннее законодательство государств, правоприменительную,

организационно-правовую, информационную и научно-исследовательскую деятельность соответствующих субъектов сотрудничества по предупреждению коррупции, непосредственной борьбе с ней на основе международно-правовых документов и принятых в соответствии с ними положениями национального законодательства.

2. Международно-правовые документы о борьбе с коррупцией, являющиеся нормативной основой международного сотрудничества в данной области, являются комплексными актами, значение которых выходит за сферу регулирования международного уголовного права, что подчеркивает тенденцию формирования комплексной подотрасли международного права – права международного сотрудничества в борьбе с преступностью. В международных антикоррупционных документах четко выражен акцент на меры по предупреждению коррупции, имеющие приоритет перед средствами уголовной репрессии.

3. Анализ международно-правовых документов показывает тенденцию к расширению спектра деяний, относимых ими к числу коррупционных. Составы коррупционных преступлений в конвенциях отличаются предельно широким формулированием объективной стороны деяний. Также широко понимается в международных конвенциях и понятие должностного лица. Вместе с тем, нормы конвенций в большинстве своем являются «гибкими», что позволяет учитывать особенности национального уголовного законодательства и правовых систем различных государств при имплементации соответствующих положений международного права в национальном законодательстве.

4. Имплементация положений международных антикоррупционных документов не должна ограничиваться сферой уголовного законодательства. Принципиально важно приведение в соответствие с международными нормами положений других отраслей права Республики Беларусь. Только в этом случае можно говорить о полномасштабном выполнении международных обязательств по данным соглашениям в правовой сфере. Кроме того, без соответствующего «подкрепления» неэффективным будет и действие соответствующих уголовно-правовых норм. В связи с этим необходимо принятие закона Республики Беларусь, который бы закрепил основы антикоррупционной политики государства и явился бы базой для дальнейшего совершенствования национального законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лошакова, С. А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с коррупцией как фактор обеспечения безопасности в Европе / С. А. Лошакова // Безопасность бизнеса. – 2014. – № 4. – С. 36–39.

2. Лукашов, А. И. Борьба с коррупцией в свете новелл в белорусском антикоррупционном законодательстве / А. И. Лукашов // СПС КонсультантПлюс. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – М.: ООО «ЮрСпектр», 2015.

УДК 343

Дж.М. ЧАРЫЕВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Преступления против порядка осуществления экономической деятельности – это совершенные умышленно общественно опасные деяния, которые причиняют существенный вред установленному порядку осуществления экономической деятельности и гражданского оборота в сфере производства, распределения, обмена и использования материальных благ и услуг.

В главу 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» раздела VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) включены следующие виды преступлений:

- преступления против порядка обращения денег, ценных бумаг, платёжных средств и валютных ценностей (ст. 221-226, 226², 227, 258);
- преступления против экономических интересов государства (ст. 228-231);
- преступления против порядка осуществления предпринимательской деятельности (ст. 232-234);
- преступления против нормальной деятельности финансово-бюджетной и денежно-кредитной систем (ст. 237, 243, 261, 261¹, 262);
- преступления против порядка, препятствующего монополистической деятельности (ст. 244, 245, 247);
- преступления против порядка осуществления добросовестной конкуренции (ст. 248, 249);
- преступления против информационной безопасности субъектов экономической деятельности (ст. 226¹, 254, 255);

- преступления против интересов потребителя (ст. 250, 257);
- преступления против общих условий осуществления экономической деятельности и гражданского оборота (ст. 235, 236, 242, 246, 251-253, 259);

В главу 27 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» раздела XI «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Туркменистана (далее – УК Туркменистана) включены следующие преступления:

- преступления против порядка обращения денег, ценных бумаг, платёжных средств и валютных ценностей (ст. 248, 251, 252);
- преступления против экономических интересов государства (ст. 254, 261);
- преступления против порядка осуществления предпринимательской деятельности (ст. 238, 239, 241);
- преступления против нормальной деятельности финансово-бюджетной и денежно-кредитной систем (ст. 262, 266);
- преступления против порядка, препятствующего монополистической деятельности (ст. 245);
- преступления против порядка осуществления добросовестной конкуренции (ст. 247);
- преступления против информационной безопасности субъектов экономической деятельности (ст. 250);
- преступления против интересов потребителя (ст. 264);
- преступления против общих условий осуществления экономической деятельности и гражданского оборота (ст. 242, 244, 246).

Сравнительный анализ главы 25 УК Республики Беларусь и главы 27 УК Туркменистана позволяют выявить определенные отличия в системе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в Беларуси и Туркменистане.

1. Раздел в УК Туркменистана называется «Преступления в сфере экономики», а в УК Республики Беларусь «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности».

Проблема структуры законодательства о преступлениях в сфере экономики – это не только проблема оптимального его строения и эффективного применения, но это ещё и проблема его надлежащего соблюдения, являющегося формой реализации закона.

Структурирование Особенной части УК Республики Беларусь отражает опыт уголовного законодательства СССР. Структура УК Туркменистана, в свою очередь, в значительной степени соответствует модельному уголовному кодексу СНГ.

2. В УК Туркменистана отсутствует множество статей, которые есть в УК Республики Беларусь.

К примеру, в УК Туркменистана нет статьи о невозвращении на территорию государства историко-культурных ценностей. В Туркменистане тоже есть историко-культурные ценности, которые находят археологи, по нашему мнению, подобную статью следует предусмотреть в УК Туркменистана, чтобы защищать историко-культурные ценности. Также нужно включить статью, подобную статье 253 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» УК Республики Беларусь, в УК Туркменистана. Обосновать это можно тем, что во всём мире на соревнованиях бывают подкупы и поэтому эта статья нужна и в УК Туркменистана.

Также есть ещё много статей, которых можно было бы включить в УК Туркменистана, к примеру, ст. 257 «неправомерное действие при банкротстве», ст. 258 «преднамеренное банкротство» и ст. 259 «фиктивное банкротство».

Несмотря на определенные различия в системе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в уголовном законодательстве Беларуси и Туркменистана, можно выявить много общего непосредственно в нормах (например, основные составы преступлений практически аналогичны, как и большая часть квалифицирующих признаков). В целом системы преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в Беларуси и Туркменистане могут быть охарактеризованы общей классификацией: квалифицированные составы, привилегированные составы и иные преступления. Обусловлено это, главным образом, пребыванием Беларуси и Туркменистана в течение длительного периода в едином правовом поле СССР, а также общностью некоторых интеграционных процессов в постсоветский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – Ашхабад, 2013. [Электронный ресурс] : [по состоянию на 03.04.2015 г.] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центр ОБСЕ в Ашхабаде.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь

от 24.10.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343.431

О.И. ХОРОЖЕВА

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент

**ПОНЯТИЕ «ДЕТСКАЯ ПОРНОГРАФИЯ»
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ И ЕГО
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Детская порнография в настоящее время является одним из наиболее распространенных преступлений. По некоторым оценкам, в интернете размещены до 200 тыс. сайтов, в той или иной степени имеющих отношение к детской порнографии, причем до 60 % из них являются русскоязычными или принадлежат русскоязычным гражданам. Свободный доступ к содержанию данных ресурсов может получить любой пользователь сети независимо от возраста и гражданства. С учетом масштабов интернета становится очевидным, что оборот порнографической продукции с изображением несовершеннолетних приобрел все черты преступления международного характера, посягающего на общепризнанные нравственные ценности и нормы.

Само понятие «детской порнографии» в законодательстве Республики Беларусь до настоящего времени не имеет легального определения, что влечет трудности в применении норм ст. 343¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) на практике [1]. При невозможности установления возраста лиц, изображенных на соответствующих материалах, как правило, размещенных в интернете фотографиях либо видеороликах, действия виновных квалифицируются по общей норме ст. 343 УК, предусматривающей существенно более мягкую ответственность. Между тем представляется, что данная проблема может быть разрешена путем включения в законодательство Республики Беларусь современного международно-правового понимания детской порнографии.

В Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. впервые была закреплена обязанность стран-участниц гарантировать защиту ребенка от использования в изготовлении порнографических материалов (ст. 34). Однако само понятие детской порнографии, а также подлежащие

преследованию способы распространения подобных материалов или предметов в конвенции не определялись [2].

В Факультативном протоколе к вышеуказанной конвенции, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г. детская порнография была определена как «любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях» (ст. 2) [3]. Данное определение не содержит оценочных понятий, что делает его достаточно удобным для практического применения. Указанный протокол определил общие критерии отнесения материалов к детской порнографии, перечень деяний, подлежащих криминализации на национальном уровне, ряд вопросов юрисдикции и правовой помощи (в том числе выдачи). Значительное внимание уделено в протоколе мерам по защите прав и интересов детей, ставших жертвами запрещаемых протоколом деяний, на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Понятие детской порнографии, изложенное в § 2 ст. 9 Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г., включает в себя не только материалы, изображающие участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях, но и участие лица, *кажущегося* несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях, а также – *реалистические изображения* несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях [4]. Такое понимание детской порнографии способно разрешить проблему установления возраста участников порнографических сцен и, кроме того, бороться с такими опасными для нормального развития несовершеннолетних проявлениями детской порнографии, как порнографическая мультипликация. Следует отметить также, что к числу деяний, подлежащих уголовному преследованию, данная конвенция относит приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица, а также владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных, т. е. безотносительно от наличия или отсутствия цели ее дальнейшего распространения либо рекламирования (§ 1 ст. 9).

Конвенция Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера от 25 октября 2007 г. предусматривает привлечение к ответственности тех лиц, которые лишь просматривают материалы, заведомо содержащие детскую порнографию, не сохраняя их в собственной компьютерной системе (подп. f § 1 ст. 20) [5]. Такое расширение перечня наказуемых деяний представляется

достаточно разумным шагом, поскольку позволяет пресечь оборот порнографической продукции от изготовителя до конечного потребителя и должно быть учтено в законодательстве.

Значительные усилия по противодействию распространению детской порнографии в последние годы предпринимаются на уровне Содружества Независимых Государств. В постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 3 апреля 2008 г. № 30-13 «О рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми» предусматривается необходимость закрепления согласованного (общепринятого в международном праве) легального определения понятия «детская порнография» (ст. 4.2) [6]. Как указывается в данном постановлении, с учетом тяжести деяния преступлениями в уголовном законодательстве государства должны признаваться не только производство, предложение, экспорт, импорт, перевозка, распространение, включая сбыт любыми средствами, детской порнографии, но также обеспечение доступа к ней других лиц, в том числе в телекоммуникационных сетях, приобретение детской порнографии для себя или другого лица, а *равно хранение в любой форме и в любых целях порнографических материалов, в которых фигурируют дети или смоделированные изображения детей.*

Из данного документа также следует, что «каждое государство должно принять законодательные и иные меры по пресечению и предупреждению любого злоупотребления изображением и голосом ребенка в эротических целях и ввести за данное деяние соответствующие меры ответственности в административном и уголовном законодательстве» (ст. 4.3). Следует отметить, что вследствие усиления ответственности за действия с порнографическими материалами, содержащими изображения несовершеннолетних, получает все большее распространение так называемая детская эротика, например изображения детей в откровенных позах либо их половых органов. Очевидно, что такие материалы могут представлять опасность для общественной нравственности и нормального развития несовершеннолетних, особенно если учесть, что они нередко используются для рекламирования порнографической продукции. Но поскольку в данном случае отсутствует изображение действий сексуального характера, оборот детской эротики, как правило, не влечет какой-либо правовой ответственности.

В ст. 3 Модельного закона «О противодействии торговле людьми», принятого постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 3 апреля 2008 г. № 30-11 [7], и Модельном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и

развитию», принятом постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 3 декабря 2009 г. № 33-15 [8], содержатся по сути аналогичные определения, согласно которым под детской порнографией понимаются любые изображения или описания ребенка или совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающих или имитирующих действия сексуального характера или принимающих участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичные изображения (в том числе созданные средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) образа ребенка, совершающего действия сексуального характера или участвующего в таких действиях, а равно *любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях.*

Очевидно, что такое понимание детской порнографии во многом совпадает с понятием, используемым в Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации. Кроме того, модельные законы предлагают отнести к детской порнографии изображения или описания половых органов ребенка в сексуальных целях, что позволило бы противодействовать распространению «детской эротики». Такое широкое определение детской порнографии способно обеспечить надлежащую защиту общественной нравственности и предотвратить вред, причиняемый нормальному развитию несовершеннолетних.

Таким образом, имплементация положений Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г., а также реализация положений постановления Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 3 апреля 2008 г. «О рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми» требуют регламентации понятия «детская порнография» в законодательстве Республики Беларусь. Основу такого определения может составить понятие «детская порнография», используемое в правовых актах Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О правах ребенка : Конвенция Организации Объединенных Наций : вступила в силу 2 сент. 1990 г., для Респ. Беларусь 31 окт. 1990 г.,

текст с изм. и дополн. в ред. Поправки ООН от 21.12.1995 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. К Конвенции о правах ребенка, касающейся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии : факультатив. протокол Орг. Объедин. Наций [Электронный ресурс] : принят резолюцией Генерал. Ассамблеи Орг. Объедин. Наций от 25 мая 2000 г. № 54/263 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Council of Europe Convention on Cybercrime [Electronic resource]: Budapest, 23.11.2001, CETS № 185. Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm>. – Date of access: 10.09.2015.

5. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse [Electronic resource] : Lanzarote, 25.X.2007, CETS № 201. Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/treaties/Html/201.htm>. – Date of access: 10.09.2015.

6. О рекомендациях по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 3 апр. 2008 г., № 30-13 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

7. О модельном законе «О противодействии торговле людьми» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 3 апр. 2008 г. № 30-11 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. О модельном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 3 дек. 2009 г. № 33-15 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343.23

В.В. ШПАКОВСКАЯ

Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова

Научный руководитель: М.А. Гамазина, старший преподаватель

ЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Установление истины по уголовным делам сопровождается определением всевозможных эмоциональных явлений, раскрывающих поведение людей и их поступки. Различные чувства, эмоциональные и психические состояния тяжело переживаются лицом, вызывают нравственные страдания, причиняя необратимый физический или моральный вред. Порой такие состояния могут представляться в качестве побудительной силы, склоняющей человека к различным формам реагирования, в том числе агрессивным, толкающих к совершению преступления. Вследствие чего эмоции учитываются в практике борьбы с преступностью при решении вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности, при назначении наказания, при изучении личности субъекта, совершившего преступление. Безусловно, ограниченный учет эмоций в общей структурной модели субъективной стороны преступления отрицательно сказывается на качестве установления истины по уголовным делам. Важность понимания эмоций в преступном поведении дает возможность полностью установить особенности подготовки и осуществления преступления, с использованием институтов уголовного права. Исследование эмоций осуществляется различными науками, такими как: судебная психиатрия, медицинской психологией, патопсихологией, юридической психологией и др. Многие положения теории являются востребованными как в правоприменительной, законодательной деятельности, так и в деятельности экспертов. Однако положения теории зачастую противоречат практике, что требует правового уяснения и устранения недостатков. В уголовном праве психическое отношение субъекта к совершенному им деянию является упрощенным, усеченным и искаженным. Роль эмоциональных явлений в жизни человека велика, они напрямую связаны с удовлетворением или неудовлетворением его потребностей. Эмоции зачастую служат источником действий человека. Они представляют собой переживание, испытываемое лицом при совершении деяния или событиями окружающей действительности. Эмоции придают особый фон психическим процессам, способствуют возникновению мотива, ориентируют человека на постановку определенной цели [1, с. 27].

П.В. Симонов отмечает: «Тот или иной поступок определяют не сознание и воля сами по себе, а их способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих мотиваций»[2, с.112].

Ведь эмоциональное состояние человека формируется в зависимости от силы и условий реализации мотивации. Выделение в субъективной стороне преступления эмоциональных, интеллектуальных, мотивационных и волевых моментов относительно, однако необходимо как для теории, так и для практики. Субъект при совершении преступления является единым и неделимым. Все его процессы, направленные на удовлетворение потребностей, взаимообусловлены и взаимосвязаны. Вследствие чего является затруднительным установление психического отношения субъекта к действиям и последствиям по нормативно вырванным и усеченным моментам. Если бы принцип субъективного вменения не был только провозглашен, а применялся по всем уголовным делам, то необходимым было бы учитывать все фактические моменты психического отношения лица к своим действиям и их последствиям, в том числе и эмоции. Применение принципа субъективного вменения требует надежных гарантий его реализации, и в первую очередь законодательных, которые обеспечивали бы безошибочную деятельность правоприменительных органов. Это связано не только с научным определением вины, но и со всеми иными институтами уголовного права, а также с соблюдением на предварительном следствии и в суде процессуальных гарантий, строго обеспечивающих презумпцию невиновности. Нельзя игнорировать эмоциональное состояние субъекта, влияющее на сознание, волю и мотивацию.

Эмоции, испытываемые человеком в момент совершения преступления, занимают особое место в субъективной стороне преступления. Они являются психическими переживаниями, которые субъект преступления испытывает до, во время и после совершения преступления, а именно поэтому эмоции не могут являться элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию. Так как эмоции связаны с мотивом общественно опасного деяния, в отдельных случаях они входят в субъективную сторону конкретного состава преступления. На практике они редко имеют юридическое значение, особенно эмоции, переживаемые после совершения преступления. Однако эмоции, в отдельных случаях, имеющие значение для оценки психологического содержания преступления, являются дополнительным признаком субъективной стороны преступления. В таких случаях, данное значение эмоций законодательно закреплено в качестве обстоятельств смягчающих или отягчающих ответственность. Таким образом, можно сделать вывод, что эмоции могут быть признаны как в качестве

социального признака, так и юридического, который характеризует личность виновного. Различные исследования ученых-криминологов показывают, что для большого числа преступников, преимущественно первичных, совершение преступления – ситуация стрессовая, эмоциональная. Однако этого не наблюдается, в большинстве случаев, в продолжаемых и длящихся преступлениях, а также преступлениях, совершенных в состоянии холодного рассудка. Сильное отрицательное эмоциональное переживание образуют несходство конкретной ситуации с исходным побуждением и возможными результатами предвидения. Хотелось бы отметить, что отрицательные эмоции зависят от силы мотива и дефицита информации, а также от времени, места и индивидуальных особенностей субъекта. При совершении преступления зачастую субъект испытывает гнев, страх, ярость, тревогу, волнение, аффект, иными словами психологическую и физиологическую напряженность. Являясь быстрыми или длительными, эмоции могут повлиять на скорость интеллектуальных операций, внимания, а также на снижение способности совершать привычные действия и поступки, возможно увеличение оплошных действий (суета, забывание инструкций и т.п.). Изучение подхода вины в уголовном праве является недостаточным, это обусловлено тем, что он основывается на изжившей себя концепции «сознание и интеллект управляют поведением». Множество преступлений совершаются на эмоциональной основе, импульсивно. Субъект в редких случаях осознанно предугадывает в своих действиях общественно опасные результаты. Учет эмоционального состояния лица при установлении его виновности – практическая необходимость реализации субъективного вменения.

Эмоции различными способами могут повлиять на субъект преступления. Они могут стимулировать или нейтрализовать интеллект, сузить его сферу, уменьшить прогнозирующие возможности человека. Именно этим они непосредственно влияют на качество интеллектуального момента субъективной стороны. Кроме того, эмоции (особенно отрицательные) могут выполнять функции неосознанных или осознанных исходных побуждений при совершении преступлений и таким образом входить в мотивационный и волевой моменты субъективной стороны. Ряд признаков субъективной стороны преступления (виды вины, мотивы, цели) достаточно глубоко и обстоятельно изучены и общей теорией права, и отраслевыми юридическими науками. В то же время, по сути, постановочный характер имеет вопрос о видах и уголовно-правовом значении эмоций. И если уголовным законодательством признана роль наиболее острых переживаний (достигающих в своем развитии степени аффекта), то значимость иных, не аффектных, эмоций безусловно, оказывающих влияние на осознанно-волевое поведение субъекта до сих

пор не ясна. Эмоции, независимо от того, являются ли они обязательным признаком конкретного состава преступления, в любом случае выступают одним из определяющих признаков при оценке психического состояния лица во время подготовки и совершения им преступления. Проблема взаимосвязи эмоций и преступлений в плане будущих уголовно-правовых исследований является одной из самых «перспективной» и требует более детального и глубоко изучения для правильной квалификации преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – Москва, 1971. – 40 с.
2. Симонов, П. В. Темперамент. Характер. Личность / П. В. Симонов. – Москва, 1984. – 161 с.

УДК 343.8

В.С. ШАБАЛЬ

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

Научный руководитель: Ю.Л. Шевцов, кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В настоящее время в Республике Беларусь вопросы применения уголовного наказания регулируются как Уголовным (далее УК), так и Уголовно-исполнительным кодексами Республики Беларусь (далее УИК). При этом имеют место быть некоторые неточности в определении целей уголовной ответственности и применения уголовного наказания.

Перед современным уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь в соответствии с целями уголовной ответственности ставятся задачи регулирования исполнения и отбывания осужденными наказания и иных мер уголовной ответственности, определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации, защита прав и законных интересов осужденных [1, ст. 2]. При этом установлено, что целями применения наказания и иных мер уголовной ответственности выступают исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как самими осужденными, так и иными лицами, то есть частное и общее предупреждение [1, ст. 7]. В УК уголовная ответственность ставит перед собой аналогичные цели [2, ст. 44]. Хомич В.М. отмечает, что «в

уголовном законе следует говорить о целях ответственности, а не о целях наказания, поскольку осуществление известных целей реализуется и при применении мер воздействия, не связанных с реальным применением наказания» [3, с. 10]. С данной точкой зрения следует согласиться, однако на наш взгляд, так как уголовно-исполнительным законодательством регулируется как применение уголовного наказания, так и исполнение иных мер уголовной ответственности (раздел 9 УИК), возможно использование в ст. 7 УИК и ст. 44 УК дефиницию «цели уголовной ответственности».

Одной из задач уголовно-исполнительного законодательства является определение средств достижения целей уголовной ответственности. Анализируя статьи УК И УИК, следует сделать вывод, что если в уголовно-исполнительном законодательстве дается определение исправления и определяются средства достижения целей уголовной ответственности, то уголовное законодательство умалчивает об этом, что как видится, является неправильным, особенно учитывая мнение, что цели уголовной ответственности и цели применения наказания и иных мер уголовной ответственности имеют определенные отличия. Хотелось бы отметить, что в ч. 3 ст. 7 УИК используется термин именно средства достижения целей уголовной ответственности, а в ч. 4 той же статьи определяются уже средства исправления, относя их только к одной цели применения наказания. На наш взгляд, необходимо говорить именно о средствах достижения целей уголовной ответственности, так как путем установления правоограничений и проведения различных мероприятий возможна реализация общего и частного предупреждения (например, посредством установления режима реализуется изоляция преступника). На наш взгляд, полное отсутствие данных определений в уголовном законе, а также частичное присутствие в УИК предопределяет неточности в установлении необходимых средств, с помощью которых будут достигаться цели уголовной ответственности.

Следует отметить, что в ст. 44 УК, определяющей цели уголовной ответственности, отдельно выделяется восстановление социальной справедливости. При этом осуждение лица, совершившего преступление, является основанием в возмещении имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем и материального возмещения морального вреда (ч. 3 ст. 44 УК). То есть под восстановлением социальной справедливости понимается лишь возмещение различных видов вреда посредством финансовых средств виновного лица, что значительно сужает данное понятие. Законодатель прямо не относит данную дефиницию к целям, но при этом говорит, что уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости.

Данная дефиниция в качестве цели применения наказания присутствует в уголовном законодательстве Азербайджана, Грузии, Армении, Российской Федерации, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. По мнению Хомича В.М., уголовная ответственность «не ставит своей целью восстановление социальной справедливости, ибо это несоизмеримые с уголовной ответственностью задачи» [4, с. 129]. С данным мнением стоит не согласиться, так как охрана прав граждан является главенствующей задачей УК, а тот факт, что соизмеримое достижение данной цели часто невозможно либо негуманно не лишает возможности к стремлению к ней. Например, исправление лица также не всегда возможно, в частности к приговоренному к смертной казни, однако данная цель провозглашается законодательством.

Уголовный кодекс ставит перед собой задачу охрану человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц (ст. 2 УК). В белорусской юридической энциклопедии дается следующее понятие цели уголовной ответственности, под которыми понимаются «конечные результаты, к которым стремится государство в лице его уполномоченных органов, осуждая виновное лицо за совершенное им преступление» [5, с. 201]. Учитывая то, что под восстановлением социальной справедливости понимается именно возмещение ущерба, вреда, на наш взгляд, необходимо использовать понятие «восстановление нарушенных прав и свобод». При этом тот факт, что перед уголовно-исполнительным законодательством не ставится задача по восстановлению социальной справедливости, является противоречивым в связи с тем, что исправительные учреждения способствует ее достижению как в виде применения правовых ограничений на осужденного, так и производства удержаний по возмещению ущерба, нанесенного совершенным преступлением. В ст. 3 УК раскрываются принципы уголовного закона, к которым относится и принцип справедливости, заключающийся в установлении и назначении наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, что как нам видится, не следует относить к восстановлению социальной справедливости.

Таким образом, следует сделать вывод, что разделение понятий цели уголовной ответственности и цели применения уголовного наказания возможно нецелесообразно в связи с тем, что ими регулируются схожие общественные отношения по применению на основе осуждения уголовного наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с законодательством. Отсутствие определений средств достижения целей уголовной ответственности, а также указанные выше разночтения, как в УК, так и в УИК, предопределяет неточности в

установлении необходимых средств. Так же необходимо определить восстановление нарушенных прав и свобод в качестве цели уголовной ответственности, поэтому ч. 1 ст. 7 УИК и ч. 2 ст. 44 УК представить в следующей редакции: «Уголовная ответственность исходя из принципов и задач уголовного закона имеет целью восстановление нарушенных прав и свобод, исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 11 января 2000 г., № 365-З : в ред. от 5 января 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. от 29 января 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Хомич, В. М. Теоретические проблемы уголовной ответственности : (Концепция и прав. модель ин-та уголов. ответств.) / В. М. Хомич. – Минск : БГУ, 1997. – 35 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. - 2-е изд., с изм. и доп. - Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1063 с.
5. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ. – Т. 4. 2013. – 304 с.

УДК 343.8

С.Н. ШИПУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: М.В. Андрияшко, кандидат юридических наук, доцент

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В АСПЕКТЕ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАКАЗАНИЙ

Одним из значимых уголовно-правовых средств противодействия преступности и охраны общества от преступных посягательств является наказание.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) содержит значительный арсенал наказаний, существенно различающихся по характеру и тяжести карательного воздействия, из которых лишение свободы является одним из наиболее строгих мер уголовно-правового воздействия.

Актуальным является поиск более эффективных и оптимальных подходов к уголовной ответственности с целью смещения акцентов от карательных средств воздействия на лиц, преступивших закон, к примирительным, восстановительным, ориентированным на максимальный учет интересов жертв преступлений. Указанное обусловлено пониманием того, что лишение свободы не является универсальной мерой предотвращения преступности.

Вопросы применения наказания в виде лишения свободы в белорусской науке исследовались такими известными учеными и практиками, как С. Гуреев, А. Дубовик, В. Калинин, В. Ракитский, Э. Саркисова, В. Хомич и др. [7, с. 69].

Лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительную колонию в условиях: поселения, общего, усиленного, строгого или особого режима либо в тюрьму.

Лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, отбывание наказания в виде лишения свободы назначается в воспитательной колонии.

Лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет и достигшему восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, отбывание наказания в виде лишения свободы назначается в исправительной колонии в условиях общего режима.

В теории уголовного права нет единого определения содержания наказания в виде лишения свободы. Так, Б.В. Здравомыслов считает, что содержание этого одного из наиболее суровых видов наказаний состоит в принудительной изоляции осужденного путем помещения его в предназначенные для этого учреждения на срок, установленный приговором суда, со специальным режимом содержания [4, с. 359].

С.Н. Дементьев считает, что сущность лишения свободы заключается в характере, т.е. в определенных законом правоограничениях, которые не могут сводиться только к лишению осужденного права на передвижение, распоряжаться собой. Основным элементом объема карательного воздействия, заложенного в лишении свободы, является его продолжительность, которая определяет величину моральных и физических страданий, применяемых наказаниям к осужденным [3, с. 30].

Интересные рассуждения о преступлениях и наказаниях, не утратившие актуальность и по сей день, содержатся в работах известных

исследователей. Например, Ч. Беккариа [2, с. 218] пишет, что законы являются условиями, на которых люди, до того независимые и жившие в одиночку, объединились в общество, утомившись от постоянной войны и свободы, бесполезной, потому что не обеспеченной. Всякое наказание, не вытекающее из абсолютной необходимости, является тираническим по словам Шарль Луи де Монтескье [2, с. 220]. Это положение может быть выражено более общим образом: всякое проявление власти человека над человеком, не вытекающее из абсолютной необходимости, является тираническим.

Как утверждает В.В. Мясников, в теории уголовного права существует два подхода к сущности такого наказания как лишение свободы. Согласно одному из них сущность наказания составляет кара. Согласно другому – к каре добавляется и совокупность воспитательных мер, применяемых к осужденному. Из этого следует, что сущность лишения свободы – диалектическое единство карательных и воспитательных сторон [6, с. 15].

В современных условиях борьбы с преступностью, охраны прав и свобод граждан, восстановления и обеспечения правопорядка, особое значение приобретает эффективность исполнения уголовных наказаний и исправления осужденных. В настоящее время в качестве одного из основных инструментов реализации общегосударственной задачи в сфере борьбы с преступностью является наличие системы органов и учреждений, предназначенных для исполнения наказаний. Вопросы исполнения уголовных наказаний имеют не только прикладное значение, поскольку, во-первых, они всегда актуальны и востребованы в научном осмыслении, теоретизации и систематизации основных положений, а во-вторых, на основе данных теоретических положений разрабатываются научные рекомендации, задача которых состоит в повышении эффективности исполнения наказания и достижении его целей.

Необходимо отметить, что восстановление социальной справедливости как цели уголовной ответственности определено в национальном уголовном законодательстве. Профессор А.В. Наумов справедливо отмечает, что «правовое отражение справедливости (а тем более уголовно-правовое) не ограничивается ее экономическим содержанием. Право фиксирует определенный уровень прав и обязанностей человека. Нарушение их, т.е. нарушение права, всегда есть нарушение справедливости» [5, с. 363-364]. Если имущественные уголовно-правовые санкции (штраф, конфискация имущества) носят восстановительный характер, то восстановление социальной справедливости в связи с совершением, например, посягательств на жизнь и здоровье человека не может привести к восстановлению фактически

утраченной жизни потерпевшего, утраты здоровья и т.п. Наказание, даже самое суровое, применяется не для того, чтобы причинить осужденному моральные и физические страдания.

В настоящее время лишение свободы – один из наиболее широко применяемых в мире видов наказания. Лишение свободы допускает широкие возможности по индивидуализации назначаемого наказания: может варьироваться срок, режим содержания и характер воздействия на осужденного, что даёт возможность применения исправительного воздействия, соответствующего особенностям личности осужденного.

Лишению свободы как уголовному наказанию с достаточно строгими правоограничениями свойственна не только изоляция осужденного от общества и его жизненного окружения, но и лишение и ограничение других его основополагающих конституционных прав и свобод – свободы передвижения, свободы выбора места жительства, свободы определять свой образ жизни, а также ограничения в трудовой деятельности и др. Характерным признаком лишения свободы является изоляция осужденного и режим контролируемого поведения, в чем и проявляется карательная сторона лишения свободы.

Лишение свободы как и любое другое наказание, предусмотренное УК, применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (часть вторая, часть третья ст. 44 УК). Восстановление социальной справедливости путем наказания осужденного осуществляется применительно к обществу в целом, так и к потерпевшему в частности [1, с. 438].

Среди других наказаний лишение свободы в судебной практике и доктрине уголовного права рассматривается в качестве исключительного наказания, которое следует применять лишь в случаях, когда совершено значительное по степени опасности преступление и суд с учетом характера совершенного преступления и личности виновного приходит к выводу, что назначение другого более мягкого наказания не обеспечит достижения целей уголовной ответственности, в частности, исправления осужденного.

Среди 359 статей Особенной части УК, содержащих 681 различных составов (простой, привилегированный, квалифицированный или особо квалифицированный), в санкциях наиболее распространенными наказаниями являются лишение свободы (565 санкций или 83 %), ограничение свободы (329 или 48%), арест (248 или 36 %) и штраф (234 или 35 %) [1, с. 417].

Учитывая указанное, можно сделать вывод о том, что наказание – это предусмотренная Уголовным кодексом принудительная мера уголовно-правового воздействия, заключающаяся в ограничении прав или

свобод осужденного и назначаемая приговором суда за совершенное осужденным преступление.

Наказание применяется исключительно к лицам, виновным в совершении преступления. Никто не может подвергаться уголовной ответственности иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Виновный должен быть подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности.

Лишение свободы, как один из наиболее строгих видов уголовного наказания, должно применяться судом с учетом характера и повышенной степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, если судом будет установлено, что изоляция лица, совершившего преступление, обеспечит защиту общества от преступных посягательств данного лица, и что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 727 с.
2. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Инфра – М, 2004. – 864 с.
3. Дементьев, С. Н. Лишение свободы как мера уголовного наказания : учебн. / С. Н. Дементьев. – Краснодар, 1977. – 398 с.
4. Здравомыслов, Б. В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. – перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1999. – 480 с.
5. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : Юридическая литература, 2004. – 812 с.
6. Мясников, В. В. Лишение свободы на определенный срок : содержание, цели и средства их достижения : автореф. дис ... канд. юрид. наук / В.В. Мясников ; Ростов-на-Дону, 2003. – 25 с.
7. Яскевич, И. Назначение наказания в виде лишения свободы / И. Яскевич // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 3. – С. 69–74.

УДК 343.4

Т.А. ЯКИМУК

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

Научный руководитель: А.А. Загорнов, доцент, кандидат исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ В РАМКАХ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ, РЕФЕРЕНДУМЕ, ОБ ОТЗЫВЕ ДЕПУТАТА И О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН

Ответственность за нарушения избирательного законодательства предусматривается Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Однако, наравне с этими видами ответственности, существует и конституционно-правовая ответственность, которая не выделена в самостоятельный вид юридической ответственности, но предполагающая применение мер процедурного характера к участникам избирательного процесса.

Как отмечается в юридической литературе, фактическим основанием конституционно-правовой ответственности за нарушение законодательства о выборах является совершение избирательного правонарушения, под которым понимается виновное деяние (действие или бездействие) лица, нарушающего нормы избирательного законодательства о выборах [1, с. 17].

Суть этого нарушения также изложена и в статье 192 Уголовного кодекса Республики Беларусь и предполагает нарушение законодательства о выборах, референдуме, об отзыве депутата и о реализации права законодательной инициативы граждан.

В ней же изложен и круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности. Так, это лица, входящие в состав Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательной комиссии, комиссии по референдуму, комиссии по проведению голосования об отзыве депутата, или иные лица, принимающие в установленном законодательством порядке участие в подготовке и проведении выборов [2].

Под иными лицами понимаются и наблюдатели, как национальные, так и международные, основная функция которых – обзирать ход голосования, они имеют возможность выявлять, предупреждать и пресекать такие нарушения законодательства, которые могут допустить

члены комиссии или граждане. Наблюдатели не заинтересованы в исходе выборов и являются независимыми участниками избирательного процесса.

Эти лица имеют ряд ограничений, которые закреплены в статье 13 Избирательного Кодекса Республики Беларусь, в том числе, они не вправе вмешиваться в работу избирательных комиссий, предпринимать действия, нарушающие тайну голосования, находиться у столов выдачи бюллетеней, у кабин и ящиков для голосования. То есть, фактически наблюдатели не имеют доступа к бюллетеням, ящику для голосования, спискам избирателей и к избирательной комиссии в целом [3].

В то время, как члены избирательных комиссий уточняют списки граждан, имеющих право участвовать в выборах, обеспечивают подготовку помещения для голосования, ящиков для голосования и другого оборудования, проводят подсчет голосов и устанавливают результаты голосования по участку, и т.д. [3]. То есть, в отличие от наблюдателей, имеют прямое воздействие на исход выборов.

В том числе, Избирательный кодекс Республики Беларусь, за нарушения избирательного законодательства, предполагает применение к наблюдателям таких мер ответственности, как лишение аккредитации, после чего наблюдатели не имеют права находиться в помещении для голосования.

По нашему мнению, ответственность наблюдателей, определенная статьей 192 Уголовного кодекса Республики Беларусь, не соответствует целям уголовной ответственности, а именно: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений. Предполагается, что для достижения этих целей достаточной мерой ответственности является лишение наблюдателя аккредитации, что пресекает их дальнейшее участие в избирательном процессе.

Таким образом, предлагается:

1. Исключить из статьи 192 Уголовного кодекса Республики Беларусь текст «или иным лицом, принимающим в установленном законодательством порядке участие в подготовке и проведении выборов».

2. Конкретизировать список лиц, подлежащих уголовной ответственности, а именно: закрепить уголовную ответственность за нарушение законодательства о выборах, референдуме, об отзыве депутата и о реализации права законодательной инициативы граждан только за членами избирательных комиссий всех уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатенко, В. В. Юридическая ответственность и избирательный процесс / В. В. Игнатенко. – М. : РЦОИТ, 2001. – 106 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.
3. Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. № 370-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Викторович З.М. Преступления в сфере информационной безопасности в отдельных постсоветских странах: сравнительно-правовой анализ	3
Зубко О.А. Медиация в уголовном процессе: перспективы введения в Республике Беларусь	6
Кравчук Т.А. Разграничение мошенничества и незаконной предпринимательской деятельности	11
Лойко Я.И., Резюк В.И. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление	15
Лосев И.В. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов в уголовном праве Беларуси и Казахстана	20
Мисюрин В.В. Ответственность за браконьерскую добычу рыбы и животных по уголовному законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан	23
Назарук М.М. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности	27
Ошмян И.И. Направления совершенствования законодательства Республики Беларусь, обеспечивающего предупреждение пьянства несовершеннолетних	32
Савич А.В. Экспертно-криминалистические исследования: проблемные аспекты	36
Станкевич А.Л. Присвоение и растрата: вопросы квалификации при одновременном совершении этих хищений имущества	39
Фарафонова А.В. Определение понятия «убийство»	41

Секция 1

Уголовное право

Абрамович А.П. Отдельные проблемные аспекты реализации права на жизнь в Республике Беларусь	45
Батюшко А.Г., Кудин В.А. О перспективах легализации проституции	49
Баурина И.В., Чередниченко А.Д. Разграничение подарка и взятки	52
Башкова К.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление	55
Богданович Д.В., Зайчук Г.И. Вопросы уголовной ответственности за мошенничество в сфере экологического страхования	58

Бошель Ю.Н. Разграничение покушения на преступление и оконченного преступления	62
Буянова И.В., Кушнаренок А.А. Развитие института примирения с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности	66
Быкова К.В., Храмов С.М. Понятие личной свободы человека и виды преступлений, посягающих на нее	70
Валюхневич М.Н., Резюк В.И. Классификация признаков специального субъекта преступления	73
Василевская О.Н. Проблема педофилии в Республике Беларусь	76
Гасанов А.А. Перспективы совершенствования законодательства, регламентирующего ответственность должностных лиц	78
Герасимук А.С. Малолетние как квалифицирующий признак статьи 169 уголовного кодекса Республики Беларусь	82
Голосуй А.П. Юридическое лицо как субъект преступления против экологической безопасности и природной среды	85
Григорович Е.В. Понятие состава преступления и его значение для квалификации преступления	88
Гринеvская Ю.В. Ответственность за семейное насилие	91
Давыденко Д.И. Отграничение хулиганства от смежных составов	93
Демидчик Е.Э. Эволюция системы наказаний в уголовном законодательстве Республики Беларусь	97
Жук А.О., Храмов С.М. Отграничение умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства	100
Залевская С.А. Международно-правовые основы борьбы с киберпреступностью	102
Захилько К.С. К вопросу об уголовной ответственности за отдельные деяния, связанные с принуждением	105
Зинович А.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних в уголовных кодексах 1960 и 1999 годов	109
Занько Ю.И., Мазур Д.Ю. Общественная опасность и проблемные аспекты квалификации незаконного производства аборта	112
Игнатович В.Б. Противоречие уголовно-правовой компенсации принципам уголовного права	116
Карсюк Д.С. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности за получение взятки	118
Кашкарова Е.В. Проблемы квалификации хулиганства	122
Кравченко Т.П. Правовые основы экстрадиции: национальные и международные аспекты	126

Кравчук Т.А. Субъект незаконной предпринимательской деятельности	130
Красовская О.А. Правовое регулирование защиты животных	133
Крац А.А. Значение института деятельного раскаяния	136
Кузьмицкая К.А. Существенный вред как обязательный признак злоупотребления властью или служебными полномочиями	139
Лазаревич Д.А. Общая характеристика предмета хищения в уголовном законодательстве Республики Беларусь	141
Лосев И.В. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов в уголовном праве Беларуси и России	144
Лосев И.В. Уклонение от уплаты таможенных платежей в уголовном праве Беларуси и Казахстана	148
Лукичёва Ю.В. Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики посягательств на культурные ценности во время вооруженных конфликтов	153
Малинина Д.С. Сущность криминального банкротства	158
Малич Е.Ю. Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (период до XX века)	161
Мосиянчик Е.В. Разграничение заведомо ложного доноса и клеветы, соединенной с обвинением в преступлении	165
Ничипорук О.В. К вопросу о введении уголовной ответственности за эвтаназию	167
Оконович В.К. Мотивы умышленных воинских должностных преступлений	170
Остапук Д.Д., Храмов С.М. Характеристика обмана как способа совершения мошенничества	172
Остапук Д.Д. Злоупотребление доверием как один из способов совершения мошенничества и причинения имущественного ущерба без признаков хищения	175
Пабулы Е.С. Разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия	178
Пошелюк О.А., Зайчук Г.И. Вопросы совершенствования уголовной ответственности за нарушение требований природоресурсного законодательства	182
Прокуда О.Ю. Проблемные аспекты совершенствования уголовно-правовых средств предупреждения доведения до самоубийства	185
Пужель И.О. Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 141, 150 и 143, 152 Уголовного кодекса Республики Беларусь	189

Рогацевич К.С. К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства	192
Роубо А.В. Коррупция и ее общественная опасность	195
Рябцева Ю.С. Коллизионные вопросы в области правовой регламентации брачного возраста в семейном и уголовном праве: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	199
Севрюк Е.Ю. Исторический аспект установления уголовной ответственности за торговлю людьми	204
Семенова Я.С. Должностное лицо как правовая категория: проблемы толкования и применения	206
Скок О.И., Шуленкова И.В. Особенности аналогов наркотических средств как предмета преступления в незаконном обороте	210
Ткачук П.М. Необходимая оборона: проблемы теории и практики	214
Фарафонова А.В. Уголовная ответственность за убийство по законодательству Республики Беларусь и некоторых зарубежных стран	217
Филиппович В.Г. Некоторые аспекты имплементации норм международных актов в области противодействия коррупционной преступности	220
Чарыева Дж.М. Система преступлений против порядка осуществления экономической деятельности в уголовном законодательстве Беларуси и Туркменистана: сравнительно-правовой анализ	223
Хорожева О.И. Понятие «детская порнография» в международных правовых актах и его имплементация в национальное законодательство Республики Беларусь	226
Шпаковская В.В. Значение эмоций при квалификации преступлений	231
Шабаль В.С. Некоторые аспекты определения сущности целей уголовной ответственности и применения уголовного наказания	234
Шипук С.Н. Восстановление социальной справедливости в аспекте гуманизации уголовно-правовых наказаний	237
Якимук Т.А. Ответственность наблюдателей на выборах в рамках нарушения законодательства о выборах, референдуме, об отзыве депутата и о реализации права законодательной инициативы граждан	242